Анри Труайя

Голод львят

Книга подготовлена пользователями библиотеки . Читайте или скачивайте эту и другие книги на сайте библиотеки бесплатно и без регистрации.

Адрес публикации:

I

За бортом потемнело так быстро, что Жан-Марк, удивленный, наклонился к иллюминатору. Дневной свет, поборовшись в скорости с самолетом и безнадежно отстав, остался позади. На западе еще сверкала широкая полоса синего неба, в то время как на востоке уже сгустилась тьма. Жан-Марк посмотрел на часы — они показывали нью-йоркское время: три часа дня там, восемь часов вечера во Франции. Он перевел стрелки. Поездка подходила к концу. Сиреневые сумерки, словно дым, проникали в салон самолета. Все лампы зажглись одновременно. Сосед Жан-Марка, американец, с сединой в волосах и с брюшком, снял пиджак и дремал, откинувшись затылком на спинку кресла. Его жена, сидевшая рядом с ним, невозмутимо строчила письмо за письмом. Она была левшой. Самолет тряхнуло. Буря на подлете к Европе? Бесстрастный голос стюардессы сообщил в микрофон:

— Мы пролетаем над Ла-Маншем. Через несколько минут вы сможете слева увидеть огни Сен-Мало, справа — Шербура…

Эта информация, повторенная по-английски, не вызвала у пассажиров никакой реакции. Жан-Марк тоже счел, что ему, как и остальным, все равно, но неожиданно его охватило волнение: берега Франции! Он так хорошо мог разглядеть их со своего места возле иллюминатора. Он вытянул шею. Внизу все было черно. Самолет снижался. Кончиками пальцев Жан-Марк повернул выключатель системы вентиляции над головой. Холодный воздух обдал его лоб. Прошла стюардесса с подносом, предлагая карамель. Минут через десять — посадка. О своем приезде Жан-Марк известил письмом. По его подсчетам, к одиннадцати часам он уже сможет добраться до дома.

Самолет сделал вираж на крыле, и звезды, только что мерцавшие за стеклом иллюминатора, уступили место огням, сверкавшим внизу, на земле. Потом он восстановил равновесие, шасси коснулось твердой поверхности. Тормозя на гигантской скорости, машина протестовала, рычала, замедляла бег, содрогаясь от возмущения. В проходе салона пассажиры, нагруженные ручной кладью, потягивались, распрямляя затекшие тела. Жан-Марк и представить себе не мог, что на борту столько народа.

Он пристроился к людской веренице, вразброд направлявшейся к ярко освещенному зданию аэропорта.

В громадном стеклянном переходе на него внезапно нахлынули воспоминания. Он снова представил, как следил за Кароль, которая приехала тогда встречать его отца, прилетевшего самолетом. Сколько страданий связано с этим самым местом! С тех пор минула целая вечность.

Таможенник, добродушного вида чернокожий, даже не предложил ему открыть чемоданы. Жан-Марк сел в автобус «Эр Франс», который быстро заполнился пассажирами с сомнамбулическими лицами. Грандиозный полет заканчивался в бесславной тряске. В бледном освещении фонарей Южная автострада казалась лишь смехотворной копией американских скоростных дорог. Не хватило материала, чтобы скроить ее пошире. А при въезде в Париж — эти стиснутые улицы, низкие дома, этот провинциальный, пропыленный, жалкий вид! Какое отставание от века! Автобус катил сквозь ночь, делал резкие повороты, погружаясь в залитую электричеством зелень.

На аэровокзале близ Дворца инвалидов Жан-Марк взял такси и назвал адрес. По обеим сторонам рю Бонапарт были припаркованы на ночь автомобили — передние колеса на тротуаре, задние — на проезжей части. Шофер чертыхался — невозможно было проехать. Он был старый, усатый. Расплачиваясь, Жан-Марк заметил, что несколько десятицентовых монет перемешались у него в кармане с французской мелочью. Он рассчитался, взял чемоданы, пересек заставленный машинами двор и втиснулся в лифт. Нажимая на кнопку третьего этажа,

ухмыльнулся. Что общего может быть между этой убогой дощатой кабиной, неспешно, громыхая всеми своим шарнирами, поднимавшей его вверх, и просторными, герметичными, оснащенными кондиционером нью-йоркскими лифтами, от скорости которых перехватывает дыхание, в то время как приглушенная музыка, льющаяся через динамики, ласкает слух?

Отец сам открыл ему дверь, гостеприимно раскинув руки с такой дежурной готовностью, что это даже выглядело смешно:

— Привет, старик! Удачно съездил?

И тут же осведомился:

— Кароль не с тобой?

— Кароль? Нет! — ответил Жан-Марк. — Почему?

— Она надумала поехать за тобой в Орли!

По лицу Жан-Марка пробежала какая-то тень. С чего вдруг Кароль решила его встречать?

— Должно быть, как всегда очень поздно выехала! — заключил Филипп.

Он засмеялся с видом уверенного в себе, довольного жизнью, невозмутимого человека. Жан-Марк прошел вслед за ним в гостиную. Его рассеянный взгляд удостоверился в неизменности сочетания старинной мебели с большим китайским ковром, украшенным геометрическим рисунком, стен цвета розовой лососины с темными картинами в деревянных позолоченных рамах… Кусочки льда зазвенели, падая ему в стакан. Этот легкий звук напомнил ему об одном прокуренном нью-йоркском баре. Отец предложил шотландское виски. Они выпили, сидя друг против друга, глаза в глаза. «Если бы только Кароль могла не возвращаться!» — мелькнуло в голове у Жан-Марка.

— Ну, рассказывай! — начал Филипп. — Как тебе понравилась Америка?

— Потрясающе! — ответил Жан-Марк.

— Это ни о чем не говорит: потрясающе!

— Для меня — говорит. Несколько недель, прожитые человеком там, совершенно меняют его масштаб мышления!

— Дидье Коплен вернулся вместе с тобой?

— Нет, он уехал из Нью-Йорка две недели назад.

Жан-Марк улыбнулся, заглянул в свой стакан и добавил:

— Он был совсем на мели! Вначале попытался давать уроки французского, но ученики уходили от него один за другим.

— А у тебя как сложились дела с Кроуфордом?

— Очень хорошо. Я занимался тем, что разбирал и классифицировал французские публикации по юриспруденции…

Конторы Хью Д. Кроуфорда находились на шестьдесят четвертом этаже здания «Чейз Манхэттен Бэнк». Кондиционированный воздух, внутренняя оперативная связь и головокружительный вид на каньон, расположенная внизу Уолл Стрит, легкий туман над заливом и статуя Свободы. Под началом этого добродушного и жесткого человека с бугристым лицом и льняными волосами работало сто двадцать пять адвокатов.

— Что за титан этот старик Кроуфорд! — со вздохом проговорил Жан-Марк. — А его конторы!.. Если бы ты их видел!

— Да я их видел! — сказал Филипп.

При этом замечании Жан-Марк споткнулся и замолчал.

Увлеченный собственными воспоминаниями, он забыл, что отец больше десяти раз был в Нью-Йорке. Это соображение тотчас же лишило его желания делиться своими впечатлениями о поездке. Но Филипп настаивал:

— Эта страна ошеломляет своим богатством, предприимчивостью, продуктивностью, цинизмом, да?

— Да…

— В конце концов европеец там теряет уверенность в себе…

— Ты считаешь?

— Если бы тебе предложили навсегда обосноваться в Нью-Йорке, ты бы согласился?

— Почему бы и нет?

Филипп покачал головой:

— Ну, ты меня поражаешь! А Даниэль на этом самом месте объявил мне, что он Франции предпочитает Кот-д’Ивуар!

Они рассмеялись.

— Скоро он вернется? — спросил Жан-Марк.

— Думаю, в конце месяца.

— А Франсуаза? Она еще в Туке?

— Да.

Входная дверь хлопнула. Филипп поставил стакан на низенький столик:

— А! Это Кароль!

Они оба разом встали. Вошла Кароль, запыхавшаяся, возбужденная, с блестящими глазами на маленьком личике, заостренном и опаленном солнцем.

— Жан-Марк! Как глупо! — заговорила она. — Я из Орли! Разминулась с тобой на пять минут!

Все это было настолько в стиле Кароль, что Жан-Марк не смог не восхититься верностью этой женщины своему образу. Она слегка обняла его. Он уловил тонкий запах ее духов. Но она уже отстранилась.

— Покажись-ка! Ты прекрасно выглядишь, старина!

Он не помнил, чтобы думал о ней с тех пор, как они расстались, тем не менее встретил ее без всякого удивления, как если бы она то и дело попадалась ему на глаза. Кароль похудела, загорела. Диета и солнечные ванны на корабле. Янтарный оттенок кожи по контрасту придавал еще больше блеска ее расширенным зрачкам и зубам, обнаженным в улыбке зубам.

— Ты голоден? — поинтересовалась она. — Там Аньес что-то приготовила для тебя…

— Спасибо, я поужинал в самолете.

Она села около мужа на диван с разноцветными подушками. Филипп притянул ее к себе и обнял правой рукой за плечи. Она, казалось, чувствовала себя счастливой под грузом этой мужской руки, свешивавшейся с ее шеи. Но глаза, светившиеся ироническим любопытством, были устремлены на Жан-Марка. Ей хотелось знать все о жизни, которую он вел в Соединенных Штатах. Он должен был описать комнату, которую они с Дидье Копленом снимали в квартире одного из сотрудников Кроуфорда, как проходил его рабочий день, где он бывал вечерами…

— А женщины, — спросила Кароль, — что ты скажешь об американках?

Поскольку вопрос этот исходил от нее, Жан-Марк смутился. У него не было ни одного сколько-нибудь серьезного сентиментального приключения в Нью-Йорке.

— Такие же, как француженки, — ответил он. — Есть невзрачные, есть приятные. — И, чтобы поскорее оборвать расспросы, спросил: — А вы? Как ваш греческий круиз?

Кароль закатила глаза к потолку:

— Катастрофа! Жара была страшная, корабль не плавал в открытом море, а Колетт Дюурион умудрилась перессорить между собой все пары.

— Лучше было бы и нам поехать с тобой в Штаты, — сказал Филипп. И удалился, не в силах скрыть широкий зевок: — Умираю — хочу спать!

— Удивительно, — заметил Жан-Марк, — а я, несмотря на разницу во времени, совершенно не хочу спать!

— Ты ляжешь у нас, — уведомила Кароль. — У тебя на улице д’Ассас ничего не готово. Аньес даже не убирала там…

Он согласился, отчасти раздосадованный, отчасти удовлетворенный этим удобным решением. Отец и Кароль ушли, пожелав ему доброй ночи. Они производили впечатление счастливой семейной пары. Не сблизились ли они снова за время путешествия в Грецию?

В комнате у Жан-Марка все было так, как и прежде. Мебель светлого дерева в стиле эпохи Карла X, эстампы в серых тонах на стенах, книги на полках со стеклами, разобранная постель, чистые полотенца, положенные на край раковины, — он уже готов был растрогаться. Но его взгляд задержался на трех красных розах, стоящих в вазе, и чувства мгновенно охладели. Эти три красные розы были знаком от Кароль, символом сговора, призывом к порядку. Она поставила их здесь не случайно, а, вне всяких сомнений, для того, чтобы воскресить в нем какое-то чувство, о котором он захотел стереть даже воспоминания. Ну что ж! Она напрасно потратила время, если думала смутить его этой уловкой. Поездка обновила, освежила и закалила его. Избавившись от своего прошлого, он уже ничего и никого не боялся.

Внезапно ему показалось, что он задыхается в этих четырех стенах. Движение, которым его перенесло с одного континента на другой, продолжалось внутри него самого. О том, чтобы лечь спать, не могло быть и речи. Он удостоверился, что ключ от квартиры в кармане, и вышел.

Сентябрьская ночь была теплой и темной. Кафе на площади Сен-Жермен-де-Пре были переполнены. Жан-Марк сел на террасе «Дё Маго», заказал маленькую кружку пива и пожалел, что сидит в одиночестве. Он бы с удовольствием поделился впечатлениями с кем-нибудь из друзей. Завтра он увидится с Дидье Копленом. Но Дидье воспринял Америку не так, как он. Группа парней и девушек прошла мимо, о чем-то горячо споря. И он сразу представил себя в Гринвич Вилледж. «Все молодые похожи друг на друга, — подумал Жан-Марк. — С той лишь разницей, что они там принадлежат к великой нации, процветающей,

оптимистической, на языке которой говорит половина цивилизованного мира, а эти здесь — нации хрупкой, целиком завязшей в прошлом и не способной распространить свое влияние дальше соседних стран». Никогда еще ничтожность и слабость Франции не представали перед ним с такой определенностью. Как можно быть французом в XX веке? Он задавал себе этот вопрос и машинально ласкал взглядом платаны на бульваре Сен-Жермен. В Нью-Йорке он отвык от деревьев. А здесь они были густые, могучие, полные сока. Перед хмурыми фасадами распустились целые купола листвы, плотные облака зелени. При одном взгляде на них вы ощущали на губах вкус горьковатой свежести. Тщательно продуманная подсветка освещала колокольню снизу, делая выразительной каменную кладку. Площадь окружали приземистые дома, где обыватели рано ложились спать. Машины неслись бесконечным потоком, сверкая никелем. Сигнальные огни, неоновая реклама, свет фонарей — в этом скрещении лучей проскальзывали человеческие тени, раздавались обещания, зрели драмы. Мало-помалу Жан-Марк начинал ощущать, как в нем пробивается молчаливое согласие с тем, что он видит перед собой. Не это ли равновесие между старыми камнями и молодой зеленью, между прошлым и настоящим, внушало благодушие? Он прикинул, что в этот час закат едва затуманил небо над Манхэттеном. Усталость, смена обстановки поддерживали в нем состояние приятного опьянения. Он поднялся и пошел бродить по улицам, без всякой цели, вдыхая запах Парижа, глядя в лица прохожим, чего никогда не осмелился бы делать в Нью-Йорке. И тут совершенно необъяснимо Жан-Марк осознал, что счастлив вернуться домой, вновь окунуться в музыку своего языка. Неважно, что Франция не так богата, не так велика, не так многочисленна, могуча и организованна, как Соединенные Штаты! Именно здесь, и нигде больше, он должен был дать свой человеческий бой.

Он открыл дверь частного клуба «Лантерн», с хозяином которого был знаком, и его обдала темная, горячая и шумная волна. Оглушенный и ослепленный, он стал пробираться к бару; на ходу поздоровался за руку с двумя парнями, чьих имен не смог бы вспомнить, и присел у стойки на табурет. Перед ним в полумраке с сосредоточенностью гимнастов, занятых тренировкой, передвигались люди. Он никогда не любил танцевать просто так. А девушки в этот вечер были так себе: голова в плечи, волосы на глаза, руки, размахивающие как крылья. Это была субботняя клиентура. Он удалился разочарованный. В «Seven two» была такая же толкотня и тоже непритязательная публика. Зато выбор дисков там был превосходный. Жан-Марк послушал несколько ностальгических, слегка устаревших мелодий, проглотил один дайкири и вышел на свежий воздух, чтобы перевести дыхание после предпринятого погружения.

Было два часа утра. Он не знал, куда еще пойти. В сторону дома. Ноги повели его старым путем. Стоп! Он сменил тротуар. В сущности пустяк, однако у него возникло чувство, будто он оборвал уто́к, спутал нити привычки, замыслил какие-то темные интриги! Главное — стойко держаться! Начисто отринуть прошлое. Возненавидеть и сокрушить себя того, каким он был.

Какой-то страх охватил его в тот момент, когда он входил в квартиру: этот аромат духов, эта тягостная тишина, они были приятны как воспоминание о каком-то очень сладком лекарстве, которое он принимал в детстве. Он осторожно открыл дверь в свою комнату, повернул выключатель. Три красные розы по-прежнему стояли в вазе. Они полыхали жизнью. Жан-Марк заставил себя не смотреть на них, сел на край кровати и снял туфли. «Завтра утром позвоню Франсуазе», — подумал он.

II

Прорвав «Пасторальную симфонию», зазвонил телефон. Мадлен приподнялась на локте и посмотрела на аппарат — это, несомненно, ее коллега. Бальмора из Кана, который звонит по поводу секретера эпохи Людовика XVI. Он должен был сказать, устраивает ли клиента цена. Шесть-семь метров отделяли ее от шкафчика с украшенной деревянной резьбой дверцей, где находился телефон. Но с ее сломанной ногой это было равносильно пустыне. Успеет ли она? Стоило Мадлен встать, как звонок прекратился. Разозлившись, она снова легла, опираясь грудью на две подушки и вытянув ногу. Какая глупость! Все люди ломают малую берцовую кость, отличившись на лыжах, она — поскользнувшись на кафельном полу в кухне. На кафеле, когда-то подобранном с такой любовью — розовые и белые плитки, теперь уже старые, стершиеся, блестящие, неровные, привычные! Хорошо еще, что Франсуаза была здесь и помогла ей подняться! С тех пор как восемь дней назад наложили гипс, доктор Жуатт запретил ей ходить. Он преувеличивает, этот малый! Мадлен устроилась на первом этаже, на диване. Пластинки, книги, вышивание, газеты — все было под рукой. Все, кроме телефона. Мадлен скучала. Послезавтра ей снимут гипс и она возьмет на прокат костыли! Тогда жизнь снова станет сносной. В лавке — она расположена на другой стороне улицы — ее замещает Франсуаза. Принимает заезжих клиентов. За несколько недель девочка вошла во вкус антикварного ремесла. Мадлен обучила ее профессиональным хитростям и направила на аукционные торги в область. Франсуаза любила старинные, бесхозные вещи, со щербинами, с загадочным прошлым. К тому же это занятие ее отвлекало. Она никогда больше не говорила Мадлен о своем душевном смятении. Однако даже когда улыбалась, ее взгляд был затуманен грустью. Опять телефон. На этот раз нужно было, чего бы это ни стоило, взять трубку. Мадлен повернулась всем телом и поставила правую ногу на плиточный пол. Обжигающие мурашки побежали по онемевшей икре. Она переместила вес на здоровую ногу — левая повисла в нескольких сантиметрах от пола в своей гипсовой оболочке — и оперлась на спинку стула, чтобы не упасть. Толкая сиденье перед собой, рывками доплелась до ниши с телефоном. Как только она сняла трубку, послышались гудки.

— Черт! — выругалась Мадлен.

Нога была тяжелой. Однако возвращаться на диван ей не хотелось: Бальмора мог позвонить снова. Она подождала, опираясь плечом о стенку. Разумеется, ничто не мешало ей связаться с его коллегой и спросить, не Бальмора ли сейчас ей звонил. Но тогда тот мог сделать вывод, что ей не терпится получить ответ. Лучше пусть думает, что она совершенно не озабочена продажей своего секретера. Перед собой в старинном зеркале в позолоченной раме она видела плотную женщину с полными бедрами, в синей юбке, белой блузке, одна нога обута в домашнюю туфлю, другая — в каменный сапог. В уголке рта дымилась сигарета. А на всю квартиру надсаживался Бетховен со всеми своими скрипками! «Ох, ну и вид у меня, хуже некуда!» — подумала Мадлен. Пепел от сигареты упал на блузку. Поскольку телефон продолжал молчать, она направилась обратно, подпрыгивая на одной ноге. И была уже на полпути к дивану, когда в дверь постучали.

— Войдите! — сказала Мадлен.

Но никто не вошел. Это, наверно, была домработница. Глуха как тетеря старая Мели! Повысив голос, Мадлен закричала изо всех сил:

— Входите же!

И она сделала маленький прыжок, передвигаясь вперед вместе со своим стулом. Дверь открылась. На пороге стоял мужчина. Мадлен замерла в позе аиста.

— Месье? — произнесла она вопросительно.

И одновременно подумала: «Ведь я его знаю!» При этом почувствовала себя невероятно смешной со своим вопросительным взглядом и с ногой в гипсе.

— Не знаю, помните ли вы меня… — сказал мужчина.

— Как же! — ответила Мадлен. — Господин Козлов, не так ли?

Он слегка поклонился. Мадлен призвала себя к спокойствию. Но мысли ее путались.

— У вас травма?

— Пустяки! — пробормотала Мадлен. — Сломала ногу, по глупости!

Он помог ей дотащиться до дивана. Она хотела было отказаться от его помощи, но это было невозможно. Сильная и теплая рука сжимала ее предплечье сквозь рукав блузки.

— Спасибо, — поблагодарила Мадлен, усаживаясь. И уложила свою негнущуюся ногу на подушку.

— Я здесь проездом, — сообщил Козлов. — В Париже мне сказали, что Франсуаза у вас на каникулах…

— Да.

— Как она?

— С ней все в порядке.

— Мне очень жаль, что она бросила занятия. Она была одной из лучших моих учениц…

Мадлен раздавила в блюдце окурок и нервно закурила новую сигарету. С минуты на минуту могла войти Франсуаза. Любой ценой нельзя было допустить, чтобы она встретилась с этим человеком. Однако он, казалось, и не собирался уходить. По его виду можно было подумать, что ему не в чем себя упрекнуть. Мадлен украдкой оглядывала его. Козлов был моложе, чем он ей когда-то показался. Неправильное лицо, взгляд мрачный, надменный и одновременно мягкий.

— Счастлив увидеть ваш дом, — продолжал он. — Франсуаза мне столько о нем рассказывала. Действительно очень красиво! Сразу переносишься в другой век, хочется жить помедленнее. А! Вот знаменитый автомат!.. — Он подошел к негру-курильщику, возвышавшемуся на круглом столике. — Великолепно!

Мадлен чувствовала, если она тотчас же не вмешается, он рассядется, застрянет, и ей уже не удастся выставить его за дверь.

— Это восемнадцатый век? — спросил он.

— Да.

— И он ходит?

— Да.

Козлов закивал головой:

— Прекрасно, прекрасно…

Между ними воцарилось молчание. Затем Козлов наклонился к Мадлен и тихо спросил:

— Франсуазы нет?

— Нет.

— Мне бы хотелось ее видеть.

— Как раз и не нужно, чтобы вы ее видели!

— Почему?

— Вы и без того принесли ей достаточно горя!

Он изобразил удивление:

— Я?

— Да, — буркнула Мадлен, — я знаю про… про… — Она не знала, как закончить фразу, замялась, сердясь на свое косноязычие, и в конце концов нехотя произнесла: —…про вашу связь.

Она сразу же пожалела, что у нее вырвалось это слово, старомодное, высокопарное, смешное. Козлов улыбнулся:

— Связь? О, мадам! Уверяю вас, что речь, скорее, идет о нежной дружбе, о взаимном уважении…

— О дружбе и уважении, которые едва не стоили жизни этому ребенку!

— Не будем преувеличивать!

Она отпрянула: как он осмелился такое говорить?

— Вы забываете, что из-за вас она пыталась покончить с собой!

Глаза Александра вдруг остановились, потемнели, черты лица так напряглись, как если бы он всем сердцем отвергал неприятную мысль.

— Что?! — воскликнул он. — О нет!.. Я и не знал этого…

Судя по всему, он говорил искренне. Это признание смутило Мадлен и почему-то усилило ее гнев. «Лучше бы я молчала!» — подумала она с досадой.

— Ладно! Теперь, когда вам все известно, — сказала она, — согласитесь, что ваше присутствие здесь совершенно неуместно. Быстро уходите!

Ошеломленный, он не двигался с места.

— Это безумие! — пробормотал он. — Зачем она это сделала?

— Вы, похоже, еще сомневаетесь!

Мадлен приподнялась со своего места. С пылающим взглядом и скованная в движениях из-за ноги. Козлов вздохнул; казалось, он приходил в себя.

— Прошу меня извинить, — сказал он. — Несомненно, было бы лучше, чтобы Франсуаза не знала о моем визите.

Мадлен опустила голову. Определенно, этот человек обладал искусством разбавлять честностью свою подлость. Его можно было обвинить в чем угодно, но только не в лицемерии. К тому же в глазах у него столько страсти, столько убежденности! Ничего удивительного, что Франсуаза…

— Прощайте, мадам.

Мадлен почувствовала, как у нее защемило сердце. «Бедная девочка!» — подумала она. И вдруг глаза у нее округлились. То, чего она больше всего опасалась, случилось-таки. Дверь за спиной у Козлова открылась. Сквозняк поднял лист газеты, лежащей на столе. Радостный голос воскликнул:

— Все в порядке, Маду! Я продала ту пару кофейничков из севрского фарфора!

На пороге стояла Франсуаза, размахивая банкнотами. Ее последние слова повисли в воздухе. Она опустила руку. Какое-то болезненное изумление отразилось на ее лице. У Мадлен стеснилось дыхание, она не знала, что предпринять, чтобы предотвратить катастрофу. Последовала длинная пауза. Франсуаза пролепетала:

— Ой!.. Это вы…

— Здравствуй, Франсуаза, — сказал Козлов.

Она машинально пожала руку, которую он протянул ей, сделала несколько шагов и положила деньги на круглый столик. Мадлен, видевшая теперь только ее спину, терялась в догадках. Тут девушка повернулась, и необычная веселость блеснула у нее в глазах.

— Как странно видеть вас здесь! — сказала она подрагивающим голосом, глядя Козлову прямо в лицо.

— Я сейчас ухожу, — пробормотал он.

И бросил нерешительный взгляд на Мадлен.

— Уже? — воскликнула Франсуаза. — Неужели у вас нет ни минуты! Мне столько всего нужно вам сказать! Знаете, как я выходила из себя из-за того, что не смогла быть на экзамене? Но я была очень, очень больна…

«Разумеется, Козлов поверит ей, а не мне с моей историей о самоубийстве!» — подумала Мадлен. Она досадовала, что вот так могла быть уличена в том, что сгустила краски. Не привиделся ли ей этот роман племянницы с преподавателем русского языка?

— Садитесь же! — сказала Франсуаза.

Она порхала, улыбалась, усаживала, доставала стаканы из шкафа. И прежде чем Мадлен успела опомниться, перед нею сидел мужчина, устроенный в лучшее в доме кресло (бержер в виде гондолы с высокой спинкой, начало XIX века), и со стаканом портвейна в руке вел дружескую беседу:

— Мои друзья живут в Онфлёре… Маленький особнячок восемнадцатого века, совершенно очаровательный… Наконец, я считаю… я об этом ничего особенно не знаю… А вы, насколько я понимаю, уже порядочно, как перебрались в Тук?

— Да! Я обожаю эти места, — сказала Франсуаза. — И мне так хорошо живется у тети!

Мадлен натянуто улыбнулась. Она плохо переносила такого рода любезности.

— Но вы, надеюсь, приступите к занятиям в Институте восточных языков в новом учебном году?

— Конечно! — ответила Франсуаза.

Давно ли у нее возник этот план или она все решила, уже увидев Козлова? Скорость, с которой развивалась ситуация, пугала Мадлен. Она пыталась завладеть вниманием племянницы, но та избегала ее взгляда.

— В любом случае вам нужно заново поступить на первый курс, — сказал Козлов.

— Увы, да! — ответила Франсуаза. — Вышло так глупо!..

— Вы немного занимались русским языком этим летом?

— Не пришлось! Я такая лентяйка… — Она слабо улыбнулась и спросила: — Вы приехали в Тук на несколько дней?

— Нет. Завтра я уезжаю в Париж.

— А вечером вы что делаете?

Мадлен испугалась.

— Я обедаю со своими друзьями, — ответил он.

В этот момент зазвонил телефон. Франсуаза побежала к аппарату.

— Это наверняка Бальмора! — сказала Мадлен.

Но на лице девушки, прижимавшей трубку к щеке, изобразилась радость, которая уж никак не могла быть вызвана голосом старого антиквара.

— Жан-Марк! — воскликнула она. — Подумать только! Откуда ты говоришь?.. Из Парижа? Это чудесно!.. У меня все хорошо!.. Нет, буду не раньше конца сентября… Но приезжай ты сюда!..

Сидя на краешке дивана, Мадлен сделала знак, что хочет взять трубку…

— Подожди! — сказала Франсуаза. — Маду хочет с тобой поговорить… Ты не знаешь?.. С ней случилась неприятность. Она сломала малую берцовую кость. Поскользнулась на кафельном полу в кухне… Нет, не очень серьезно, но она страшно злится… Ей очень тяжело передвигаться…

Мадлен с трудом поднялась и была вынуждена опереться на руку Александра. Франсуаза подбежала, чтобы поддержать ее с другой стороны.

— Он говорит, что два раза звонил сегодня днем, но никто не отвечал! — уточнила Франсуаза.

— А, значит, это был он! — вздохнула Мадлен, тяжело подпрыгивая.

О нем-то она и забыла! Что там еще и у него за беда! Ей подвинули стул. Она села, взяла трубку:

— Алло, Жан-Марк! Рада тебя слышать. Ну, как там Соединенные Штаты?..

— Потрясающе! — ответил он. — Я тебе потом все расскажу подробно. Но скажи мне, что твоя нога, это какой-то идиотизм!

— Полный идиотизм!

— Вот, не будешь теперь сверх меры натирать воском свою плитку!

Он засмеялся.

— Тут не над чем смеяться! — сказала она. — Совершенно ничего смешного! Как дела дома?

— Все хорошо.

Его обыденный тон успокоил ее. Жан-Марк, вероятно, обрел душевное равновесие. Надолго ли? Она посмотрела на Франсуазу, которая укрылась в амбразуре окна вместе с Козловым. Он возвышался над девушкой на целую голову и очень тихо что-то говорил ей. Франсуаза уныло улыбалась. О чем они говорили, невозможно было расслышать. Мадлен пожалела, что Жан-Марк отвлек ее к телефону именно в тот момент, когда нешуточные события требовали ее внимания. Два или три раза она отвечала ему невпопад, расстроенная то каким-то жестом племянницы, то словом, схваченным на лету и ложно истолкованным.

Как только она повесила трубку, Франсуаза сообщила:

— Господин Козлов должен уходить.

— А! — воскликнула Мадлен, вздохнув с облегчением.

— Да, — сказал гость, — меня ждут друзья. Уже семь часов!

Она посмотрела на него, раскованного, поджарого, внушающего тревогу. Одетого в клетчатую сорочку и в коричневые брюки грубого полотна. Что он решил на ее счет? Что она психопатка, которая выдумывает жуткие истории, чтобы сохранить целомудрие своей племянницы! Она вернулась на диван все так же с помощью Франсуазы и Александра Козлова, села, придавив спиной подушки. Франсуаза проводила Козлова до двери.

— Я очень рассчитываю на ваше возвращение, — еще раз напомнил он.

Франсуаза кивнула головой, как маленькая лошадка.

Когда Козлов ушел, она, не говоря ни слова, убрала бокалы, бутылку, поставила на место стулья, взяла со столика деньги, вырученные от продажи, и протянула их Мадлен:

— Двести пятьдесят франков! Так, как ты мне говорила, помнишь? Они торговались изо всех сил, но я не сдалась!

— Браво! — воскликнула Мадлен.

Франсуаза села рядом с ней. В комнате уже было почти темно. Мадлен протянула руку, чтобы зажечь лампу, но ее остановил приглушенный крик:

— Не надо!

Секунду спустя голова Франсуазы легла на ее плечо. Теплое, прерывистое дыхание ощущалось в ямке у нее на шее. Она ласково погладила волосы девушки, провела рукой по ее щеке, мокрой от слез, слегка коснулась краешка лихорадочно горящих губ, полуоткрывшихся в легком стоне:

— Франсуаза, моя маленькая Франсуаза, ты его еще любишь, — вздохнула она.

— Нет.

— Но ты рада, что снова его увидела!

— Не знаю…

— Почему ты решила опять продолжить занятия?

Франсуаза напряглась всеми мускулами, приподняла голову и слегка отстранилась. Она уже не плакала.

— А почему бы и нет?

— Мне кажется… это опасно для тебя…

— Если что для меня и опасно, так это оставаться в стороне от мира, как это у меня сейчас происходит! Ты мне сама не раз об этом говорила!

— Да, конечно… В определенном смысле…

— Знаешь, когда я это поняла?

— Нет.

— Несколько минут назад, когда увидела его здесь… Почему, ты думаешь, он приехал? Из любопытства? От нечего делать? Оттого, что он оказался неподалеку и ему надо было убить час времени?.. Нет, Маду… Он приехал потому, что не мог

не приехать. Какая-то сила толкнула его в спину…

Глаза Франсуазы сверкали в полумраке. Она поднялась, прошлась по комнате, потом неожиданно повернулась и заговорила еще тише:

— Если в первый раз мы встретились, быть может, благодаря случаю, на этот раз, несомненно, мне его послал Бог. Для того чтобы дать мне возможность начать новую жизнь, искупить свои ошибки… Я так виновата!

— Виновата? Ты? — пробормотала Мадлен.

— Да. Поскольку в этом человеке много недостатков, я должна была все свои усилия направить на то, чтобы поддержать его, просветить, попытаться сделать лучше.

— Ты попыталась!

— Не слишком!.. И Кароль, и мой отец, и моя мать, и Жан-Марк… По отношению к ним — то же самое… Я только и делала, что осуждала их! При первом же разочаровании я поворачивалась к ним спиной!.. Думала лишь о себе!.. О своем маленьком нравственном комфорте!.. Не говори «нет»!.. Я дважды предала Бога! Когда из слабости отказывалась прийти на помощь тем душам, на которые я могла оказать хотя бы небольшое влияние, и когда решилась покончить с собой! Преступление против любви и преступление против Бога!.. Раньше во мне вызывали отвращение другие, теперь я сама себе отвратительна! Потому что я осмелилась судить других, вместо того чтобы помочь им! Потому что я спасовала перед жизнью!

Она замолчала. Ее силуэт чернел на сером фоне окна. Мадлен спрашивала себя, сколько было искренности, а сколько — неосознанного, конечно, — лукавства в этом исповедании веры. Не стремится ли Франсуаза оправдать христианскими мотивами свое желание возобновить отношения с Козловым? Во всяком случае, не могло быть и речи о том, чтобы возражать ей сейчас, когда она столь возбуждена. Приходилось согласиться с ее мнением и попробовать предостеречь ее от переизбытка воображения.

— Какой сегодня день, Маду? — спросила Франсуаза.

— Седьмое сентября. А почему ты спрашиваешь?

— Просто так…

Они замолчали. Франсуаза мечтательно повторила:

— Седьмое сентября!

И Мадлен уже больше не сомневалась, что появление Козлова снова оказало сильное влияние на племянницу. Она боролась бы, сопротивлялась, ей удавалось бы избегать его, может быть. И при всем при том она была бы несчастлива. Так не лучше ли страдать из-за мужчины, чем обходиться без него?

— Пойду приготовлю поесть, — сказала Франсуаза.

Она включила лампу.

В проеме окна возвышалась колокольня, сланец на ее крыше сверкал в лунном свете. Колокольня была старая и безгласная, давно бездействующая. Франсуаза смотрела на нее из своей постели, ощущая себя загадочным образом связанной с этой дряхлостью и заброшенностью. Словно эти руины и ее тоска слились воедино. Ей нужно было решительным усилием воли вырваться из своего горя, иначе она тоже превратится в монумент, нечто тяжелое и оцепеневшее. Только что перед Мадлен она в самом деле поверила, что могла бы найти в себе силы снова столкнуться со всеми теми, от кого бежала. И вот ее вновь охватил страх — страх

перед дорогой, страх перед людскими лицами, перед поступками… «Принимать все, что идет ко мне, не избегать ничего, строить…» Самое сложное, конечно, установить дружеские и доверительные отношения с Александром. У нее было бы гораздо больше власти над ним, если бы она просто, по-дружески с ним встречалась, не становясь снова его любовницей. Нет, ни за что на свете она не хотела бы пережить стыд некоторых его ласк. Она вытянулась на спине и сразу же ощутила на себе мужское тело. Оно появлялось из прошлого, горячее и упругое. Воспоминание было настолько отчетливым, что Франсуаза едва не потеряла сознание. Все погрузилось в темноту, и вместе с тем она понимала, что с ней произошло то, для чего она была рождена, что цена за испытанный ею восторг никогда не была бы слишком велика.

Франсуаза села на кровати, встряхнула головой, и наваждение рассыпалось. Нет, этого не будет! А если будет, то не с ним! Потом, когда она полюбит по-настоящему. Другого мужчину. Ее мужа перед Богом. Она с каким-то меланхолическим упоением повторяла себе эти слова. Настанет день, и может быть уже близкий, когда мысли, которые сейчас для нее так мучительны, потеряют свою важность. В этой мудрой перспективе неизвестное внушало ей больше надежды, чем известное. Возможно, она станет чьей-то женой. Нужно будет заботиться о детях. Она часами будет разговаривать по телефону с подругами, у которых тоже будут дети. Она вернется к обычной жизни. Растворится в толпе. Франсуаза вздрогнула. Холодный воздух проникал через открытое окно. Луна спряталась. От колокольни оставались только смутные вертикальные очертания. Заснула ли Мадлен? Нет, она, наверное, еще читает. В какой-то момент Франсуаза решила было спуститься, чтобы продолжить их разговор. Потом раздумала. О чем говорить? Они все друг другу сказали. «Теперь должна действовать я. Одна лишь я». На улице залаяла собака. Франсуаза прижалась щекой к подушке. Прохлада ткани передалась ее мыслям.

III

— Вас вызывает по ПСВ из Шатодёна Даниэль Эглетьер, — сообщила телефонистка. — Вы согласны оплатить связь?

— Да, — ответил Жан-Марк.

И, поворачиваясь к отцу, воскликнул:

— Это Даниэль звонит из Шатодёна!

— Из Шатодёна? — повторил удивленный Филипп. — Передай мне аппарат!

Он быстро встал из кресла и в три шага пересек гостиную. Жан-Марк передал ему трубку, а себе оставил отводной наушник. Через какое-то время он услышал, как телефонистка сообщила: «Соединяю», и стал слышен голос Даниэля, далекий, плывущий, сопровождаемый потрескиваниями:

— Алло, папа? Это Даниэль… Извини, что не предупредил о своем приезде, но телеграммы стоят дорого… Пожалуйста, не беспокойся!.. Все в порядке!.. Путешествие было громовое!..

— Что ты забыл в Шатодёне? — спросил Филипп.

— Не смейся! Я не мог проехать дальше. Грузовой теплоход меня высадил в Бордо. Я наскреб все, что у меня было в кармане, чтобы сесть на поезд. В результате — Шатодён! Конечная остановка! Всем выходить!

Жан-Марк и Филипп расхохотались.

— Я попытался ехать автостопом, — продолжал Даниэль, — но никто не хотел меня брать из-за моего багажа!

— В какой гостинице ты остановился? — спросил Филипп, вернувшись к серьезному тону.

— В гостинице? Ты смеешься! Я обосновался на вокзале, в зале ожидания. Даже вздремнул там немножко.

Филипп пожал плечами:

— Все это нелепо! Сними номер в приличном отеле, и я переведу тебе деньги телеграфным переводом, чтобы выручить тебя.

— Папа, но это же против правил!

— Против каких правил?

— Против правил фонда Зелиджа. Я уже говорил тебе: я сам должен выкручиваться и сам зарабатывать деньги, в которых может возникнуть необходимость во время поездки. А иначе было бы слишком легко!

— Так что же, ты наймешься разнорабочим в Шатодёне, чтоб заработать четыре су, которых тебе не хватает? Это смехотворно!

— Ну нет, папа! В конце концов я найду грузовик, который доставит меня в Париж! Нет проблем! Я просто звоню тебе, чтобы сказать, что я уже во Франции! И что все прошло благополучно!

— Подожди минуту! — сказал Филипп и наклонился к Жан-Марку, прошептав ему: — А если тебе на машине съездить за братом? Шатодён — это не далеко!

Жан-Марк согласился. Он был рад встретиться с Даниэлем, которого не видел уже больше двух с половиной месяцев, а заодно и проехаться на новеньком «ситроене»,

купленном отцом по возвращении из Греции.

Филипп сообщил сыну по телефону:

— Хорошо! Сделаем так: Жан-Марк приедет за тобой на машине.

— О нет! Это уже будет совсем нечестно! — сказал Даниэль.

— Ну, ты преувеличиваешь! — возразил Филипп. — Представь, что ты остановил машину на дороге, и как раз случайно за рулем оказался твой брат, ты что, отказался бы к нему сесть?

— Нет, конечно! — процедил Даниэль сквозь зубы. — Но тут же другое. Жан-Марк приедет специально…

— Совсем нет! У него дела в тех местах!

— Рассказывай!

— Ты что, не хочешь? Столько разговоров из-за каких-то ста километров!

— Из-за ста тридцати девяти.

— Ну, хватит, Даниэль. Жан-Марк будет рад за тобой съездить. Он поедет на новом «ситроене».

— Да? — Голос Даниэля смягчился. — Ладно, — сказал он наконец. — Тогда я жду его перед вокзалом. В котором часу он приедет?

— Пока доедет, думаю, будет часов пять. К сожалению, мы с тобой не увидимся, когда вы вернетесь. Через час я улетаю в Лондон. Но пробуду там не больше трех дней. До встречи!

Филипп положил трубку. Вид у него был довольный. Как всегда, он пренебрег сомнениями, беспокойством. Он авансом решил все проблемы.

— Какой парень наш Даниэль! — воскликнул он весело.

— А я вот думаю, в каком состоянии мы его увидим! — вступила в разговор Кароль.

Они как раз закончили завтракать. Мерседес, торжественная и недружелюбная, вошла в гостиную и поставила поднос с кофейником и чашками на столик перед диваном.

— Как глупо, что я должен улетать! — вздохнул Филипп, усаживаясь. — Я бы поехал вместе с тобой.

— Я поеду! — заявила Кароль, разливая кофе по чашкам. — Ты не против, Жан-Марк?

— Почему это он, по-твоему, должен быть против? — спросил Филипп.

Она закатила глаза в гримасе, которая была ему так хорошо знакома:

— Ну, я не знаю, может, ему хотелось бы поехать с кем-нибудь из приятелей!

Жан-Марк весь внутренне сжался, его охватил какой-то смутный страх.

— Отчего же! — сказал он. — Я рад!

Он слишком быстро поднес чашку с кофе к губам и обжегся.

— Дети мои, — сообщил Филипп, — через двадцать пять минут я вас покидаю!

А пока он удобно устроился в кресле, вдыхал аромат кофе, смотрел на жену.

— Держи, вот ключи, старик, — обратился он к сыну. — Не гони слишком быстро: машина еще в обкатке…

Жан-Марк понимающе кивнул головой. Внутри, за левой щекой, обожженный кусочек слизистой мешал, словно крошечный лоскуток. Он прикоснулся к нему кончиком языка. Перспектива поездки с Кароль раздражала его все больше и больше.

Удовольствие держаться за руль рядом с сидящей под боком женщиной заставило Жан-Марка забыть о плохом настроении. При выезде из Парижа не было большого скопления машин. Хотя на моторе был установлен ограничитель скорости, машина ехала очень легко. Внутри пахло пластмассой и лаком. Погода стояла прекрасная. По обеим сторонам дороги расстилалась равнина, упорядоченная, размежеванная, обихоженная, причесанная по-французски. Небольшие поля, пересеченные узкими дорогами. Кое-где разбросаны деревушки. Жан-Марк вспомнил о громадных американских пространствах. Там благополучие — это безграничная земля, здесь — скромных размеров участок. Достаточно было протянуть руку, чтобы коснуться стены. «В конечном счете, у нас все ведет к процессам общности владения», — решил он. И улыбнулся.

— О чем ты думаешь? — спросила его Кароль.

— О Штатах.

— Все еще! Определенно, ты не можешь о них забыть!

— Я и не хочу о них забывать, — ответил он.

— Неужели ты был там так счастлив?

— Да… достаточно…

— Этому была причина?

— Да нет… может быть, из-за перемены…

— Ты там не влюблялся?

Она расспрашивала его, высоко вздернув подбородок, взгляд острый, и сама настолько проницательная, уверенная в себе, наглая, что он держался настороже.

— Нет, — пробормотал Жан-Марк.

— Что? Ни в кого?

— Ни в кого!

— Мне это приятно!

Он не ответил, раздраженный тем, что каждое его слово она истолковывала в свою пользу. Перед ним ехал какой-то автомобиль. Жан-Марк нажал на газ, обогнал его, едва не задев, резко свернул вправо. Сознательная неосторожность. Это разрядило ему нервы. Он долго и тяжело дышал. Еще этот лоскуток обожженной кожи во рту. Какая нелепость…

— Ты мог бы мне написать! — продолжала Кароль.

— О чем?

— Тебе нечего было мне сказать?

— Нет.

Необходимость следить за дорогой давала ему возможность не глядеть на Кароль,

но он угадывал ее присутствие, ее движения, дыхание, тепло. Жизнь ее кожи под платьем. В голове возникали воспоминания. Чем сильнее он пытался их гнать, тем отчетливее они становились. Кароль прикоснулась к его руке, державшей руль. Его тут же охватило желание, но он совладал с собой. Сделав большое усилие над собой, он взял эту легкую, мягкую, ласковую руку и отстранил.

— Что такое, Жан-Марк?

Он пробормотал:

— С этим покончено, Кароль. Не надо больше никогда. Того, что было между тобой и мной…

— То, что произошло между мной и тобой, — сказала она горячо, — ты не вычеркнешь, будешь напрасно стараться! Думаешь, сама я не пыталась? Этим летом без тебя я совершила путешествие в прекрасную страну и ничего не увидела… ничего не увидела из-за тебя, из-за нас… О! Жан-Марк!..

Ее низкий, бархатный голос волновал его. Она взяла сумочку, машинально достала из нее пудреницу, стала щелкать замком. Он вдыхал аромат ее духов. Кароль молчала. Ее рот был полуоткрыт, глаза затуманились. Жан-Марк боялся смотреть на нее. Он считал себя сильным после Америки. Неуязвимым, неподкупным, потому что провел каникулы вдали от нее. И вот, при первом же случае снова поддался ее обаянию. Вся мерзость возвращалась вновь. Он сглотнул слюну. Во рту у него все горело.

— Ты не можешь на минуту остановиться? — спросила она. — У меня болит голова.

Половина седьмого, а Жан-Марка все нет! Даниэль ничего не понимал. Он хотел снова позвонить в Париж, чтобы узнать, давно ли уехал брат, но не мог оставить свой наблюдательный пост у входа в вокзал в Шатодёне. Что до остального, то он нисколько не беспокоился. Оптимист по характеру и по отношению к жизни, он отказывался думать о катастрофах, прежде чем мог увидеть их своими глазами. Наверное, Жан-Марк задержался из-за каких-нибудь технических неполадок. Устав ходить взад и вперед, Даниэль сел на свой чемодан, набитый до отказа и перевязанный веревками. Он давно не мылся, падал от недосыпания, а в желудке у него не было ничего после чашки кофе, проглоченной утром в привокзальном буфете. Семь сантимов в кармане. С этим он высадится в Париже. Подвиг! Кончиками пальцев он гладил через ткань лежавшего на земле холщового мешка двух фенеков, привезенных из путешествия. Их продал ему на корабле один старый легионер за десять франков: самца и самку. Животные были совершенно ручные, не кусались, не пытались бежать… Но и они были голодны, бедняги! Даниэль раскрыл мешок. Появились две маленькие головки. Огромные уши, безумные глаза, подрагивающие носы. Он хотел почесать им мордочки — они, испугавшись, свернулись клубком. Даниэль закрыл мешок и с отчаянием подумал: «Я никогда не смогу держать их дома. Кароль не захочет. Придется их отправить к тете Маду».

На площади собирались люди. Прошел носильщик с чемоданами. Даниэль прислонился к стене и ссутулился. Над головой висела афиша, которую он выучил наизусть: «Посетите замки Луары!» Это было смешно! И все эти белые лица! Он видел их несколько на грузовом судне, но на земле впечатление было сильнее. У всех такой болезненный и озабоченный вид! Беззаботность — это что, удел чернокожих? Даже в своей нищете они казались расслабленными и счастливыми. Они слились с природой. А здесь уже и не знали, что такое природа! Даниэль чувствовал, что, размышляя об этом, приближается к какой-то великой идее, но всякий раз, когда он, казалось, вот-вот готов был ее постичь, она от него ускользала, подвижная и блестящая, как змея, которую он видел у своей хижины где-то к северу от Бондуку. Он попытался вспомнить название деревни. Бесполезно. Сон затуманил ему сознание. Как только его глаза закрывались, он вновь видел перед собой джунгли, размытые дождем тропы, громадных бабочек,

летающих вокруг штормовой керосиновой лампы, не гаснущей на ветру, тараканов на облезлых стенах больницы, хирурга, склоненного над столом, — потный лоб под белой шапочкой, алая кровь на эбеновой коже. Какая разница между той Африкой, о которой он мечтал, и той, которую увидел! Менее живописная и более загадочная. У него там остались друзья: доктор Пуарье, доктор Лекошель, Тюгаду, бывший жандарм, открывший бакалею в Каламоне, местный шофер Иссиака, который хохотал во весь белозубый рот, ведя джип через болота, кишащие мухой цеце… Увидит ли он этих людей когда-нибудь снова? Два минувших месяца значили для него больше, чем вся прожитая жизнь. Сейчас он был уверен, что имеет полное право говорить как настоящий мужчина. И ему еще предстоит возвращаться через две недели в лицей! Какая насмешка! Охрипший громкоговоритель сообщал о прибытии и отправлении каких-то заурядных электричек. Без пяти семь! «Что за безобразие?» — проворчал Даниэль, поднимаясь с чемодана. И в этот самый момент он увидел синий «ситроен», направлявшийся к вокзалу. За рулем был Жан-Марк. Едва не закричав от радости, Даниэль из чувства собственного достоинства сдержался и принял мужественный, безучастный вид.

— Привет, старик, — сказал Жан-Марк, выходя из автомобиля.

Они крепко пожали друг другу руки.

— Это и есть новая тачка? — спросил Даниэль. — Шикарная!

— Да, неплохая. Ты давно меня ждешь?

— Порядочно.

— Идиотизм! Я выехал вместе с Кароль, и по дороге она заболела… О, ничего страшного!..

— Не уверен, — заметил Даниэль. — Болезни Кароль никогда не бывают страшными, но она с ними всем осточертела!

— Мне пришлось везти ее обратно в Париж. Потом, возвращаясь, я попал в пробку… Вот так, все неприятности сразу! По крайней мере, ты не очень волновался?

— Я и не такое видел в Кот-д’Ивуар! — заявил Даниэль, громко рассмеявшись. Как житель африканской глубинки. И взял чемодан. Жан-Марк поднял мешок и тут же поставил его на место:

— Что там внутри? Оно шевелится!

— Оно двигается, потому что живое! — сказал Даниэль. — Не открывай, они выскочат. Это фенеки.

— Фенеки? — переспросил оторопевший Жан-Марк.

— Да, подарок для тети Маду!

— Не знаю, оценит ли она его!

— Ну почему же нет? Это маленькие зверьки, очень трогательные. Они почти ничего не едят…

Он пристроил мешок и чемодан на заднее сиденье. Оставалась большая картонная коробка.

— Вот она очень тяжелая, — сказал он. — Помоги мне!

— Что в ней?

— Сувенир для Кароль. Я намучился, пока тащил его сюда, уж поверь мне!

Двадцать раз хотел бросить по дороге. Но было жалко. Увидишь!

У Даниэля было столько всего показать, столько всего рассказать, что ощущение собственного богатства просто кружило ему голову. Если он немедленно не поведает о своем путешествии, он лопнет. Однако пустота в животе подавила его порыв. Поместив коробку в багажник, он рухнул рядом с Жан-Марком и сказал:

— Тебя не очень затруднит, если, перед тем как тронуться, мы перекусим?

Закусочная была заполнена на одну четверть. Скучающий официант болтал с кассиршей. Сидя в глубине зала, Даниэль поглощал громадную порцию тушеной квашеной капусты с копченостями. Расположившись напротив, Жан-Марк ждал, когда остынет его эскалоп по-венски, от которого он отрезал по кусочку. Усталый, подавленный, он восхищался братом: тот ел, пил, говорил с одинаковым воодушевлением. Несомненно, Даниэль возмужал за время поездки… Но на вид почище клошара! Светлые волосы тусклыми прядями падают на лоб, на уши, рубашка, поношенная и грязная, расходится у шеи, черные ногти, обгоревший кончик носа, ссадина в уголке рта и оторванная пуговица на куртке! Как узнать, все ли, о чем он рассказывает, правда? С полным ртом, с блестящими глазами, Даниэль говорил о посещении лепрозория, церемонии фетишистов в заброшенной деревне, о рискованных экспедициях в джипе по джунглям вместе с каким-то врачом…

— …И тут вдруг наша машина наткнулась на целую колонию муравьев-хищников. Они простираются как пелена, окружают трупы, пожирают все, что им попадает в жвалы: гиена, буйвол или пантера… Больше часа мы с ними боролись… Приходилось отрывать их от кожи по одному… А это все с кровью. О, старик!.. Какая пытка!..

Жан-Марк кивал головой, время от времени из вежливости задавал сквозь зубы какой-нибудь вопрос и одновременно ощупывал кончиком языка клочок омертвевшей кожи у себя за щекой. Эти бойскаутские истории ему порядком наскучили. Веселость, наивность, аппетит брата в сочетании с уродством этой закусочной в конце концов стали невыносимы. Холодная печаль так тяжело лежала у него на сердце, что временами ему казалось, что он задыхается. Однако он, наверное, должен быть счастлив, что порвал с Кароль. Никогда бы он не поверил, что найдет смелость разговаривать с ней так, как говорил, когда остановил машину. Правда, она сама, не подозревая того, подтолкнула его к жестокости. Ее бледность, умоляющий взгляд: «Жан-Марк… Ты не можешь забыть обо всем… Или же я чего-то не знаю… Ты должен мне объяснить… Кто стал причиной того, что ты от меня отвернулся? Что я такого сделала, что тебе не понравилось? Я шокировала тебя? Ты пресытился нашей любовью? Ты, по крайней мере, не болен?..» Говоря это, она повернулась к нему и вынула у него изо рта сигарету, которую он только что закурил. «Поцелуй же меня, Жан-Марк!» Ее рука легла ему на затылок. Лицо приблизилось. И по-прежнему этот дурацкий ожог во рту. Это было невозможно. Невозможно из-за отца, из-за Даниэля, из-за ожога… Жан-Марк инстинктивно отпрянул. Неожиданно его охватил гнев. Он ненавидел ее за то, что она была для него такой желанной. Что он сказал ей? Какие-то бессмысленные фразы: «Послушай, Кароль, хватит уже!.. С меня довольно всех этих историй!.. Я перевернул страницу, ты должна сделать то же самое!.. Иначе ноги моей больше не будет в доме!..»

— …Когда мы выбрались из болота, Иссиака сказал мне: «Ты настоящий смельчак!» Иссиака был нашим шофером. Отличный парень. Немного хитроватый, правда. Он мне готовил местные блюда. Я попробовал жареных гусениц. Неплохо…

Пришел официант поменять тарелки. Даниэль взял остатки эскалопа и завернул его в бумажную салфетку. Это будет ужин для фенеков. Они получат его вечером, дома. Себе после капусты он заказал еще бифштекс под перцем.

— Ты лопнешь! — сказал ему Жан-Марк.

— Не смейся! Мне нужно восполнить серьезный пробел. А ты себе больше ничего не возьмешь?

— Кофе.

— Какой мы пили там кофе! Охлажденный, разумеется… Охлажденный кофе с ромом!..

И Даниэль пустился дальше в воспоминания. Даже не спросил Жан-Марка, как он съездил в Соединенные Штаты. Эгоизм, глупость, недостаток воспитания? Скорее всего, поразительная неспособность представить, что у твоих близких могут быть иные заботы и интересы, чем у тебя.

— Бифштекс под перцем превосходный! Хочешь попробовать?

Жан-Марк отказался и закурил сигарету, глядя, как Даниэль уплетает свое блюдо. Скоро они смогут наконец отправиться в Париж. Кароль, возможно, дождется их. С каким видом встретит она Даниэля? Беспокойство Жан-Марка росло. Ему никогда не забыть ее взгляд, полный холодной ненависти. После того, как он пригрозил ей, что ноги его больше не будет в доме, она закричала с побелевшим лицом, холодными глазами: «Сейчас же вези меня обратно в Париж!» Он возразил: «Мы должны ехать за Даниэлем». — «Потом ты поедешь один! Он подождет!..» По дороге обратно Кароль не разжала рта. Рядом с ним сидел какой-то разгневанный манекен. Красивая и ужасная. Совершенно бесчувственная. Вся в своих тайных расчетах. Приехав в Париж, на первом же светофоре она вышла из машины и хлопнула дверью. Он увидел, как она села в такси.

— Ничего, если я закажу торт? — спросил Даниэль.

— Пожалуйста, но мне бы не хотелось выезжать слишком поздно.

— Мне тоже. Я с утра мечтаю о своей постели. Кстати, не нужно ничего говорить Кароль о фенеках. Я возьму их на эту ночь в свою комнату. А завтра позвоню Маду.

Жан-Марк заказал торт.

— У тебя, по крайней мере, есть чем платить? — обеспокоился Даниэль.

— Конечно! — ответил Жан-Марк.

Отец оставил ему деньги.

— Потому что у меня только семь сантимов на все про все, — сообщил Даниэль с гордостью. — Чего я только не выдумывал, чтобы заработать там, это невероятно! Обо всем расскажу в своем отчете. Может быть, получу премию или стипендию на вторую поездку… Ты увидишь фотографии. Я уйму их наделал. Особенно в африканских деревнях в джунглях, чтобы показать ужасные гигиенические условия, в которых живут люди. Это, кстати, тема моего отчета: санитарное образование в Кот-д’Ивуар. Ты знаешь, что я ассистировал при родах?

Он сиял: «Я… я… я…» Жан-Марк выпил кофе. Разумеется, очень горячий. Ожог во рту снова напомнил о себе.

— Не очень-то красивое зрелище — роды! — продолжал Даниэль, с отвращением скривив губы. — Ты уже их видел?

— Нет.

— Ну и достается бедным бабам!

Последовало молчание. Даниэль вдруг стал мечтательным. Его вилка отсекла кусок торта в тарелке.

— А ты? — спросил он внезапно. — Как твоя поездка в Штаты?

Жан-Марк посмотрел на него с иронией. «А, все-таки вспомнил!» Но болтовня Даниэля отбила у него всякое желание рассказывать о собственных впечатлениях. Он был пресыщен словами, как Даниэль пищей.

— Я тебе потом расскажу, — пробормотал он.

Даниэль не настаивал, слишком довольный тем, что снова завладел разговором.

— Больницы там — это позор!.. Они делают, что могут, но, в самом деле!.. Я помогал доктору Пуарье, когда он оперировал чернокожего по поводу костной мозоли на колене. Он был уверен, что мне станет дурно. Ничуть не бывало!

— Ну, пошли? — спросил Жан-Марк, расплатившись.

— Я бы еще взял торта, — сказал Даниэль.

Официант принес вторую порцию, более внушительную, чем первая. Залитые золотисто-коричневым сиропом абрикосы горкой вздымались над треугольником из теста. Вместо того чтобы есть сидя, Даниэль встал, захватил свой торт указательным и большим пальцами и направился к двери, на ходу жуя большие куски. Жан-Марк шел за ним, испытывая неловкость за раскованные манеры брата. Выходя, он дополнительно заплатил в кассу и, как бы извиняясь, улыбнулся официанту. В душе он тут же упрекнул себя за эту маленькую низость. Какое значение имело для него мнение официанта в закусочной Шатодёна? Ему не хватало уверенности в себе. Поэтому он боялся Кароль. Даже поставив ее на место, он далеко не был уверен в том, что одержал победу. Несомненно, ему по-настоящему никогда не преуспеть в жизни. Все дело в характере. Даниэль, даже оказавшись в проигрыше, демонстрировал бы апломб победителя, а он и в случае успеха сохранял бы неуверенность побежденного. Тем не менее, сев в машину, Жан-Марк внутренне собрался. Мощность мотора, покорного его управлению, возвратила ему иллюзию уверенности в себе.

— Ну она и рванула! — заметил Даниэль. — Хорошо для разнообразия после моих прогулок в драндулете по джунглям! Ты можешь еще немного поднажать?

— Нет, — ответил Жан-Марк. — Она в обкатке.

— Ну, только чуть-чуть. Чтобы посмотреть!

Жан-Марк прибавил скорость. Освещенная фарами дорога бросилась ему навстречу. Черные деревья били в уши как барабанные палочки. У него дух захватило от скорости. Это было прекрасно.

— Ты знаешь, — сказал Даниэль, — я переспал с одной бабой в Абиджане.

— А? — переспросил Жан-Марк.

— Да. С белой. С вдовой лесничего. Я ей приглянулся. Ну, это продолжалось недолго… А ты?

— Что я?

— В Америке?

Жан-Марк не ответил и сбавил скорость.

— Если я снова отправлюсь в путешествие, выберу, может, Америку, — продолжал Даниэль. — Скорее всего, Южную Америку. Гватемалу, Перу… В тех краях должно быть потрясающе!

Неожиданно он замолчал. Поскольку молчание затянулось, Жан-Марк скользнул взглядом вправо. Его брат провалился в сон, откинув назад голову и уронив на

колени руки. Какой-то резкий запах ощущался в машине. «Что это?» — недоумевал Жан-Марк, шевеля ноздрями. Потом понял: у Даниэля плохо пахло от ног.

Кароль сидела в гостиной: мягкое освещение, светло-синее домашнее платье и на коленях книга. Увидев Даниэля, она встала и томным движением направилась к нему, с улыбкой протягивая руки. При созерцании этой нежности, простоты и радости Жан-Марк счел себя пассажирским составом, который по ошибке стрелочника перевели на другой путь. Здесь, на другом пути, мир был неузнаваем!

— Ну ты и вырос! — воскликнула Кароль.

— А? Я не чувствую! — сказал Даниэль в замешательстве.

— И потом, ты такой модный со своими длинными волосами!

Он засмеялся:

— Издеваешься? Если бы ты знала!.. Что за жизнь я вел там!..

Она прервала его:

— Ты мне завтра об этом расскажешь — я падаю от усталости!

— Жан-Марк говорил мне. Тебе стало плохо в машине?

— Немного… как обычно… эти дурацкие мигрени!.. Пойди быстро прими ванну!..

— Это обязательно, да? — спросил он без малейшего стеснения и даже, как показалось Жан-Марку, с некоторой гордостью.

— О да! — Кароль произнесла эта слова с такой озорной гримасой, что Жан-Марк задался вопросом, действительно ли она до сих пор на него злится? Униженная женщина не может, думал он, настолько владеть собой, чтобы казаться очаровательной в тот момент, когда ее мысли целиком заняты местью. Несомненно, он преувеличил значение нанесенной ей обиды.

— Обещаю тебе основательно себя почистить, — сказал Даниэль. — Но сначала мне бы хотелось показать, что я привез тебе и папе. Особенно тебе. Потому что ты сможешь лучше оценить…

Он направился в холл, вернулся, держа в руках тяжелую картонную коробку, и одним махом перочинным ножом разрезал веревки, державшие ее стенки. Внутри была сделана защитная оболочка из старых журналов. Он отстранил их жестом иллюзиониста, погрузил руки поглубже, в груду соломы, и вытащил оттуда громадную черную массу с блестящими рельефами. Это была вырезанная местным художником из дерева негритянская голова, в два раза больше натуральной величины, с приплюснутой нижней губой, треснувшим подбородком и шаровидными глазами. Кароль отпрянула, а Жан-Марк прыснул от смеха.

— Что это такое? — спросил он.

— Красиво, а? — сказал Даниэль. — Какая работа! Железное дерево! Попробуй ее поднять! Она стояла на прилавке в одном бистро в Абиджане. Я ее сразу приглядел. Две недели давал уроки французского сыновьям хозяина бистро. А в день отъезда вместо оплаты он преподнес мне ее! Как ты понимаешь, я отказываться не стал!.. Где ты ее поставишь?

Захваченная врасплох, Кароль колебалась между насмешкой и умилением. По всей видимости, ей не хотелось ни обижать Даниэля, ни обременять себя его подарком.

— Может быть, в гостиной? — предложил Даниэль.

Кароль воскликнула:

— В гостиной? Это исключено!

Она растерянно оглядывалась вокруг, будто какая-то дикая орда угрожала вторгнуться в ее апартаменты и разбить мебель в стиле Людовика XV.

— Тогда у тебя в комнате?

— И это исключено.

— Почему? Эта башка отлично смотрится, а?

— Вот именно! Она не даст мне спать!

— Да. Она довольно-таки завораживающая! — признал Даниэль. — А в папин кабинет?

— В кабинет твоего отца можешь, если хочешь! — согласилась Кароль с улыбкой. — На этом, спокойной ночи, дети!

Она помахала пальцами в воздухе, чтобы попрощаться с ними, и ушла к себе в комнату. Голова, водруженная на инкрустированный комод, свирепо смотрела прямо пред собой. Даниэль вернулся в коридор, в одну руку взял чемодан, в другую — мешок с фенеками и сказал, повернувшись к Жан-Марку:

— По-моему, ей не очень по вкусу?

— Что?

— Голова. Но она к ней привыкнет. Все-таки это очень красивая вещь! Вообще-то у меня сегодня нет желания принимать ванну. Я сделаю это завтра утром… Я валюсь с ног…

— Однако это необходимо, — сказал Жан-Марк, подталкивая его за плечи в направлении ванной.

— Ты спишь здесь?

— Нет, у себя на рю д’Ассас.

— Жаль! Мне нужно было тебе рассказать еще много чего любопытного.

Погрузившись в теплую воду, Даниэль впал в приятное оцепенение. С расслабленными мускулами и затуманенной головой, он тупо созерцал свои розовые пальцы, которые шевелились в мутной воде, костлявое колено, вздымавшееся как маленький голый остров, мокрый пучок волос, окружавший вялую плоть. Зеркало запотело от пара. На стене блестели капли воды. Он представил себя в Абиджане во время сезона дождей. Мыло выскользнуло у него из пальцев и упало в воду, исчезнув с проворством живой твари. Лень протянуть за ним руку. Тем хуже, пусть оно растворится, пусть размякнет! Он и сам сейчас готов был уплыть через сливное отверстие. Капли пота стекали у него по лбу. Фенеки, покончив с куском эскалопа, боязливо рыскали по ванной, распушив хвосты, скрипя лапами по кафельному полу. Даниэль свистнул сквозь зубы; они замерли, навострили уши, сели на задние лапы.

— Смешные, — сказал он вполголоса.

Он прислонился затылком к краю ванной. Завтра позвонит Даниэле. Он привез ей маленькую рамку, обтянутую змеиной кожей. В нее она поставит его фотографию. У него как раз была одна такая, которая ему очень нравилась. Он стоит там рядом с джипом, между двумя чернокожими. Бермуды, рубашка с накладными карманами, большая шляпа с густой сеткой. Усталый и мужественный вид. Глаза у него слипались. Он побоялся заснуть и одним прыжком встал на ноги. Большие

волны заплескались вокруг его икр. Вода перелилась через край ванны. Испуганные фенеки спрятались под раковину. Даниэль засмеялся, выгнул торс, подтянул живот и посмотрел на себя в зеркало. Сквозь влажную пелену он смутно различал в отражении худого голого мужчину с очень длинными волосами, игравшего бицепсами. «Я совершенный болван!» — радостно заключил он, и, сняв с крючка полотенце, стал растирать им верхнюю часть тела, напевая негритянскую мелодию, которую выучил в экспедиции.

IV

Франсуаза остановилась, задохнувшись, и сказала:

— Ты слишком быстро идешь, Жан-Марк, я за тобой не успеваю.

Он улыбнулся и пошел медленнее, ровным, крупным шагом, держа руки в карманах. Она следовала за ним. Пляж принадлежал им, огромный, плоский, однообразный. Отошедшее вдаль море стало всего лишь блестящей полосой на горизонте. От этого пейзажа — без вешек, без возвышений, полутвердого, полужидкого, голубого и бежевого, залитого солнцем, туманного, бесконечного — исходило ощущение сверхъестественного покоя.

— Так замечательно идти по этому твердому песку! — сказал Жан-Марк. — Ты часто сюда приходишь?

— Да, — ответила она. — Мы с Маду любим собирать здесь раковины.

— В сущности, Довиль переносим только в конце сезона… Ни души!.. Я бы мог идти и идти так многие километры… Теряешь контакт с реальным миром, уже ничего не видишь, погружаешься в свои мысли…

Он вздохнул глубоко, с наслаждением. Франсуаза была счастлива, что оба ее брата, возвратившись из своих поездок, приехали к ней в Тук на уик-энд. Они так давно не собирались втроем у Маду! Даниэль остался с тетушкой этим утром из-за фенеков. Она была и очарована этими зверьками, и одновременно озабочена, не зная, как их воспитывать. Разумеется, Даниэлю и в голову не пришла мысль о трудностях! Он действовал, прежде чем подумать! Жан-Марк поднял гальку и резким взмахом руки запустил ее далеко перед собой.

— Что ты теперь рассчитываешь делать? — спросил он.

Франсуаза посмотрела на траекторию камня в воздухе, опустила глаза, ослепленная солнцем, и прошептала:

— В каком смысле?

— Не собираешься же ты похоронить себя здесь, все-таки ты вернешься в Париж…

— Да, — сказала она, — я решила продолжить учебу в Институте восточных языков.

— Вот как? Ты внушаешь мне беспокойство!

— Почему?

— Не знаю… после того, что произошло…

Она горячо возразила:

— Именно, Жан-Марк! Со мной произошло нечто чрезвычайное! Я едва не умерла, долго существовала словно оглушенная шоком, и только сейчас наконец поняла, насколько было глупо, трусливо, ужасно то, что я делала…

— Но ты снова его увидишь?

— Я уже видела его! Он приезжал в Тук!

Жан-Марк остолбенел, пришел в замешательство и пробормотал:

— Ну, наглости ему не занимать!

И сразу же пошел быстрым шагом. Франсуаза догнала его.

— Своим приездом он оказал мне большую пользу! — сказала она. — Я осознала, что все это уже позади, что я снова обрела равновесие!.. Если бы ты знал, как это прекрасно — быть в согласии с самой собой, чувствовать себя чистой!..

— Все это слова! Когда ты вновь окажешься перед этим типом…

— Он уже ничем не может мне навредить. А я для него могу сделать многое!

— Что-то я уже ничего не соображаю!

— Очень жаль! Ты должен соображать больше, чем кто-либо! — Она подчеркнуто сделала паузу и сказала, понизив голос: — Как у тебя с Кароль?

Жан-Марк наклонился, поднял еще одну гальку и прицелился в покрытый водорослями обломок затонувшего судна, лежащий в двадцати метрах от них.

— С этим покончено, — ответил он, энергично разворачивая руку для взмаха.

Франсуаза была настолько не готова к такому ответу, что сначала не решилась обрадоваться.

— Как? — спросила она.

Камень с гулким звуком стукнулся об обломок и отскочил.

— Да так! — ответил Жан-Марк. — Я внес ясность в ситуацию. Впрочем, она очень хорошо это перенесла. Ты знаешь, Кароль сильнее, чем можно подумать!..

— А ты, Жан-Марк?

— Я тоже, я — здоровяк. Наконец… я им стал!

Франсуаза вся засветилась радостью. Она посмотрела на брата, тот выпрямился навстречу ветру, одетый в водолазку и брюки, обтягивающие бедра. Его лицо, покрытое морскими брызгами, выражало решительность и жажду жизни. Несомненно, он был счастлив, что освободился! Сам он, вероятно, приписывал этот успех собственной воле или охлаждению, в то время как Франсуаза видела в этом обстоятельства, предопределенные свыше. Она сочувствовала ему, видя, что он полагается только на себя в этот очень трудный для него период и тем самым лишается страха быть судимым и надежды на спасение Господом. Не удивительно ли, что ее брат и она почти одновременно обрели силу духа? Все было стерто, выровнено, вычищено перед ними, как на этом пляже после морского отлива. Они собирались вновь окунуться в жизнь с чистым сердцем и нерастраченной энергией. Они долго шли бок о бок, молча, выдыхая запах соли и йода, обходя большие лужи стоячей воды. Со стороны моря, едва различимого, доносился приглушенный рокот. Чайки кружили и садились там, где бахромой накатывалась морская пена.

— Надо возвращаться, — сказала Франсуаза.

— Уже?

— А обед! Маду, наверное, клянет нас на чем свет стоит!

— И особенно Даниэль! Он может столько проглотить!..

Они со смехом повернули назад. Жан-Марк снова ускорил шаг. Франсуаза почти бежала за ним. Темные силуэты собирателей раковин выделялись на сероватом фоне искрящегося моря. Жан-Марк тоже подобрал несколько штук, но они оказались пустыми. Франсуаза спросила неуверенным голосом:

— Ты знаешь новость про маму?

— Какую? Что она опять беременна? — буркнул Жан-Марк. — Радоваться тут особо нечему, нет?

— Ее нужно понять, Жан-Марк.

— Ну, ты много от меня хочешь!

— Даниэль в курсе?

— Да. И ему совершенно наплевать. Он странный, ты не находишь? У него какие-то жалкие манеры, он говорит все безобразнее…

— Это возраст, — сказала Франсуаза.

Вдалеке показались первые кабинки у дощатой дорожки. По самому краю пляжа двигались всадники. Жан-Марк мечтательно произнес:

— Наверное, это потрясающе, вот так скакать по пляжу… Но не группой… одному… Совершенно одному… — Потом, сменив тон, спросил: — Скажи, твой преподаватель русского, я забыл его имя…

— Александр Козлов.

— Если ты вернешься в Институт восточных языков, ты снова окажешься в его классе…

— Да.

Краешком глаза он следил за ней, словно хотел оценить ее способность к сопротивлению. Эта братская забота вызывала у нее улыбку. Всадники приближались. Во главе группы на большой черной лошади, которая шла рысью, ехала белокурая девушка с тонким лицом, с гибким станом. Жан-Марк проводил ее взглядом, обернулся ей вслед, когда она пронеслась с кавалькадой, оживившей пространство глухим топом копыт, и сказал:

— Ничего! Ты видела?

— Да, — сказала она, засмеявшись, — очень хорошенькая!

— Заметь, что здесь многое создает обстановка! — вздохнул он. — Спусти ее с лошади, убери море, пляж, заставь говорить, и что от нее останется? Нужно влюбляться в человека только в его лучшие мгновения!

— Это очень глубоко, то, что ты сейчас сказал!

— Нет, это идиотизм!

Он перепрыгнул через черное бревно, наполовину ушедшее в песок. Франсуаза обогнула препятствие. «Ситроен» ждал их за кабинками, на дороге, которая тянулась вдоль пляжа.

Вернувшись в Тук, Жан-Марк и Франсуаза нашли Мадлен в одиночестве и в ярости. Один из фенеков сбежал. Даниэль отправился на его поиски в деревню.

— Что я буду делать с этими бедными животными? — жаловалась она. — Они привыкли жить в пустыне. Даниэль даже не смог сказать мне, чем их кормить. Завтра я позвоню ветеринару в Трувиль, чтобы он мне объяснил…

Она заковыляла от стола на кухню, царапая плиточный пол своей ногой, обутой в гипс. Второй фенек, привязанный цепочкой к радиатору, смотрел с виноватым видом, вытянувшись на полу, положив нос на лапы.

— Это ужасно! — лепетала Франсуаза. — Тут ездят машины, его задавят!

— Идем! — решил Жан-Марк. — Сейчас мы организуем облаву вокруг дома!

— Одним словом, мой обед расстроился, — сказала Мадлен, зажигая сигарету.

В этот самый момент дверь открылась и вошел Даниэль, с триумфом держа на руках беглеца.

— Ах! — радостно воскликнула Мадлен. — Он, по крайней мере, не ранен?

— Почему ты думаешь, он должен быть ранен? — ответил, смеясь, Даниэль.

Она пожала плечами, взяла фенека на руки, приласкала его и привязала рядом с другим.

— Как я и думал, он был сразу за церковью, — продолжал Даниэль спокойным тоном. — Ты видишь, Маду, даже когда они убегают, далеко не уходят. Это преимущество!

Мадлен метнула на него гневный взгляд и не произнесла ни слова. Ее дурное настроение испарилось, когда наконец все сели за стол. Завтрак она приготовила из даров моря: в центре стояло громадное блюдо с омарами, вокруг — на маленьких тарелках — созвездие раковин, морских улиток, мидий. Радость ее племянников при виде такого обилия пищи примирила Мадлен с действительностью. Она особенно рассчитывала на Даниэля с его аппетитом, но он не переставая говорил о поездке и ел мало. После десятка мидий и такого же количества раковин он отвалился от стола.

— Что случилось? Ты болен? — спросила Мадлен.

Призванный к порядку, Даниэль положил на тарелку еще несколько мидий — нужно было поддержать репутацию, хотя он уже насытился. Его и самого удивило такое отсутствие аппетита. Несомненно, он потерял вкус к еде от избытка забот. У брата, сестры, Мадлен не было серьезных проблем. У них жизнь была гладкой, словно дорога, ясной, как стакан воды. Ему, наоборот, с позавчерашнего дня нужно было решать немало сложных вопросов, брать на себя мучительную ответственность. И прежде всего в том, что касалось учебы. Отец, возвратившись из Лондона, провел с ним решающую беседу, чтобы убедить его идти в математический класс, а не в философский, как он втайне надеялся. Философский будто бы ни к чему не ведет — слишком легкое обучение, потерянное время, никаких перспектив… Только математический мог бы открыть ему путь для незаурядной карьеры. А Филипп хотел для сына блестящего будущего. В промышленности или на государственной службе, в коммерции или в медицине — детали были для него не столь важны! Как Даниэль ни спорил, отец стоял на своем. Значит — математический, но он чувствовал такое равнодушие к точным наукам, что этот год уже казался ему туннелем скуки. К тому же еще прибавилась и проблема с Даниэлой. При встрече с ней Даниэль обнаружил в душе прежние чувства во всей их пылкости. Но какая она была юная и ранимая! Он страшно изменился за время своего путешествия, а она оставалась все той же. Она любила его больше чем когда-либо, — разумеется! — и он, по причине своего возросшего опыта, должен был думать за двоих. После объятий госпожи Лабаль, вдовы лесничего, теперь, когда он был с Даниэлой, ему казалось, что он вновь возвращался к примитивным радостям детства. Что за женщина была эта Алиса! Сильная, горячая, решительная, с коричневым пушком над верхней губой. С кем еще он получил бы такое удивительное наслаждение? Уж во всяком случае, не с Даниэлой. Бедняжка! Он заранее жалел ее из-за того затруднительного положения, в которое собирался ее поставить, раз уж не бросает ее, а остается с ней. Или, может быть, действительно лучше расстаться? Порвать из-за любви к ней. Порой он себе это отчетливо представлял. Это было даже достаточно элегантно. Он размышлял так, проглотив мидию, и в нем поселилась какая-то скверная грусть. Неизбежное отчаяние Даниэлы лишало его всей смелости. Ситуация была безвыходная. Он встал с Франсуазой, чтобы поменять тарелки. Все набросились на омаров, свежих, пахнущих травами, приправленных майонезом. Чем вкуснее было то, что он ел, тем более несчастным Даниэль себя чувствовал. Он выпил бокал вина, чтобы снова поднять себе дух. Вокруг него обсуждалась

проблема чернокожих в Америке. Он включился в разговор, словно бросился в гущу схватки. Жан-Марк считал, что нужно пожить в США, чтобы понять беспокойство американцев по отношению к, казалось бы, бесспорной в моральном плане идее равенства прав между белыми и черными. Даниэль с жаром противоречил ему, ссылаясь на личные наблюдения в Кот-д'Ивуар. Увлеченный своим порывом и отстаивая свое мнение, он пускал в ход формулировки, которые сто раз слышал:

— Движение за расовое освобождение необратимо, старик… Разве их теперешнее существование на более низком уровне является причиной, для того чтобы отказывать им в присоединении к… Продвижение рас — это только форма продвижения классов… Если бы ты видел, как я, нищету, которая царит в развивающихся странах…

Жан-Марк слушал его иронически. Какое-то время ему казалось, что его брат скинул свою броню лоботряса. «Он несет бог знает что, но это неглупо», — подумал Жан-Марк. И улыбнулся Франсуазе. Она поняла смысл его улыбки и в свою очередь тоже ему улыбнулась.

Мадлен, глядя на них, испытывала эгоистическое чувство удовлетворения. Собравшись за ее столом, в ее доме, одним только своим присутствием они оправдывали ее существование. Какая жалость, что Жан-Марк и Даниэль должны сегодня же вечером уезжать — их отцу завтра утром будет совершенно необходима машина. Может, если бы она ему позвонила… Нет, она ни о чем не хотела просить Филиппа! Он бы получил слишком большое удовольствие, отказав ей!..

Восхищенным свистом было встречено появление лимонного торта. Его приготовила Франсуаза. Даниэль начал считать в обратном порядке: «Пять, четыре, три, два, один, ноль!», и оба молодых человека бросили боевой клич своего детства:

— Наша сестренка классная девчонка!

Пока шел дележ кусков, проблема чернокожих была забыта.

— Тебе надо бы дома приготовить такую вещь! — сказал Даниэль, разомлев от первого куска.

— Аньес ни за что не позволит мне приблизиться к плите! — ответила Франсуаза.

— А Мерседес как бы случайно уронит тарелку в тот самый момент, когда будет его подавать! — заметил Жан-Марк.

Всех троих развеселил обмен шутками, это входило в семейную традицию. Мадлен расслабилась: вокруг нее резвились оживленные львята, которые обеспечивали прочность клана. Франсуаза бросила на нее взгляд, блестевший от возбуждения, и сказала:

— Маду, а если нам вместе с ними поехать сегодня в Париж?

Мадлен в замешательстве прошептала:

— Но… это невозможно, дорогая.

— Почему?

— Мои гипс! Доктор Жуатт должен снять его только через восемь дней!

— Тебе его снимет в Париже доктор Мопель!

— А лавка?

— Да там за четыре дня ни одного клиента! Впрочем, госпожа Гурмон будет счастлива тебя заменить!

— А фенеки?

Последовало растерянное молчание. Все взгляды сразу обратились к радиатору, у которого, зябко прижавшись друг к другу, спали животные.

— Ну да… фенеки! — сказал Даниэль. — Ты не могла бы поручить их какой-нибудь соседке?

— О нет! — возразила Мадлен. — Слишком долго эти бедные звери переходили с рук на руки! И потом, никто не захочет…

Даниэль ссутулился от чувства вины.

Видя разочарование Франсуазы, Мадлен предложила на всякий случай:

— Если ты хочешь поехать с братьями…

— Я ни в коем случае не оставлю тебя одну! — ответила Франсуаза.

— Сейчас, когда у меня на ноге гипс, ты мне больше не нужна, дорогая. К тому же Мели придет помогать мне…

Мадлен была уверена, что плямянница станет протестовать, отказываться. Но Франсуаза раздумывала лишь секунду, потом на ее лице появилось выражение детской благодарности:

— В самом деле, тебя это не огорчит?

— Нет, — сказала Мадлен.

И она напряглась, чтобы не дать сломить себя грусти, которая нахлынула на нее. Как легко Франсуаза позволила себя убедить! С каким радостным эгоизмом в этом возрасте рвут связи! Есть в юности какая-то смесь неосознанной жестокости и совершеннейшей легкости. «В любом случае, — подумала Мадлен, — она уехала бы в конце месяца. Так что двумя неделями больше, двумя меньше…»

Они сидели втроем на передних местах «ситроена»: сестра между двумя братьями. Жан-Марк был за рулем. Он завел мотор, Мадлен отошла от двери, помахала рукой, не выпуская костыль, и посмотрела вслед удалявшейся машине, увозившей ее племянников. Затем вернулась в дом, который неожиданно показался ей очень большим и тихим… За три месяца, пока Франсуаза жила у нее, она утратила вкус к одиночеству. Придется вновь привыкать. Возможно, вначале будет тяжело. Мадлен окинула взглядом своих постоянных спутников — вещи. Они-то никогда не доставляли ей разочарования. Предательство свойственно только людям. Спускался вечер. Она зажгла лампу: изношенная плитка на полу, оловянные кувшинчики, гнутое дерево мебели — все блестело… Вдруг под радиатором она увидела двух фенеков. Мадлен забыла о них. Вытянувшись рядом друг с другом, они понуро наблюдали за хранительницей этого замкнутого мира. Их большие стоячие уши и маленькие глаза, как виноградные зернышки, выражали сочувствие. Она прислонила костыль к стене, опустилась на стул рядом с ними, вытянула ногу и потрогала их мех песочного цвета. Более хилый из двух, испугавшись, весь сжался. Зато второй вытянул задние лапы и повернул к ней морду, словно просил еще. Даниэль даже не мог сказать, как их зовут. Мадлен окрестила самца Фредериком, а самку — Жюли. Почему? Она и сама не знала. Фантазия запоздалой маленькой девочки. Смешно! Она взяла фенеков к себе на колени. Зверьки сразу же спрятали головы ей под мышку. Два теплых, невесомых, трепещущих комочка. От них пахло пустыней. Терпкий, дикий запах. Какое-то время они забавляли Даниэля. Потом, не зная, что с ними делать, он от них избавился. Разумеется, больше о них не думал. Брошенные. Теперь фенеки уже не так дрожали. Вернутся ли они в свою пустыню, которую потеряли? Мадлен машинально ласкала их и смотрела на эту комнату, заполненную аккуратно расставленной мебелью, это

была ее собственная пустыня.

V

Александр Козлов окинул взглядом с кафедры маленький зал, набитый до отказа. Тридцать семь присутствующих из сорока четырех зачисленных. Для второй недели занятий — это рекорд. Как обычно, подавляющее большинство — девушки. Франсуаза сидела в третьем ряду. Он улыбнулся ей в знак приветствия. За исключением пяти или шести студентов, повторно проходивших первый год обучения, все остальные были ему не знакомы. Но среди новеньких он не видел ни одного привлекательного лица. Список присутствующих переходил из рук в руки. Студенты подписывали его по очереди. Козлов начал свои занятия со скучных вещей: склонение, спряжение, фонетические упражнения для начинающих… От этой рутины его тошнило… Бросить институт? Он все чаще об этом думал, с тех пор как издательство Шевалье-Виньара поручило ему составить и перевести собрание русских текстов для их серии «Восток». Конечно, это небольшое издательство. Платят мало. Со дня на день они могли закрыться. Но и здесь положение тоже было не блестящим. Он всего-навсего ассистент преподавателя. А конкурс на замещение должности преподавателя лицея требовал долгой научной работы. Он подошел к доске, чтобы написать склонение слова «лакей». Затем неожиданно повернулся к залу лицом и сказал:

— Мадемуазель Эглетьер.

Франсуаза подняла голову. Козлов попросил ее построить фразу, где слово «лакей» стояло бы в родительном падеже. Она ответила правильно. Затем в дательном. Тут она ошиблась. Русские слова она произносила с забавным французским акцентом. Он поправил ее и обратился к ученику из первого ряда, рыжему толстяку, который смешно выпячивал губы, когда говорил.

— Русский язык не съедобная материя, месье! — сказал Козлов.

Зал прыснул от смеха. Он бросил взгляд на Франсуазу. Она сидела с серьезным видом. Забавная девочка! Одно из таких лиц, которые являют собой не маску души, а ее проявление. В ней была какая-то нежность плоти, которая притягивала обиды. Решительным жестом он стер все, что написал на доске. Мел размазался в сероватую грязь. Он написал выше большими печатными буквами слово «чайка». Еще одно склонение. Козлов писал очень быстро. Студенты рисковали все перепутать. Тридцать семь голов склонились перед ним. Полукружия белокурых, черных, каштановых волос и под ними — смесь мелких амбиций, страхов, желаний. Компания посредственных умов. И среди них одна девушка, решившаяся дойти до крайности в своих убеждениях. Что было правдой в этой истории с самоубийством? Может быть, Франсуаза только проглотила несколько безвредных таблеток, что вызвало желудочный спазм? А сердобольная тетушка драматизировала это событие. Но если все было иначе, если она действительно чуть не умерла? Тогда ее случай становится интересным, даже очень интересным…

До конца занятия Козлов на все лады разбирал объясняемый материал. Когда студенты встали и направились к выходу, он подумал, не задержать ли Франсуазу и не предложить ли ей выпить вместе вина. По небрежности или сознательно он не сделал этого после ее возвращения. Он дал ей пройти вперед. В коридоре его поймала Югетт Пуарье, студентка третьего курса. Он переспал с ней в июле, и от нечего делать снова нашел ее в сентябре. Крепкая лошадка с черными волосами, белой кожей, большими и пустыми зрачками. Эта круглая дура считала себя загадочной, роковой.

— У вас есть свободная минута? — прошептала она.

— Нет, малышка, я очень спешу, — сказал он, обгоняя ее.

На улице он поймал Франсуазу за руку. Она обернулась и не выказала удивления. Как если бы они договорились о встрече.

— Я веду вас в «Дё Маго», — сказал он.

Она согласилась.

На террасе было мало народа из-за холодной погоды, но зал был полон. Тем не менее они нашли два места на диване в самой глубине зала. Козлов положил локти на стол.

— Вы курите? — спросил он, подвигая к ней пачку американских сигарет.

— Нет, спасибо, — сказала она.

— Что будете пить? Виски, сухой мартини?

— Вы прекрасно знаете, что я не употребляю алкоголя.

— Вы могли измениться.

— Я действительно изменилась, но не в этом, — ответила Франсуаза.

Он заказал себе кружку пива, ей — фруктовую содовую воду и закурил сигарету. Пока он курил, внимательно наблюдал за ней. Это было увлекательно: лицо беззащитное, открытое, со своим рельефом, зернистостью кожи, мягкой глубиной глаз. У нее были тонкие черты, прямой нос, маленький рот, большие неодинаковые зрачки, один чуть выше другого. Тело тоже было неплохое. Немного щуплое, груди как груши. В любви у нее проявилась какая-то смесь пылкости и неопытности, решительности и стыдливости, воспоминание о которых его приятно волновало. Редко у него оставалось впечатление, что его любили так безгранично, так собственнически, так цепко. Почему, черт возьми, она вдруг уехала? Родительское вмешательство? Мещанские угрызения совести? Она ничего не стала ему объяснять.

— Тогда, в Туке, до того как вы пришли, ваша тетя сказала мне нечто странное, — прошептал он. — Это правда, что вы хотели покончить с собой?

Она побледнела, и ее руки с оттопыренными большими пальцами сжали стакан с двух сторон.

— Это совершенно не интересно, — коротко ответила она.

— Неправда, Франсуаза…

— Совершенно не интересно, потому что я здесь, перед вами! Все, что произошло раньше, для меня уже не имеет значения. Передо мной сейчас стоит только одна задача: заниматься русским языком, чтобы наверстать упущенное время, сдать экзамены…

Она чеканила слова, отбивая такт кулаком правой руки по краю стола. Он уныло слушал скучный рассказ примерной ученицы. «У нее был, — подумал Козлов, — один гениальный момент — когда она хотела смерти. От него осталось нечто вроде ореола. То, от чего она пыталась отречься, свидетельствовало в пользу ее необычности в тусклом и плоском мире. Не собиралась же она закоснеть после этого молниеносного испытания? Как занудно это обретенное моральное здоровье! В ней снова проявилась вся ее среда. Маленькая мещанка — католичка из Шестого округа Парижа, несмотря на пышные волосы, непроницаемость и бравый вид». Она продолжала настаивать, боялась, что он ее не совсем понял:

— Эти три месяца с тетей в Туке принесли мне большую пользу. Я много думала. Взяла себя в руки. Это было своего рода уединение, понимаете?..

Он кивнул головой. И вдруг сказал:

— Я тоже хотел покончить с собой.

Она удивилась:

— Когда?

— Успокойтесь, не в эти дни! — ответил он, насмешливо улыбнувшись. — Лет десять назад. Я, собственно, даже не знаю почему. Разумеется, не из-за чего-то конкретного, как вы…

Она отвернулась.

— Я нашел в ящике отцовский револьвер, — продолжал Козлов. — Он был заряжен. Какое искушение! В жизни все вызывало у меня отвращение. Вы видите, я обладаю всем, что требуется для того, чтобы вас понять…

— Тут нет ничего общего…

— Всегда есть что-то общее у двоих людей, каждый из которых пытался оборвать свое существование. Каковы бы ни были мотивы! В самом деле, кого вы хотели уничтожить, покончив с собой, — себя или других?

— Не понимаю.

— Ведь вы решились на этот шаг ради того, чтобы все забыть, зачеркнуть?

— Разумеется!

Козлов удержался, чтобы не рассмеяться. Постепенно он подвел ее к разговору о том, о чем ей хотелось молчать. К этому он и клонил!

— А вам не приходила в голову мысль, что после вашего исчезновения у вас оставалось бы достаточно совести, чтобы наблюдать — оттуда — смятение, посеянное вашим уходом?

— Нет.

— Вы меня удивляете! Обычно у кандидата на самоубийство, если он хотя бы немного верующий, бывает чувство, что он сыграет свою роль и перейдет от утомительного состояния актера к спокойному состоянию зрителя. Он воображает, что удобно устроится в тени, в партере, среди многочисленной публики, и будет смотреть на освещенную сцену, на живые существа, взбудораженные обстоятельствами, от которых он мудро отказался. Я преувеличиваю, но отчасти ведь это так, нет?

— Совсем нет.

— Тогда, по-вашему, смерть — это черная дыра?

— Да.

— Значит, вы не верите в Бога.

— Нет, верю.

— Даже вот сейчас?

— Да.

— Вы бросили ему вызов: «Я иду к тебе, потому что ты не идешь ко мне…»

Она опустила голову.

— Не думайте, что я вас осуждаю за желание лишить себя жизни, — продолжал он. — Самоубийство — это акт гордости и ума. Героическое решение в состоянии малодушия. К тому же это единственный выбор, который является окончательным. Можно взять назад свое слово, бросить дом, расторгнуть брак, — порвать со всем, кроме смерти!

Конечно, она была одновременно и тронута тем, что он принимает ее во внимание, и расстроена оттого, что это происходит по такому неприятному поводу. Он решил развить свой успех и продолжал, немного понизив голос:

— Нужно мужество, много мужества, чтобы сделать то, что ты сделала, малышка!

Зазвенел стакан, скатившийся по столу. Франсуаза неожиданно встала. Он посмотрел на нее с удивлением.

— Мне очень жаль, что моя тетя рассказала вам всю эту историю, — сказала она сухо. — Прошу меня извинить: мне нужно идти…

И она ушла, оставив его пригвожденным к месту.

На улице Франсуаза ругала себя за этот уход, который был очень похож на бегство. Охваченная возмущением, она не сумела ответить ему так, как он этого заслуживал. Он слишком складно говорил, слишком пристально на нее смотрел, он ее парализовал. Сейчас, когда его уже не было рядом, пришли в голову все слова, которые она должна была ему сказать. «Для меня, господин Козлов, самоубийство — это болезненное состояние… Я верю в Бога всеми силами души… Несомненно, Его со мной не было, когда я совершала то безумие… Сейчас ко мне снова вернулось хладнокровие… Я знаю, чего хочу, знаю, куда иду…» Злость удесятеряла ее красноречие. Она торжествовала. А он этого не знал. Она была зла на Маду за болтливость. Что он сказал, чтобы ее обмануть? Он был так ловок! Лучше всего было бы больше его не видеть. Перейти в группу к другому ассистенту. Она была бы не первая, кто это сделал. Вдруг у Франсуазы возникло чувство, что за ней кто-то идет. Не он ли преследует ее? Она испугалась и обернулась. Нет, это был не он. Вздохнув с облегчением, она продолжала свою прогулку, без всякой цели кружа по кварталу. Улица за улицей, под шум и городское движение она развеивала свою досаду.

Было уже поздно, когда Франсуаза вернулась домой. Она хотела было пройти прямо в комнату, но выходящая из гостиной Кароль остановила ее:

— Ты знаешь, который час, Франсуаза?

— Половина восьмого.

— Без двадцати восемь. Портниха ждала тебя, чтобы переделать твои блузки, и ушла.

— Я совершенно забыла, — прошептала Франсуаза. — Как глупо!

— Где ты была?

Резкий тон, каким был задан этот вопрос, задел Франсуазу. Но ей нечего было скрывать. Она спокойно ответила:

— Я ходила в кафе с моим преподавателем.

— С каким преподавателем?

— С Александром Козловым.

— Ты выскочила из его постели! — закричала Кароль.

— Что ты придумываешь? — пролепетала потрясенная Франсуаза.

Вначале она яростно отбивалась. Потом вдруг обрела спокойствие. Она уже не раз замечала, что мачеха сердится по пустякам на отца, на Даниэля, на нее, на прислугу. Такая нервозность не была прежде свойственна Кароль. Неужели все дело в том, что ее бросил Жан-Марк? Лишившись его, она потеряла голову. Ее следовало не бояться, а жалеть. Красивое лицо Кароль слегка сморщилось:

— Ты заслуживаешь, чтобы я рассказала об этом твоему отцу! — выкрикнула она глухим голосом.

— Ты не можешь сказать моему отцу о том, чего нет! — ответила Франсуаза, выдержав ее взгляд.

Кароль резко повернулась и быстрыми шагами удалилась. Франсуаза не испытала никакого удовлетворения от того, что на какой-то момент одержала над ней верх. Сегодня у нее были более серьезные заботы, чем отношения с мачехой.

Причесавшись и вернувшись в гостиную, она увидела там отца, Даниэля и Кароль, которые собирались садиться за стол. Обычно по средам и Жан-Марк обедал дома, но в последнюю минуту он отказался от приглашения. Его видели все реже и реже.

Лица у всех были мрачными. Даниэль жаловался, как трудно в лицее заниматься математикой и физикой. Отец отвечал ему, что он ничего не добьется, если не будет больше заниматься дома.

— Но я занимаюсь столько, сколько могу, папа!

— Включая свой проигрыватель?

— Это мне не мешает, наоборот! Только преподаватель, похоже, думает, что все мы вундеркинды! Он читает лекции для нескольких ребят в первом ряду! А нас сорок пять. Так что, если это будет продолжаться, я оттуда сбегу!..

Франсуазе еще не доводилось видеть у брата такое измученное лицо. Может быть, впервые в жизни он тоже ощутил сомнение, страх. Так или иначе, на нее никто не обращал внимания, пока продолжалась эта семейная дискуссия. Она нашла здесь покой, в котором нуждалась, чтобы снова подумать о том, что ей сказал Козлов.

Неожиданно на пороге появилась Мерседес с мертвенно-бледным лицом. Но не для того, чтобы сообщить об ужине. Она хотела поговорить с мадам. Наедине! Раздраженная Кароль пошла вслед за ней в холл. Через оставшуюся открытой дверь Франсуаза услышала голоса:

— Прекрасно, мадам! Я только что была в кабинете месье, а эта вещь все еще там! Но я предупредила мадам этим утром! Я больше не могу выносить эту страшную голову в доме! Она пугает меня, я не могу работать! Это негритянская ведьма. В моей стране говорят…

— Мне наплевать, что говорят в вашей стране! — отрезала Кароль.

— В таком случае, раз голова остается в кабинете месье, пусть мадам не рассчитывает, что я буду убираться в этой комнате. Вот так, мадам…

— Хорошо, — вздохнула Кароль, — мы все сделаем по-другому.

Она вернулась в гостиную; лицо ее было искажено, руки сцеплены в замок.

— Что там за история? — буркнул Филипп. — Ты же не собираешься уступать этой девчонке? Если ей не нравится дом, пусть собирает чемоданы! Кто сказал, что она незаменима?

— Для меня — да, — парировала Кароль. — Я тебе говорила об этом сто раз. Она профессиональная горничная, что становится редкостью!

— Что действительно редкость, так это ее свинский характер! — заметил Даниэль.

— А тебя не спрашивают, — оборвал его Филипп с раздражением.

— В любом случае, ты уж меня извини, — продолжала Кароль, — но если нам придется выбирать между головой и Мерседес, то я предпочту Мерседес!

— Спасибо! — буркнул Даниэль.

Франсуаза посмотрела на него с нежным сочувствием.

— Согласись, что эта голова портит вид в твоем кабинете! — сказала Кароль, поворачиваясь к мужу.

— Куда ты хочешь ее поставить? — спросил он.

Франсуаза вмешалась:

— Я возьму ее в свою комнату!

— Тогда Мерседес откажется входить в твою комнату!

— Подумаешь, я и сама приберусь!

Филипп закатил глаза к потолку:

— Это безумие! Мерседес заставляет нас терпеть что угодно!

— Есть и другие, кто в последнее время делает то же самое! — сказала Кароль, едва разжимая губы.

Ее зрачки светились стальным блеском. В разгар воцарившегося молчания Мерседес вошла и возвестила:

— Кушать подано!

Институтская библиотека была светлой, тихой; тут и там склоненные над книгой головы студентов. Сидя возле окна, Франсуаза разбирала повесть Пушкина «Выстрел», о которой рассказывал этим утром господин Надзорный, преподаватель русской культуры. Поскольку рядом никого не было, она время от времени перечитывала вполголоса какую-нибудь фразу, чтобы научиться произносить ее правильно. При малейшей ошибке в произношении она вспоминала насмешливую улыбку Козлова. Она не видела его после их разговора и не стремилась встретиться снова. Но она и не просила записать ее в группу к другому ассистенту. Говорили, что госпожа Шуйская — блестящая преподавательница, деятельная, жизнерадостная и компетентная. Бесспорно, даже выше Козлова в педагогическом отношении… Франсуаза твердо решила добиться успеха. Потом, если она получит диплом Института восточных языков, то будет участвовать в конкурсе, чтобы поступить на работу переводчицей в Министерство иностранных дел или секретарем университетской администрации в Министерстве образования. Она видела свое будущее только в работе. Самой зарабатывать на жизнь, никого не обременять, по возможности жить одной. Она вернулась к «Выстрелу». Обложку книги украшал портрет Пушкина. Франсуаза знала, что он был убит на дуэли в тридцать семь лет. Какое странное совпадение между смертью этого человека и сюжетом его повести! Несомненно, есть знаки, которые влияют на человеческую судьбу, хотя люди и считают себя свободными в выборе своего пути! Возможно, для ума в высшей степени просветленного никогда ничего случайного не бывает! Неожиданно она почувствовала рядом чье-то присутствие. Козлов сел за ее стол и улыбался точно так, как если бы она произнесла одно русское слово вместо другого.

— Почему вы от меня так внезапно ушли в тот вечер?

Франсуаза вздрогнула:

— Я… я опаздывала… я больше не могла оставаться…

И она сразу же пожалела об этой лжи.

— Это неправда, Франсуаза. Я знаю, что произошло. У меня есть один недостаток: я неловок, нетерпелив, любопытен по отношению к людям, которые мне интересны. В сущности, вы упрекаете меня за то, что я хотел все о вас знать!

— Ничуть не упрекаю!

— Да! Да! Упрекаете! Я иногда забываю, что вы маленькая семнадцатилетняя, простите, девятнадцатилетняя девочка… из хорошей семьи, с католическим воспитанием и так далее… Мне хочется обсуждать с вами некоторые проблемы открыто, излагать свои взгляды на тот или иной вопрос, слышать ваши ответы в надежде, что, может быть, они меня убедят… Но это — игра, для которой вы не созданы. Стоит мне поднять дискуссию на более высокий уровень, как вы напрягаетесь. Вы расцениваете несогласие с вами как обиду!

— Я ушла не потому, что я с вами не согласна.

— А почему?

— Потому что… потому что я чувствовала, что вы хотите завести разговор, который мучителен для меня!

— О добровольной смерти?

— Да, в том числе…

— Надо было мне об этом сказать! Я бы прекратил, моя маленькая Франсуаза!

Он смотрел на нее с большой нежностью… Все стало так просто, после того как он объяснил! Теперь она уже не понимала, почему сердилась. Потому что он говорил с ней о ее самоубийстве? А потом? Он обсуждал этот вопрос на философском уровне. Она должна научиться все обсуждать свободно и остроумно, если хочет подняться до уровня настоящих интеллектуалов, таких как он.

— Могу вам сейчас признаться, — продолжал Козлов, — эта тема одна из тех, которые меня больше всего привлекают. Я даже собирался написать об этом однажды эссе. Но, обещаю вам, мы никогда не коснемся ее даже намеком. Мне нужно вам столько еще сказать, если вы хотите, чтобы мы остались друзьями.

— Да, — ответила она едва слышно.

Некоторые студенты наблюдали за ними, делая вид, что читают.

— Пойдем, — сказал Козлов и властным жестом закрыл перед ней книгу.

Она встала и направилась вслед за ним с ощущением, что уже и сама не знает, что хочет. Но даже эта непоследовательность была для нее расслабляющей после умственного напряжения, которое подпитывалось ее ожесточением.

Светило солнце, холодное, розоватое, затянутое мглой. На рю де Сен-Пьер образовалась пробка из-за трех больших автобусов, зажатых в потоке автомобилей. Козлов повел Франсуазу к набережной. Они спустились к берегу. Обычная их прогулка. Время все выветрило из памяти. И все же это было уже не так, как раньше. Козлов молчал с задумчивым видом.

— Что с вами? — спросила она. — Вы молчите…

— Потому что боюсь.

— Чего?

— Шокировать вас каким-нибудь неосторожным словом! Семь раз я прокручиваю его на языке и на седьмой отказываюсь произнести.

Она засмеялась:

— Вот и глупо! Я все могу понять!

Вряд ли ее слова убедили его. Тогда, собрав все свои силы, словно для того, чтобы преодолеть препятствие где-то внутри себя, она медленно произнесла:

— Я хотела вам сказать, что для меня самоубийство — это нечто вроде болезни, которая внезапно поражает вас… Если я совершила эту глупость, это преступление, то только потому, что Бог отвернулся от меня в ту минуту…

Она остановилась, выдохшаяся и счастливая тем, что договорила свою мысль до конца.

— Это означает, что Бог отвернулся от вас потому, что несколько месяцев назад вы с таким доверием пришли ко мне?

— Нет, — прошептала она, — я так не считаю.

— Но вы в этом не уверены!

— Это так далеко!

— Для меня — нет.

— Я не хочу больше об этом вспоминать.

Они шли молча. Жители квартала выгуливали собак вдоль покрытого травой газона. На скамейке подкреплялся какой-то клошар.

— Что вы намерены делать потом? — спросил Козлов Франсуазу. — Удалиться от мира, уйти в монастырь?

Вот они опять — язвительный тон, сверлящий взгляд, которые ей так не нравились.

— Почему вы так говорите? — прошептала она.

— Потому что, вновь обретя Бога, вы отказываетесь от радостей жизни! Чрезвычайно любопытно, что для некоторых набожных душ вера — это синоним паралича или отсутствия желаний. Они страшатся земного счастья, дабы не оскорбить того, кто, однако, сотворил землю.

— Я не боюсь земного счастья, — сказала она. — Но я хочу, чтобы оно было прочным и чистым.

— Вы требуете невозможного!

— Я не думаю, что для меня невозможно выйти замуж, создать семью, стать матерью…

Разыгравшаяся собака, доставая закатившийся мяч, ткнулась Козлову в ноги. Он отстранил ее и продолжал:

— Вы меня успокоили, моя маленькая Франсуаза. Я боялся, как бы вы не поставили перед собой слишком высокую цель. И каким вы представляете себе этого человека — вашего будущего мужа?

— Не знаю.

— Каким должно быть его главное качество?

— Он должен меня любить.

Козлов задумался.

— А я, Франсуаза? Меня вы любили?

Она сочла делом чести быть искренней.

— Да. Иначе, как вы считаете, я пошла бы на то, что я совершила?

— А сейчас вы меня еще любите?

— Нет.

— Потому что я вас разочаровал?

— Может быть…

— Или же потому что вы меня боитесь?

— Боюсь?.. С чего бы мне вас бояться?..

— Я вам скажу: у вас создалось впечатление обо мне как о человеке, на которого нельзя рассчитывать, который не хочет остановиться, связывать себя, строить…

— Вы мне уже повторяли все это!

— А если бы сегодня я сказал другое?

— Не понимаю.

— Если бы я попросил вас выйти за меня замуж?

Франсуаза потеряла дар речи. Она почувствовала, как в ней сразу перемешались возбужденность и нежность, удивление, испуг и переполненность счастьем. Он не понимает, что говорит, он сошел с ума, от него нужно бежать!..

И поскольку она молчала, Александр тряхнул головой и слегка засмеялся:

— А почему бы и нет? Мне нравится периодически пересматривать свои взгляды! Достоинство человека — в способности время от времени ставить свою жизнь на какую-нибудь карту! Предположим, сегодня я все ставлю на карту брака! Жизнь покажет, что это даст!

— Вы смеетесь надо мной! — сказала она едва слышно.

Он принял серьезный вид.

— Я над собой смеюсь, Франсуаза! — пробормотал он. — Над собой и над своими теориями. Я дошел до того, что признался вам в любви. Я кружу вокруг этого очевидного факта, рыча от ярости. И вместо того, чтобы сделать вас счастливой, оскорбляю вас, причиняю боль… Не думайте больше об этом! Мы не станем мужем и женой, потому что вы этого не хотите. Впрочем, для вас, бесспорно, так будет лучше. У меня в кармане нет ни гроша, очень скромное место в обществе, невыносимый характер… О, вы счастливо отделались! И я в результате — тоже!.. Пойдем! Надо выпить и отметить это!

Он схватил ее за руку и повел на каменную лестницу, которая вела к набережной. Она не понимала, что произошло. Какой поворот на сто восемьдесят градусов! Жонглер, клоун! Но у него был такой несчастный вид. В этом пальто с обтрепанными рукавами! Они вышли к улице.

— Бистро напротив вам подойдет? — спросил он. На перекрестке зажегся красный свет, перекрыв поток автомобилей. Они бегом пересекли набережную Малаке. Перед бистро Франсуаза остановилась, собрала силы и сказала:

— Нет.

— Вы не хотите?

— Нет.

Он грустно улыбнулся, не меняя выражение глаз:

— Тем хуже.

— Я пойду домой, — прошептала Франсуаза.

Он отпустил ее. Ступив три шага, она обернулась и увидела, как он открыл дверь бистро.

VI

— Тебе не надоело? — спросил Жан-Марк, снова закрывая свою тетрадь по административному праву.

— Надоело, — отвечал Дидье Коплен. — Не знаю ничего более нудного! Перейдем к гражданскому?

Жан-Марк посмотрел на часы — четыре. К половине пятого он ждал Валерию де Шарнере. Как раз есть время подготовиться, навести порядок в комнате… Он не мог понять, почему она согласилась к нему прийти по первому звонку. Несомненно, у нее кризис.

— Нет, — сказал он, — у меня свидание. Извинишь меня?

— Если я правильно понял, мне нужно сматываться!

— Пять минут раньше или позже дела не меняют!

— Это девушка с факультета?

— Нет.

— Ты с ней спишь?

— Нет еще!

— Во всяком случае, не забудь сегодня вечером прийти ко мне!

— Да, но поздно, — сказал Жан-Марк. — Отец приглашал на ужин. Я обещал быть.

— Приходи, когда захочешь, но я на тебя рассчитываю. Мне бы хотелось все-таки, чтобы ты познакомился с Жаклин!

Главное слово было произнесено: Жаклин! С тех пор как в Дидье вцепилась эта студентка с медицинского факультета, он стал другим: мечтательным, озабоченным, рассеянным. Разумеется, у него были «серьезные намерения», у дурачка! Жан-Марк стукнул его по плечу кулаком:

— Поклянись, что ты не сделаешь глупость и не женишься на ней!

Дидье покачался на стуле и засмеялся, поднимая стакан:

— Клянусь!

— Даже если она умопомрачительна (а я лично не сомневаюсь, что она такова!), женившись, ты все испортишь. Представляешь себе учебу, когда жена в доме, а может, и малышня? Нет, старик, в нашем возрасте не стоит особенно к кому-то привязываться. Имей смелость быть в любви немного мерзавцем! Иначе тебе конец!

Жан-Марку показалось, что он слышит голос собственного отца. От этой поднимавшейся в нем другой личности ему стало не по себе.

— Мы об этом снова поговорим, когда ты ее увидишь, — пробормотал Дидье, вставая и собираясь уходить.

Он снял свой пиджак со спинки стула и набросил на плечи. Открытое лицо, большие очки в черепаховой оправе излучали уверенность. «Какой хороший парень!» — подумал Жан-Марк. И сразу нахмурил брови. В коридоре приближались шаги. Кто-то постучал в дверь — это Валерия пришла раньше времени. На полу валялись разбросанные книги, у кровати пара ботинок, около умывальника грязное белье… Жан-Марка раздражал этот беспорядок, но ему не

хотелось суетиться при Дидье, раскладывая по местам вещи.

— Входи! — сказал он.

Появилась Валерия, белокурая, тонкая, белокожая. На ней был хорошенький желтовато-коричневый костюмчик, отделанный черной тесьмой. Жан-Марку льстила ее элегантность. Но способен ли был Дидье оценить изысканность женского туалета? Он поздоровался с Валерией, сказал напоследок Жан-Марку: «Значит, сегодня вечером, точно, старик, да?» — и быстро ушел.

Валерия окинула взглядом комнату:

— Здесь прелестно! Ты легко ее нашел?

— Да, через одного приятеля.

— А сейчас живешь здесь один?

— Как видишь…

— Я совершенно ничего не вижу! Может, тут целый гарем, за этой ширмой!

— Нет, это душ!

Она со звонким смехом прошла, села на край диван-кровати и откинулась назад, опершись локтями на матрас. Втянув голову в плечи, выставив вперед грудь, Валерия в упор смотрела на Жан-Марка. Но он видел только свои стоптанные башмаки, валявшиеся на полу. Желтая кожа на них деформировалась, истончилась, поизносилась и почернела от чистки. Это старье, уже никуда не годное, с которым он никак не решался расстаться, неожиданно вызвало у него ужас.

— Ну как твое впечатление от Штатов?

Этот вопрос, который ему задавали раз сто, вывел его из себя. Повторяя одно и то же, чтобы объяснить свое восхищение, он в конце концов начал в нем сомневаться. Он чувствовал себя актером, которому надоела его лучшая роль.

— Потрясающе! — сказал он просто. — А ты, кажется, была в Шотландии?

— Да.

— Хорошо?

— Замечательно! Я целыми днями скакала на лошади.

— И все?

— Нет. Хочу еще сообщить тебе, что я уже больше не девственница.

Она произнесла это каким-то развязным тоном, задрав кверху нос, прищурившись и сверкая глазами.

— А! — сказал он. — Мои поздравления.

Он вовсе не удивился. Но эта новость, вместо того чтобы его обрадовать, поскольку избавляла от сложностей, скорее, расстроила. Как если бы Валерия лишила его всякого повода для уважения, как если бы теперь он уже не был свободен в своем выборе! Жан-Марк достал из шкафа бутылку виски, принесенную накануне из отцовского погреба, минеральную воду «перье», стаканы и расставил все на полу перед диваном. Одновременно быстрым движением задвинул башмаки с глаз долой. Но они натолкнулись на ножку дивана и остались стоять на виду.

— Ты не хочешь спросить, как это было? — поинтересовалась Валерия.

— Ну, знаешь, это всегда происходит более или менее одинаково…

— Невинности меня лишил друг моего отца.

Намеренное уточнение не вызвало никакой реакции у Жан-Марка. Он сел по-турецки прямо на коврик и налил виски.

— Потрясающий тип, — продолжала Валерия. — Старик! Сорок пять лет! Но красивый, спортивный, умный. Грек, который читал Верлена, представляешь, что за человек? Он, как и я, был в гостях у Донагов. Ночью пришел ко мне в комнату…

— И сейчас ты его любовница? — спросил Жан-Марк.

— Ты что! У него жена-прилипала, дети-пиявки… Я быстренько отступила!..

— У тебя после этого были другие?

Закинув назад голову, она сделала большой глоток виски.

— Нет.

— Ты сожалеешь?

— Я тебе это скажу чуть позже.

Она настойчиво его изучала. Он делал вид, что не понимает значения ее взгляда, чтобы дать себе время ощутить желание. Но чем больше повторял, что она красива и доступна, тем меньше волнения он испытывал.

— Иди ко мне, — сказала Валерия, поманив его пальчиком.

Он сел рядом с ней на диван. Она дотронулась до его руки. Но Жан-Марк вспомнил другую руку, прикоснувшуюся к нему, когда он держал руль автомобиля. Как он был взволнован тогда и как холоден сейчас! Чего ему не хватало? Кожи Кароль, духов Кароль, музыки ее слегка хрипловатого голоса? Он упорно гнал от себя воспоминания, которые буквально переполняли его, и изо всех сил старался увлечься молодым лицом, медленно к нему приближавшимся. Это лицо было для него неизвестной планетой. Бледной, необъятной, холодной. Их губы встретились. Жан-Марк продлил поцелуй, ощутив какую-то жалкую слабость у себя в паху. Кароль по-прежнему стояла у него перед глазами: ее обнаженный силуэт в полумраке, ее грудь, ее движения, когда она снимала белье. Он откинул назад голову. С минуту они молча смотрели друг другу в глаза. Валерия протянула руку, развязала Жан-Марку галстук, распахнула воротник, расстегнула пуговицы на сорочке, погладила кожу у него на груди. Кароль делала это по-другому. Лучше! А эта маленькая ручка подростка с сухой ладонью, это лицо порочного ребенка, на котором жизнь еще ничего не отметила… Дура набитая! Даже не попросила мужчину задернуть шторы, создать интимную обстановку! Эта уж, наверное, не побоялась бы и при полном свете показаться голой, потому что была уверена в своих бедрах, груди, шее! Ей было нечего скрывать! А значит, и нечего дать! «Да нет, она потрясающая! Любой бы на моем месте…» Жан-Марк весь дрожал, но ничего не мог сделать и готов был расплакаться в тот момент, когда она, с полузакрытыми глазами, с легкой улыбкой на губах, кончиками пальцев гладила его грудь, словно нащупывающий дорогу слепой. Одним прыжком он вскочил, задернул двойные шторы и вернулся к ней. Может, в полумраке все пойдет лучше. Он раздел ее. Она позволяла ему это делать и помогала, шепча:

— Я люблю тебя, люблю…

Он положил ее, уже обнаженную, на диван. Луч света, проникавший через неплотно задернутые шторы, достаточно освещал девушку, чтобы вызвать желание. Наклонившись над ней, он смотрел на нее, вдыхал ее запах. У нее были длинные ноги, плоский живот, маленькие и круглые груди с твердыми сосками, торчащими, как наперстки. И все это, молодое, упругое, ничем не благоухало.

Жан-Марк ласкал ее. Она слегка постанывала. А он никак не решался. Он разделся, не переставая смотреть на нее. Белокожая! Блондинка!

— Что-то не так, Жан-Марк? — прошептала она.

Говоря это, она слегка привстала, держа на груди руки с раздвинутыми пальцами, словно морские звезды. Эту позу Кароль часто принимала в постели. Она стеснялась своей груди, которую считала уже немолодой. Это было от избытка кокетства. Временами Валерия была похожа на Кароль. Кароль, перекрасившуюся в блондинку. Смешно! Нелепо! Он бросился на нее, опрокинул, овладел ею — быстро, плохо, грубо и потом отстранился, чувствуя отвращение. Валерия обнимала его, обвивая руки вокруг его шеи и тесно прижимаясь к его бедрам. Несомненно, она была разочарована, но для нее, как и для него, честь была спасена, — сейчас уже можно было изобразить нежность.

— Ты знаешь, так хорошо, — сказала она. — Ты сильный!.. Ты замечательный!..

Он молчал, вдыхая ноздрями воздух. От ее тела, которое только что ничем не благоухало, исходил отчетливый аромат — нежный, сладкий и одновременно терпкий запах напоминал бензойную смолу, нет — ладан…

Кран в раковине капал, издавая легкий хрустальный звук. «Кароль, прости!» Если бы только она была мертва! Не видеть ее больше никогда! А сегодня обед с Дюурионами, Шалузами…

— Ты знаешь, — сказала Валерия, — тот тип в Шотландии, друг моего отца, часами держал меня голую на коленях. Это была какая-то свинья. Я в конце концов ему все сказала. Он ушел в бешенстве. А вот ты мне нравишься… Ты будешь мне верен?.. Лично я тебе ничего не обещаю! Если ты не будешь со мной очень милым…

Она засмеялась, прильнула к нему, приложилась губами к его губам. Потом они закурили. В семь часов Жан-Марк выпроводил ее. Она удалилась сияющая. Для нее это была победа! Вот идиотка! Он открыл окно и вдохнул полными легкими. Наконец-то воздух, холодный, здоровый, свежий, в котором не пахло женщиной! Ему нужно было подготовиться к ужину. Мысленно он уже выбрал галстук — темно-синий в тонкую зеленую полоску.

Это был настоящий театр: все персонажи играли роли, начиная с Кароль и Филиппа, разыгрывавших счастливую семейную пару, и кончая Даниэлем, поглощавшим обед с чисто английской изысканностью, пока преобразившаяся в преданную служанку Мерседес, внимательная и добрая, уходила и приходила, кружила вокруг стола, сверкающего серебром и хрусталем. Даже у Франсуазы лицо было каким-то необычным. Жан-Марк заметил, что она выглядела радостной, загадочной и напряженной. Она была лучше причесана, чем накануне. Он улыбнулся ей через жардиньерку из китайского бело-голубого фарфора и поднял свой бокал. Что за идея возникла у Кароль — пригласить Шалузов и Дюурионов после того, как она поссорилась с ними во время круиза! Светское примирение? Впрочем, Поль Дюурион — крупный клиент конторы Эглетьера!

Разговор был чисто географическим: Греция, Соединенные Штаты, Кот-д’Ивуар. Стоило интересу чуть сникнуть, как хозяйка оживляла беседу каким-нибудь ловким вопросом или забавной репликой. Непринужденность Кароль восхищала Жан-Марка. Он не знал никого, кто мог бы сравниться с ней в шарме и элегантности. Чем более неестественной, деланной она выглядела, тем сильнее нравилась ему. Желание, которое он не мог испытать днем при виде белокожей блондинки Валерии, лежавшей перед ним обнаженной, охватывало его и доводило до дурноты, стоило ему посмотреть всего лишь на руку Кароль, лежавшую спокойно на скатерти. Одержимый этим наваждением, он говорил мало и упорно думал о впечатлении, которое производил на нее. Одетая в черное платье с

остроконечным декольте и бриллиантовой застежкой на плече, Кароль просто царила — недоступная, запретная, словно окруженная пуленепробиваемым стеклом. Он готов был бросить салфетку и убежать. Но обед нестерпимо долго тянулся. Даниэль снова попросил мороженого с клубникой, негодяй! А господин Шалуз, который был большим знатоком вин, без конца нюхал и дегустировал поданный к десерту сотерн. К счастью, в этот день у Дидье Коплена была вечеринка. Жан-Марк предупредил Кароль, что сбежит сразу после обеда. Он действительно приходил в себя только за пределами дома.

Наконец все встали из-за стола. Пока Мерседес накрывала в гостиной кофе, Жан-Марк увлек Франсуазу в угол комнаты и прошептал:

— А не пойти ли тебе вместе со мной?

— К Дидье? Но я не приглашена.

— Да это и не обязательно! Там будет очень мило. Он познакомит нас со своей девушкой. Он подумывает о женитьбе…

— Дидье хочет жениться? — воскликнула Франсуаза.

И на ее лице изобразился столь живой интерес, что Жан-Марк раскрыл глаза от удивления: она же едва знала Дидье!

— Да, — сказал он, — это довольно глупо!

— Почему? Если девушка хорошая…

— Даже если хорошая! Брак, знаешь…

— Не всегда!

— О, нет… во всяком случае для нас… Когда надо учиться…

— Да, конечно.

— Так я тебя увожу?

— Мне бы хотелось, но, наверное, это будет не очень вежливо?..

Их прервала перестановка в гостиной: Дюурионы принесли диапозитивы, сделанные во время круиза, и все принадлежности для показа. На комоде поместили проектор, перед зеркалом на камине развернули экран, поставили стулья для зрителей. Господин Дюурион, готовя аппарат к работе, регулировал высоту объектива. Его жена, взявшая на себя художественный комментарий, взволнованная и воодушевленная, суетилась вокруг папки со снимками. Жан-Марк подошел к Кароль и сообщил ей, понизив голос:

— Я собираюсь сматываться.

— Уже? — произнесла она, взглянув на него с недовольным видом.

— Да. Я обещал Дидье прийти не слишком поздно. К тому же я увожу Франсуазу…

— Но… но это невозможно!.. Вы не можете уйти оба!

— Для того чтобы смотреть фотоснимки, мы вам не нужны!..

Жан-Марк говорил быстро, чтобы преодолеть в себе страх — выступать против Кароль было непросто! Как только он вышел из зоны воздействия ее взгляда, ее духов, он вновь обрел уверенность в себе. Дюурионы и Шалузы, когда он выразил сожаление, что они с сестрой не смогут присутствовать на демонстрации диапозитивов, дружно воскликнули, что ни он, ни Франсуаза ничего не потеряют, поскольку в их возрасте имеются занятия и получше.

— Уходите быстро, мои дорогие! — сказала им Кароль со снисходительными нотками в голосе.

— И Франсуаза тоже уходит? — спросил Филипп.

— Ну да, они так договорились, — сухо заметила Кароль.

Даниэль воспользовался случаем, чтобы тоже улизнуть: у него завтра контрольная по физике, а он к ней еще не подготовился.

— Можно уже гасить свет? — спросила госпожа Дюурион.

Кароль безропотно сидела рядом с Моник Шалуз. За время круиза она насмотрелась на Поля Дюуриона, который носился среди руин с фотоаппаратом в руках, щелкал в упор античные храмы и современных крестьян. И вот теперь ей приходится созерцать вереницу этих видов с комментариями Колетт. Лично она ненавидела фотографии. Прежде всего потому, что не считала себя фотогеничной. А еще потому, что эти свидетельства ушедшего времени наводили ее на мысли о старости и смерти. «Придет день, когда от нас уже ничего не останется, кроме маленьких, старомодных, смешных изображений…» Филипп повернул выключатель. Наступила темнота, в которой засветился белый четырехугольник экрана. Кароль услышала, как с глухим звуком закрылась входная дверь: Жан-Марк и Франсуаза ушли. «Это уж слишком, вдвоем!» — подумала она про себя. И со злостью мысленно последовала за ними в их веселое бегство, подальше от взрослых, подальше от скучных обязанностей…

В глубине гостиной неожиданно выросли колонны Парфенона с голубым в белый горошек платьем госпожи Дюурион на первом плане.

— Потрясающе! — запищала Моник Шалуз. — Мрамор, бело-розовый оттенок мрамора! Он красивей, чем в природе!

Потом возник господин Шалуз в шортах и полотняной шляпе перед храмом Нептуна в Пэстуме. Теперь восторгалась Кароль. Казалось, что ее голос звенит под стеклянным колоколом. Этот сговор между братом и сестрой, это радостное соучастие. Жан-Марк, разумеется, сообщил Франсуазе, что порвал с ней. Он гордится тем, что произошло. Еще бы! Его первый мужской успех. А эта маленькая потаскушка с ужимками недотроги, она-то как, наверное, обрадовалась!

— И это, не правда ли, восхитительно?.. Вы помните, Кароль?

— Это… Это Олимпия?

— Нет. Это Дельфы, давайте посмотрим!

— В любом случае, Поль, вы необыкновенный художник! И установка кадра, и чувство объема!

Жан-Марк с сестрой даже сейчас, может быть, говорят о ней. Разумеется, чтобы ее растоптать. В этом отношении можно положиться на Франсуазу. Кароль сцепила руки в замок. Неожиданно над камином возникло крупным планом женское лицо, загорелое, смеющееся, с морщинками, появившимися от солнца. «Боже мой! Неужели это я? Да! Какой ужас!»

— А! Вот и наша восхитительная Кароль! — сообщила Колетт Дюурион.

Игла вонзилась в самое сердце. Кароль содрогнулась. Она никогда не замечала у себя этой фальшивой молодости. А кожа на лице! Тридцать три года! «Самый прекрасный возраст для женщины!» — провозглашали дурацкие модные журналы. Вероятно, Жан-Марк так не считает. Нет, она никогда не простит ему оскорбления, унижения, нанесенного в тот момент, когда ей пришлось впервые засомневаться в своей власти.

— Я прошу вас уничтожить этот снимок! — сказала она.

— О, нет! — воскликнул Поль Дюурион. — Он самый красивый в моей коллекции! Вы на нем такая живая, такая очаровательная…

Шалузы переусердствовали. Кароль опустила голову. Все лгали. Правдой был только уход Жан-Марка. «Что он сейчас делает? С кем танцует? С кем обнимается?»

— Кароль, вы помните?.. Фиакр в Афинах… ночной ужин в Пирее… Старый моряк… Наше купание…

Она почувствовала, как у нее защипало глаза. Косметика! Глубокий вдох, чтобы освободить грудь. Так, теперь легче. Разумеется, снимок был сильно увеличен. Но у молодых именно такой взгляд: они преувеличивают, они изучают, они судят, они убивают.

Просмотр продолжался более часа. Колонны, ступени, барельефы, многочисленные статуи. Когда включили свет, нервы у Кароль были на пределе. А нужно было еще говорить, улыбаться, под конец, как положено, подавать прохладительные напитки, что затягивало вечер.

Наконец все разошлись.

Вернувшись с Филиппом в комнату, Кароль рухнула в кресло и положила ослабевшую руку на лоб:

— Определенно, Колетт уже нельзя приглашать. Чем старше она становится, тем болтливее! Только ее и слышно!

— И все-таки вечер очень удался.

— Ты неприхотлив! Это при том, что Жан-Марк и Франсуаза разбили нам компанию, уйдя из-за стола!

— Но ты мне сказала, что вы так условились!

— Нужно же было сохранить лицо перед гостями!

— Куда они пошли?

— Будто бы к Дидье Коплену.

— Почему «будто бы»?

— Потому что Франсуазе я не доверяю. Это такая актриса!

— Франсуаза?

Он смотрел на нее с изумлением. Воротник рубашки открывал его слегка располневшую шею. Эта родительская слепота ее удивляла и раздражала.

— Да, Франсуаза, — сказала она. — О, она…

— Что?

— Ничего… ничего…

Кароль встала и прошла в ванную, чтобы раздеться. Взгляд в зеркало ее успокоил. Она выглядела лучше, чем на снимке.

VII

— Франсуаза!

Голос отца застал ее в тот момент, когда она входила в коридор. Она вернулась и прошла в гостиную. Филипп был один, он сидел в кресле и держал перед собой раскрытую газету.

— А, ты здесь! Добрый вечер, — сказала она, подходя, чтобы его поцеловать.

Он медленно опустил газету на колени. Его взгляд был так суров, что она в недоумении остановилась.

— Ты идешь с занятий? — спросил он.

— Да, папа.

— Сколько у тебя занятий в неделю?

— Я точно не знаю. Хочешь посмотреть мое расписание?

— Да. Мне бы хотелось быть в курсе того, чем ты занимаешься.

— Но почему, папа?

— Потому что я узнал, что ты часто встречалась с одним из твоих преподавателей.

— Тебе Кароль сказала, — прошептала Франсуаза, улыбнувшись с грустной иронией.

— Неважно, откуда я получаю сведения! Ясно одно — это продолжаться не может!

— Что?

— Твои отношения с этим человеком.

Франсуаза почувствовала внезапную слабость в ногах и села.

— Они совершенно нормальные, эти отношения! — сказала она.

— А, ты так считаешь? Однако ты чуть было не покончила с собой из-за него! Да, это я теперь тоже знаю! Ты едва не убила себя, тебя вытащили, и вот ты снова попадаешь в его лапы!

Франсуаза набрала воздуха и сказала:

— Между нами произошло недоразумение, папа. Прежде всего, господин Козлов очень хороший человек…

— Очень хороший человек, который затащил тебя в свою постель! — резко сказал Филипп.

Кровь бросилась Франсуазе в лицо. Стыд ошеломил ее до слез. Она прошептала:

— Папа, с этим покончено!

— Ты меня принимаешь за дурака?

— Уверяю тебя…

— С этим покончено на сегодня, может быть, но завтра начнется снова. И куда тебя это приведет, ты мне не скажешь?

Она не ответила. У нее за спиной тихонько открылась дверь. Кароль вышла из

своей комнаты, не говоря ни слова, проскользнула при свете лампы к дивану и присела в отдалении от мужа и падчерицы.

Ей явно не хотелось вмешиваться в разговор. Она явилась как зритель, посмотреть на падение Франсуазы. Ее лицо выражало спокойствие, которое приобретается опытом. Филипп искоса посмотрел на жену, словно для того, чтобы почерпнуть в ее глазах энергии, и продолжал:

— У этого типа нет никаких серьезных намерений, и ты, Франсуаза, прекрасно это знаешь! Он использует тебя, поскольку ты молода и наивна. И когда он достаточно позабавится, он тебя бросит!

Присутствие Кароль придавало каждому его слову ужасающий смысл. То, что Франсуаза могла бы перенести наедине с отцом, она отказывалась слышать перед этой женщиной, под чьей невозмутимой маской скрывалось ликование. На нее нахлынула обида, что отец несправедлив. Требовалось дать отпор, неважно как, но быстро. В состоянии какой-то сверхъестественной отчужденности она услышала, как сама произнесла:

— Александр Козлов настолько не намерен меня бросить, как ты говоришь, папа, что предложил мне выйти за него замуж.

— Что? — буркнул Филипп, подняв голову. — Ты с ума сошла?

— Однако это правда.

— Сколько ему лет?

— Тридцать три года.

— А тебе — девятнадцать! Ты хотя бы отдаешь себе отчет в этом?

— Но у вас с Кароль такая же разница!

— Совершенно верно! — вмешалась Кароль, грациозно выставляя вперед грудь.

— Во всяком случае, — заметил Филипп, — ты еще маленькая. И я имею право сказать свое слово. И это слово — нет! Ты не выйдешь замуж за этого неудачника!

— Он не неудачник… Он пройдет конкурс… Я сама, если пойду переводчицей в министерство…

— Нет, нет, нет!.. Повторяю тебе, что этот брак невозможен…

Его прервал вкрадчивый голос Кароль:

— Почему невозможен, Филипп? Франсуаза права. Раз этот человек хочет жениться, мы должны говорить обо всем гораздо спокойнее…

Франсуаза посмотрела на мачеху с удивлением.

— Это на самом деле серьезно? — переспросила Кароль.

— Ну да, — ответила Франсуаза.

И ее охватила паника. Она никогда не задумывалась о возможности брака с Козловым. Он предложил это ей легко, почти в шутку; она очень благоразумно отказалась даже слушать его в тот момент, и вот теперь перед отцом и Кароль защищает этот абсурдный план так горячо, как если бы речь шла о важнейшем для ее счастья решении. Собственные колебания внушали беспокойство ей самой, она уже не владела своими чувствами, наступала и отступала будто в тумане.

— Полагаю, ты подумала о том будущем, которое ждет тебя с ним, — сказала Кароль.

— Да ни о чем она не подумала! — воскликнул Филипп. — Привыкла жить в достатке и без забот, не представляет, что такое семейная жизнь! Ты не сможешь жить на то, что зарабатывает этот учитель!

— Я сказала тебе, что тоже буду работать, папа. И потом, деньги — это еще не все…

— Франсуаза права, — вмешалась Кароль. — В наше время имеет значение не богатство человека, за которого выходишь замуж, а его способности. Козлов показался мне очень незаурядным. Я его видела, разговаривала с ним. Он умный, образованный, здравомыслящий…

Чем настойчивее становилась аргументация Кароль, тем сильнее росло смятение Франсуазы. «Откуда вдруг такая любезность ко мне? — размышляла она. — Может быть, я плохо о ней думала? Неужели она искренне хочет мне помочь? Наверное, я не права, что не доверяю ей. Если бы Козлов мог догадываться о том, что сейчас происходит!..»

Франсуаза всеми силами держалась позиции, которую сама так опрометчиво заняла. У отца на лице уже появились признаки молчаливого согласия. Он принял в кресле обмякшую позу и притушил огонь своего взгляда, опустив утомленные веки. Как всегда, улаживание семейных проблем Филипп доверял жене.

— Во всяком случае, — сказал он, — я считаю, что не надо торопиться. Когда я познакомлюсь с этим человеком, я тебе честно скажу, что думаю об этом деле…

Он повернулся к жене и в награду получил светящуюся добротой улыбку. Она благодарила за понимание. Ловким движением Кароль пересела на подлокотник его кресла. Их руки соприкоснулись. Кароль вздохнула, и взгляд ее сделался томным.

— Ну вот! — сказала она. — Ты счастлива?

— Очень, — ответила Франсуаза.

В груди у нее встал какой-то комок, настолько тяжелый, настолько твердый, что ей стало трудно дышать. Кароль притянула ее к себе и подставила щеку для поцелуя. Потом Франсуаза обняла и отца. Но ощущение странной комедийности случившегося не покидало ее. Она чувствовала себя и удовлетворенной, и обманутой одновременно. Лицо у нее пылало. Она встала и быстро ушла к себе в комнату.

Громадная негритянская голова смотрела на нее со стола пустым взглядом. Франсуаза рухнула на кровать. Самым простым было бы подождать несколько дней, а затем объявить отцу и Кароль, что, подумав, она решила не выходить замуж. Эта программа успокоила ее. Скоро обед. Она встала, причесалась и пошла в комнату к Даниэлю. Он печатал свой доклад для фонда Зелиджа. Работа была сделана аккуратно, с абзацами, заголовками, фотографиями на каждой странице, с графиками, вычерченными цветными карандашами.

— Как вылизано, да? — сказал он.

Она читала из-за его плеча: «Сторонники ритуала хотят, чтобы смертник, сидя перед хижиной, присутствовал при подготовке к своему погребению… Жена смертника раскрашивает себе тело в белый цвет каолином и держится в стороне…»

— Это правда, то, о чем ты пишешь? — спросила она.

— Конечно!

В доме зазвонил телефон. Франсуаза продолжала читать, увлекшись компетенцией и холодным, корректным стилем брата. Мерседес постучала в дверь.

— Мадемуазель, вас к телефону!

Франсуаза тут же подумала о Козлове. Почему? Она не знала.

Козлов никогда не звонил ей домой. Однако это мог быть лишь он. Она это чувствовала. У него хватило смелости!

Франсуаза побежала в гостиную, где отец и Кароль читали, устроившись друг против друга, и взяла аппарат с низкого столика. Мужской голос в трубке спросил:

— Алло, Франсуаза? Это Ив…

Она замолчала на долю секунды, узнала своего отчима и машинально сказала:

— Ив? Ах, да… Добрый вечер!.. Как мама?

— Неважно. Я звоню тебе прямо из клиники. Ее положили сюда. Она очень мучается. Просит тебя приехать!

— Что говорит врач?

— Ну, ничего… конкретного… Надо ждать… Даю тебе адрес… Клиника Фюзелье на улице де Брюейр в Севре. Сможешь приехать?

— Конечно, — сказала Франсуаза. — Ей что-нибудь нужно?

— Нет, только чтобы ты приехала!

Франсуаза повесила трубку и повернулась к отцу и Кароль, которые делали вид, что ничего не слышали.

— Я не смогу сегодня с вами обедать, — сказала она. — Мама в больнице…

— Ах! — произнесла Кароль равнодушным тоном. — Что с ней случилось?

Франсуаза густо покраснела и прошептала:

— Она ждет ребенка… Ей хотелось бы, чтобы я была рядом…

— Ну хорошо, поезжай, — буркнул Филипп. Кароль улыбнулась:

— Ну да. Собирайся быстрей! Надеюсь, все будет хорошо.

Выходя из гостиной, Франсуаза столкнулась с Даниэлем.

— Ты куда бежишь?

— Мама рожает!

— Ты уверена?

— Да.

— В какой клинике?

— Там же, где Анжелику рожала, — в Севре.

— Я поеду с тобой!..

— Нет, Даниэль! Это совершенно бесполезно!

Она натянула на себя плащ, уже спускаясь по лестнице.

В зале ожидания она нашла Ива Мерсье, который сидел, поставив локти на колени. Увидев ее, он поднял голову. На его лице с бесцветными глазами и коротким,

сплюснутым носом отражалось волнение.

— Что-то не очень хорошо, — сказал он. — Ей должны делать кесарево!

— Боже мой! — прошептала Франсуаза.

— Врач не выражает беспокойства. По крайней мере, как только она заснет, ее мучения прекратятся.

— Могу я ее увидеть?

— Нет. Она уже в операционной. Теперь остается только ждать. Садись. — И он указал ей на стул рядом с собой. — Она очень мучилась, — продолжал Ив Мерсье. — Кричала. Звала тебя. Напугала меня. Тогда я тебе и позвонил.

— Ты правильно сделал.

— Мы считали, что это будет в конце декабря. И вот, почти на три недели раньше… Даже не знаю, сколько времени это может продолжаться — кесарево…

— Я тоже, — сказала Франсуаза. — А кто сейчас с Анжеликой?

— Моя мать. Ну, там-то все будет в порядке…

Он откашлялся, вздохнул и замолчал. Франсуаза устремила глаза на стену напротив, выкрашенную в бледно-голубой цвет. В ее тревоге смешались и собственная история и ситуация матери, и она лихорадочно перескакивала с одного на другое. Влажное тепло родильного дома, скольжение медсестер в белом по линолеуму коридоров, резкие крики, доносившиеся через тонкие двери, — весь этот мир кровавой плоти, человеческого начала, рождения пробудили в ней чувство глубокого одобрения. Рано или поздно большинство женщин приходят к этой животной боли, к этой неземной радости. Она сама, если Бог даст… Снова мысли о Козлове волной накатили на нее. Она купалась в них, не открывая глаз. Потом почувствовала, как смутная улыбка возникает у нее на губах. «А мама мучается… Я не имею права!.. Но все будет хорошо!..» К счастью, в зале ожидания они были одни. Ив Мерсье посмотрел на часы:

— Долго!

Внезапно он встал. Дверь открылась. Появился какой-то человек в белой блузе. У него были крупные, мясистые черты лица. Взгляд спокойный и серьезный.

— Я сожалею, месье, — сказал он. — Ребенок родился мертвым. Но операция прошла нормально. Ваша жена вне опасности.

Оглушенная этим известием, Франсуаза посмотрела на Ива. Тот стоял перед врачом безучастно, с подрагивающей верхней губой, и не говорил ни слова. Наконец прошептал:

— Ну да!.. Вот ведь как… Такой удар для нее!.. Это… был мальчик, доктор?

— Нет, девочка.

— Я скажу ей. Она будет меньше переживать. Можно ее увидеть?

— Нет еще. Ее только что привезли в палату.

— А, хорошо!.. Тогда попозже?

— Завтра, месье, завтра…

Ив Мерсье решил провести ночь в клинике, чтобы быть рядом с женой, когда она придет в себя.

— Я тоже останусь, — сказала Франсуаза.

— Нет, — ответил он, — мне бы хотелось сообщить ей об этом наедине. Возвращайся домой. Я скажу ей, что ты приходила. Завтра утром позвоню тебе.

Отзывчивая медсестра согласилась приоткрыть дверь в палату, где лежала роженица. В приглушенном свете лампы, стоявшей у изголовья, Франсуаза увидела свою мать, бледную, лежащую на спине с закрытыми глазами. Она порывисто дышала. Ее руки были тонкими и сухими.

— Она чувствует себя как нельзя лучше, — прошептала сестра. — Идите спокойно, мадемуазель. Что касается вас, месье, как только ваша жена проснется, я за вами приду.

Она бесшумно закрыла дверь и увела Ива Мерсье с Франсуазой в коридор.

Было одиннадцать часов вечера, когда Франсуаза появилась на рю Бонапарт. Машины отца во дворе не было: они с Кароль, вероятно, уехали. Порывшись у себя в сумке, она обнаружила, что забыла взять ключ от квартиры. Но Даниэль должен быть дома — он откроет ей.

Она трижды нажала кнопку звонка. После долгого молчания дверь приоткрылась. Это был не Даниэль, а Аньес.

— Даниэля нет? — спросила ее Франсуаза.

— Нет-нет, мадемуазель, он дома; наверное, в своей комнате. А месье и мадам пошли в кино.

— А вы почему не спите?

— Я пишу письма своей семье, — важным тоном сообщила Аньес.

Регулярно раз в месяц, вымыв посуду, она устраивалась на кухне и, вооружившись ручкой, водрузив на кончик носа очки, закусив губу, писала письма — по четыре страницы — своей многочисленной бретонской родне, которая, впрочем, никогда ей не отвечала.

Франсуаза на цыпочках прошла в коридор, открыла дверь в комнату брата, который спал, свернувшись в своей кровати, лицом к стене. Лампу он оставил включенной. На полу валялся учебник математики. Франсуаза не решилась будить его, погасила свет и осторожно прикрыла дверь. Завтра она все ему расскажет. Голова у нее была тяжелой. Ее преследовала какая-то боль — незаметная, несильная, беспричинная, смутная, тошнотворная. К тому же ее мучила жажда. Очень сильная жажда. Ей захотелось холодного молока, и она направилась в кухню.

Аньес старательно писала. Она подняла голову и посмотрела на Франсуазу, которая открыла холодильник и налила себе стакан молока.

— Вы больше ничего не хотите?

— Нет, спасибо.

— Вы совсем бледная… Наверно, очень устали!

Франсуаза большими глотками выпила молоко. Оно было холодное густое, вязкое, это навевало мысли о траве и ветре. Она поставила стакан. Спать не хотелось.

Чем заняться, она не знала. Аньес продолжала писать. В кухне все блестело. В воздухе чувствовался острый запах лука. Франсуаза заговорила:

— Я пришла из больницы. Моя мама ждала ребенка. Ей делали кесарево. Ребенок

умер.

Аньес отложила ручку.

— Это очень грустно, мадемуазель. Но вы знаете, когда женщина не очень молодая… У моей сестры — той, что живет в Руане, — было то же самое. И все же она крепкая. Восемьдесят два килограмма, что вы на это скажете?

— Сейчас, — продолжала Франсуаза, — мама еще ничего не знает, она под наркозом, но когда узнает…

— Это неизбежно!.. Человек рассчитывает, и вдруг — такое!.. И все-таки это легче, чем потерять ребенка, которому уже шесть лет, как случилось с моей второй сестрой, той, что осталась в Морга.

— А как ваш ребенок, Аньес?

— Хорошо. Он у моей старшей сестры в Шартре. Она его воспитывает. Я бы не могла при моей работе!

— А что с вашим мужем?

— У меня нет мужа, я — мать-одиночка, — сказала Аньес многозначительно, как если бы призналась в неизлечимой болезни.

— Но у вашего ребенка был же отец!

— Отец как узнал — так и сбежал. И все еще в бегах!

— Бедная вы!

— Так я гораздо счастливее! Мужчины — чем они дальше, тем лучше!

Она рассмеялась и откинулась на спинку стула. Ее большие красные руки лежали по обе стороны белого листа бумаги.

— Завтра я пойду к маме, — сказала Франсуаза.

— Вы ее очень любите, да? — спросила Аньес.

— Да.

— Я с ней не знакома. Я пришла к вам работать как раз после того. Пять лет уж будет! Как летит время! Вы в самом деле не хотите съесть кусочек чего-нибудь?

— Нет, спасибо.

Они замолчали. Аньес снова склонилась над своим письмом. Франсуаза вышла из кухни.

VIII

Дождь застал их на рю Жакоб. Дождь был косой, яростный, пронизывающий. Зайти в кафе? У Даниэля не было ни гроша.

— Пойдем ко мне! — сказал он.

Это было совсем рядом. Они помчались бегом. Даниэль время от времени замедлял шаг, чтобы Даниэла за ним успевала. Она бежала как все девчонки, вяло отбрасывая в стороны ноги, словно метелки. Ее мокрые волосы подплясывали вокруг лица. Тетради и книги она засунула себе под пальто и поддерживала их руками через карманы. От этого живот у нее казался большим. Вид был смешной. Войдя в подъезд, Даниэла едва перевела дух. В лифте он спросил ее:

— Ну как?

— Хорошо, — сказала она, шумно выдохнув.

Даниэль нервничал. Он впервые приводил в дом девушку. Ну и что! Они ничего плохого не делают! Сейчас ведь не средневековье! Они будут болтать, курить, смотреть фотографии его экспедиции, слушать диски… Приятно, что в это время, между четырьмя и пятью часами, в квартире никого, кроме прислуги, нет.

Он повернул ключ в замке. Исходившее из пустых комнат молчание его успокоило. К тому же Даниэла казалась совершенно невозмутимой, и ему следовало вести себя так же.

— Сюда, — пригласил он, уверенно ступив в коридор.

Они прошли мимо шкафов. За этими одинаковыми дверцами хранилась летняя одежда. В комнате Даниэла просто пришла в восторг: большая афиша, изображающая негритянку с деревянным диском в нижней губе, африканский амулет, рыба-луна, приспособленная под лампу, красные стены и черный потолок — ей нравилось все! Она сняла промокшее пальто, повесила его на спинку стула и встала перед зеркалом, чтобы причесаться. Ее белокурые волосы, намокшие от дождя, приняли медный оттенок. Эта рыжина придавала яркости ее голубым с коричневыми крапинками глазам. Когда она поднимала руки, под свитером из розовой шерсти выступали острые груди. Даниэль с удивлением смотрел на Даниэлу из плоти и крови в той самой обстановке, в которой он так долго о ней мечтал. Неожиданным образом это место, с детства предназначенное для работы, сна, одиноких мыслей, утратило свое предназначение. Он включил проигрыватель. На первом попавшемся диске был блюз.

— Это «Little lady?» — спросила Даниэла.

— Да.

— Мне очень нравится.

— А мне не особенно!

Даниэла наклонила голову и стала танцевать, одна, посреди комнаты. Она кружилась, приподнимала одно плечо, затем другое, переминалась с ноги на ногу, покачивала бедрами, задевала мимоходом Даниэля. Он подумал, что мужчине очень трудно достойно или просто умно вести себя перед девушкой, которая раскачивается под музыку. Опустив руки, нахмурив лоб, он добродушно улыбался и ждал, когда представление закончится. Затем он показал ей свой доклад о санитарном образовании в Кот-д’Ивуар. Вдруг Даниэла бросилась ему на шею и протянула губы. Он обхватил ее, прижал к груди, пугаясь поднимавшейся в нем мужской силы. С ее стороны было безрассудством так провоцировать его. Еще немного, и он бы не удержался! Но он не имел права. Даниэла слишком молода, невинна, она сестра его приятеля Совло… Завладев ее губами, не сводя глаз с

рельефных форм ее тела, прижавшегося к нему, Даниэль с отчаянием думал, какое им обуревает желание и какая благородная у него душа. Его жизнь представилась ему стечением трагических обстоятельств: он был двадцать седьмым в классе по физике, предпоследним по математике (отец об этом еще не знал), занятия ему надоели, он провалил бы, конечно, свой экзамен на бакалавра, и он любил девушку, с которой не мог спать.

Она шептала со стоном:

— Даниэль! Даниэль!

Он ничего не говорил, борясь с искушением раздеть ее и овладеть ею. Он подтолкнул ее к кровати. Даниэла упала, он бросился на нее. Но она завертелась, как угорь, вывернулась и резко вспрыгнула.

— Нет, — воскликнула Даниэла. — Только не это!

Он тоже встал, злой на нее и недовольный собой.

— Вы, девчонки, очень смешные! — сказал он.

Во рту у него пересохло. Он закурил сигарету и начал — дикий зверь, великолепный и одинокий, — ходить взад и вперед перед Даниэлой, следившей за ним беспокойным взглядом.

— Ты сердишься?

Он смягчился: она ребенок!

— Да нет, — сказал он. — Только… вот… я тебя люблю… Тогда не надо играть… Иначе ты меня сделаешь чокнутым… Поняла?..

И он вспомнил о своих мужских опытах, о вдове лесничего, у которой были большие груди, о Катрин Ош, подружке Дебюкера, которая давала ему авансы и была готова переспать с кем угодно (но он не хотел, потому что был верен Даниэле!), о родах в больнице посреди джунглей. Негритянка с раздвинутыми ногами просто вопила. Врач обливался потом и вытирал лоб рукавом блузы. Ассистент лениво отгонял мух. Потом он представил свою мать, лежащую с мертвенно-бледным лицом, с большими кругами вокруг глаз. Они с Франсуазой видели ее вчера в клинике. Ив Мерсье в сотый раз повторял: «Что ты хочешь, милая? Этого не должно было случиться!» Цветы в смешной вазе, поставленные медсестрой. Писк новорожденных за перегородкой. Иллюстрированные журналы на стуле. Время шло медленно, они вздыхали, говорить было не о чем.

— Ты о чем думаешь? — спросила его Даниэла.

Она снова смотрелась в зеркало.

— Ни о чем особенно, — ответил он.

— Волосы мои никуда не годятся!

Он подошел к ней, обнял ее за талию и поцеловал в уголок рта.

— Видишь, ты сам начинаешь, — сказала она, отворачиваясь.

Она была теплой, нежной, ему хотелось заплакать, выгнать ее, побить.

— Пошли отсюда! — предложил он.

— Уже?

— Так будет лучше. Дождя уже нет…

Даниэла скорчила гримасу, одновременно забавную и обиженную. Он посмотрел, как она надела пальто, взяла тетради, учебники — те же, что и у него, за прошлый год: «Естествознание» и «Курс алгебры». Минуя прихожую, бросила через приоткрытую дверь взгляд в гостиную:

— Как у тебя красиво!

Во дворе они столкнулись с Кароль, которая парковала машину. Поскольку дело это было непростое, Даниэлю не оставалось ничего другого, как подсказать ей:

— Рули направо… Теперь налево… Давай… езжай, езжай…

Затем он представил ей Даниэлу. Кароль одарила девушку благосклонной улыбкой и удалилась — тонкая, легкая, в леопардовом манто, пятнышки которого подплясывали вокруг нее.

— Она по-тря-сающая! — заключила Даниэла.

— Может быть, — буркнул Даниэль. — Но с тех пор как я ее знаю, я уже этого не замечаю.

— Очень приятно услышать то, что ты сейчас сказал!

— При чем тут это?

— Значит, через какое-то время меня тоже ты так узнаешь, что уже не будешь замечать!

— Ты и вправду свихнулась!

И внезапно она вызвала у него раздражение правами, которые, как она считала, у нее на него были. Они шли по мокрой и узкой улице, время от времени соприкасаясь руками. Даниэла жила на улице Бурдонне, рядом с Военной школой. Они вышли на бульвар Сен-Жермен. Деревья стояли голые. Было холодно, сыро. Машины двигались медленно. Даниэль думал про себя, что теряет с Даниэлой время. Он даже не показал ей свой доклад, фотографии… Это не та девушка, которая ему нужна. Если раньше он мог довольствоваться какой-нибудь недотрогой, годной только для того, чтобы возбудить его, а затем удалиться, то теперь ему необходимо более полноценное удовольствие. Пожалуй, Катрин Ош, подружка Дебюкера, со своим куньим лицом и тонкими руками, подошла бы ему больше, чем Даниэла, хотя бы потому, что, по крайней мере, действовала напрямую. Увидеть бы ее снова и переспать. Или найти проститутку. Но так продолжаться не может. Ничего удивительного, что у него неважные успехи в учебе, при таком наваждении, которое просто раздирает. Ему нужно закончить задание по алгебре, подготовиться к контрольной по географии, а он таскается по улице с этой девчонкой, которая ничего ему не дает. Когда они подошли к пересечению бульвара Сен-Жермен с бульваром Распай, Даниэль вдруг остановился:

— Ладно, я тебя оставляю!

— Что это с тобой? Ты не проводишь меня до дома?

— Нет, у меня много дел.

— Ты скотина!

— Тебе же отсюда недалеко!

Она бросила на него мстительный взгляд:

— Дело не в расстоянии!

— А в чем же?

— Ни в чем! Ты слишком глуп, Даниэль!

Он засмеялся:

— Не злись! Ну иди, до свидания!

Он развернулся и, сунув руки в карманы, зашагал своей дорогой. Придя домой, заперся в комнате, решив заниматься. «Дело Даниэлы» закрыто. Теперь голова у него свободна. Не настолько, однако, чтобы интересоваться вариациями функции $y=f(x)$. Никогда, наверное, у него не хватит упорства проглотить всю эту математику. К тому же Даниэль уже и не знал, к какой профессии себя готовить. В прошлом году он хотел стать инженером или ветеринаром. И то и другое желание у него отпало. Зато он был очень увлечен составлением отчета об экспедиции в Кот-д'Ивуар! Значит, журналист? Почему бы и нет? Если к кабинетным писателям-романистам или тем, что рассказывают, не сдвинувшись с места, вымышленные истории, он испытывал лишь небольшое уважение, то репортерами, неутомимыми искателями авантюр, восхищался и завидовал им. Везде, где что-то приключалось, они тут же оказывались со своей камерой и блокнотом. Зачем тогда заниматься математикой? Значит, ему нужен философский класс. А потом Школа журналистики. Правда, у него плохой стиль изложения, да и орфография весьма приблизительная. Ну что же: он будет приносить информацию, а другие добавлять к ней соуса. Однако! Как всегда, он забыл о препятствии и видел только финиш. Сначала экзамен на бакалавра с его обработкой.

«Мне это противно!.. Мне это осточертело!..» Даниэль скулил вполголоса, глядя на взаимозаменяемые формулы. Переходя к уравнениям, он вспомнил о Даниэле в ее розовом свитере, облегающем грудь, с мокрыми волосами, мягкой улыбкой. Не слишком ли он был с ней резок? Еще немного, и она бы, наверное, расплакалась, когда он бросил ее на тротуаре. Но это было неизбежно. Он обязан был порвать с ней. Ведь и у него самого это вызвало мимолетную грусть. Даниэль закурил. Дым был и в душе у него, и вокруг — легкий, серый, рассеивающийся. «Она думает, что я из мрамора! Бедная крошка! Если бы она знала!.. Знак квадратного трехчлена всегда совпадает со знаком коэффициента при старшей степени трехчлена, если у него отсутствуют корни… Как было бы кстати!.. Если квадратный трехчлен имеет корни, то при значении переменных из интервала между корнями знак трехчлена противоположен знаку коэффициента при старшей его степени… А любовь, жизнь — это не в счет?.. Графики взаимно обратных функций в декартовой системе координат симметричны относительно биссектрисы первой и третьей четверти…»

Мерседес постучала в дверь: ужин подан. Еще один ужин!.. Ну, и что же теперь? К чему все это приведет? Он встал, мрачный, разочарованный, и направился, шаркая ногами, в гостиную. Отец, Кароль, Франсуаза уже были там как обычно. Перед тем как усесться за стол, Кароль заметила:

— Кстати, эта девочка, которую ты мне представил, очаровательна…

— Ты находишь? — буркнул Даниэль с недовольным видом.

И его охватило такое счастье, что он сам изумился: с чего бы это?

IX

Чтобы оживить последнее занятие перед каникулами, Козлов читал вслух по-русски очень смешной рассказ Чехова и помогал своим ученикам перевести его. Франсуазе Козлов показался в этот день особенно блистательным. Его объяснения отличались глубиной, а остроты вызывали смех. После окончания занятия маленький эскорт студентов сопроводил его до выхода. Франсуаза нервничала, не решаясь подойти к нему. Внезапно он повернулся к ней и сказал:

— Мне нужно зайти к своему издателю. Это в двух шагах отсюда, на рю де л’Эпрон. Не хотите пойти со мной?

— Да, — прошептала Франсуаза.

Они обогнали девушек, посмотревших на них с озадаченным видом, и вышли на улицу. Козлов нес под мышкой черный портфель. Всю дорогу он рассказывал Франсуазе о работе, которую собирался отдать в печать: рассказы Толстого, некоторые из которых еще не издавались на французском языке. Она с увлечением слушала его, гордая тем, что он оказывает ей доверие.

— Подождите меня здесь, — сказал он. — Я на пять минут.

Франсуаза проследила глазами, как он вошел в серый низкий дом, зажатый между двумя большими зданиями. На двери висела табличка «Издательство Шевалье-Виньара». На витрине, выходящей на улицу, были разложены последние издания: философские трактаты, мемуары политических деятелей, переводы русских авторов. Кто покупает эти серьезные вещи? Книги были переложены еловыми ветками, серебряными цепями и разноцветными стеклянными шарами; к стеклу витрины, имитируя снег, было приклеено несколько хлопьев ваты. «Дарите книги!» — призывал с плаката краснолицый Дед-Мороз.

Каникулы начинались через три дня. Вся семья опять разъезжалась: Даниэль уедет в Ла-Клюза с группой приятелей, Жан-Марк — в Шантийи, где у родителей Валерии де Шарнере был загородный дом, Кароль — на Капри с Олимпией и Брижитт, а сама Франсуаза в Тук, куда ее звала Маду. С недавнего времени у нее сложилось впечатление, что она живет в стороне от других, в мире, где нет ничего прочного, надежного, решенного, где все может измениться при малейшем дуновении ветра. Ее планы были просты и малоинтересны, будущее предвещало бесцветное благоразумие. Она прошлась туда-сюда по улице. Холодный ветер хлестал по ногам. Группа подростков прошла мимо нее, поддавая друг другу кулаками и громко смеясь. В десятый раз она перечитывала названия выставленных книг. Появился Козлов.

— Вы быстро! — сказала она.

Он объяснил ей:

— К сожалению, Шевалье-Виньара еще нет. Его секретарша утверждает, что он не задержится. Не осмелюсь вам предложить подождать со мной…

— О, вы знаете, мне нечего особенно делать…

— Тогда пойдемте! Там внутри нам будет удобнее.

Они прошли через комнату, загроможденную стопками книг, где три машинистки печатали на машинках, и оказались в коридоре с гладкими стенами, выкрашенными в бутылочно-зеленый цвет. Четыре стула стояли в ряд. Это была комната ожидания. К счастью, пустая. Они сели. Прямо напротив них возвышался огромный, тоже выкрашенный в бутылочно-зеленый цвет, радиатор, десять нагревательных элементов которого давали сухое тепло. Радиатор был для коридора явно велик. На потолке висела голая лампочка. Окна не было. Козлов положил портфель себе на колени. Франсуаза смотрела на эти бледные и

жилистые мужские руки, выделявшиеся на фоне черной, потертой кожи портфеля. Ногти на руках были ухожены, но выступающие на сантиметр манжеты рубашки обтрепались по краям. Она опустила глаза. Его туфли были плохо начищены. Он прошептал:

— Какое мрачное место!

Франсуаза подумала, что это замечание несправедливо. Они расположились здесь, как в вагоне, словно собирались в путешествие; ей даже казалось, что своим позвоночником она ощущает покачивание поезда. Внезапно ее охватила какая-то безудержная веселость. Подталкиваемая неизбежной необходимостью, она сказала:

— Представьте, что из-за вас со мной недавно произошло нечто необычайное!

— Из-за меня?

— Да! Отец узнал, что несколько раз после занятий я ходила с вами в кафе выпить вина. Он, никогда не интересовавшийся, как я провожу время, вдруг почувствовал на себе ответственность главы семейства. Разозлился, отчитал меня, словно маленькую девочку, обозвал вас по-всякому!..

— Только потому, что вы ходили со мной?

— Потому что я продолжаю встречаться с вами после того, что произошло!

— А! Он в курсе…

— Да.

— Черт! — воскликнул Козлов, комически подняв брови, с видом беспокойства. — Надеюсь, вы встали на мою защиту!

— Разумеется!

— Что вы ему ответили?

Она вздрогнула, удивившись тому, что тремя репликами преодолела такой длинный путь. Теперь уж прятаться, отступать стало невозможно. Разные мысли теснились у нее в голове. Она укрылась молчанием.

— Что? — спросил он. — Я задал вам вопрос. Что вы ответили своему отцу?

— Это не имеет значения, — прошептала она.

— Для вас, может быть, но не для меня. Мне нужно знать, что вы обо мне думаете, Франсуаза?

Она покачала головой.

— Я ему сказала то, что… то, что… мне пришлось ему сказать…

— И вы его не убедили?

— Не вполне.

— Все же он не запретил вам продолжать занятия русским языком?

— Нет… точнее, не то чтобы запретил…

— Но вы должны были пообещать ему больше со мной никуда не ходить!..

Она заколебалась:

— Я постаралась совершенно ничего ему не обещать!

— Как же в таком случае вы вышли из положения?

Она изворачивалась, а он не давал ей уйти. Ускользнуть от него было невозможно. Но так ли уж она не хотела, чтобы ее преследовали, догнали и добились признания? Оправдание, подброшенное ее сердцем рассудку! С широко раскрытыми глазами она погрузилась в пустоту. Бутылочно-зеленый радиатор занял все ее воображение.

— Я сказала отцу, что вы хотите на мне жениться, — прошептала она.

Козлов замер. Потом беззвучный смех исказил его лицо:

— Как? — пробормотал он. — Вы ему это сказали?

Он все еще смеялся, сощурившись, растянув в улыбке рот, выставив вперед костистый подбородок. Франсуаза тоже натянуто засмеялась.

— Разумеется, — продолжал он, — вы имели полное право так сказать, потому что я вам это предложил!

Она перестала смеяться. Как узнать, что он думает? Да и знает ли он это сам? Непредсказуемый, по его собственному признанию. С ним ничего нельзя было поделать! Она отдала бы все что угодно, чтобы этого разговора не было, чтобы она не приходила сюда.

— Моя маленькая Франсуаза… — начал Козлов.

В глубине коридора открылась дверь.

— Господин Шевалье-Виньар только что пришел, — сообщила секретарша.

Козлов поднялся со стула:

— Подождите меня, Франсуаза. — Я на пять минут.

Он проследовал за секретаршей. Дверь закрылась. Франсуаза осталась одна в зеленой коробке с громадным радиатором в качестве единственного собеседника. Ее первой мыслью было уйти. Но ею овладела какая-то сладкая инертность. Ее мышцы расслабились, мозг напряженно работал. Она не собиралась бежать, как тогда! Если она вообще уклонится от всех объяснений, все кончится тем, что он станет ее презирать. А ей все же хотелось сохранить его уважение. Этот радиатор был ужасен. Органные трубы, покрашенные в зеленый цвет. И какая жара! Она задыхалась. Окна не было. На улице, наверное, начинает темнеть. Проехал громадный фургон, от которого затряслись стены. Франсуаза вспомнила, как однажды, когда отец вел машину, какой-то фургон для перевозки мебели загораживал дорогу, ведущую в Бромей. Гигантский грузовик с двойными колесами, с огнями, загоравшимися то справа, то слева, с названием предприятия на табличке «Жобуж (Департамент Луаре)». Почему она об этом подумала? Грузовик раскачивался, тормозил на поворотах, не давал проехать. Наконец, резко рванув вперед, они его обогнали. Каким счастьем было увидеть перед собой свободное пространство! Скоро она испытает такое же чувство облегчения! Но время шло, Козлов не возвращался. Мало-помалу она теряла уверенность и желание его ждать. Резкий свет электрической лампочки утомлял глаза. Наконец он снова появился перед ней — решительная походка, насмешливые глаза, свободный плащ и черная прядь волос на лбу. Портфель у него заметно уменьшился в объеме. Он вздохнул:

— Уф! Не очень долго? Отец Шевалье-Виньар не переставая рассказывал о своих проектах. Впрочем, я ничего не слышал!

— Почему?

— Потому что я думал о том, что вы мне сказали!

Он вывел ее на улицу. Уже спустились сумерки, густые и холодные. Вокруг зажженных уличных фонарей дрожала светящаяся дымка. Витрины магазинов бросали яркий свет под ноги прохожим. Франсуаза видела слева от себя жесткое лицо Александра.

— Думаю, ваш отец взорвался на месте, когда вы ему сказали о браке, — вернулся он к разговору. — Разница в возрасте, ситуация без будущего — все, наверное, было упомянуто!

Она солгала:

— Нет. Просто он был настроен скептически.

— В отношении чего?

— В отношении моих шансов на счастье с вами.

— Но он же меня не знает!

— У него есть о вас представление как о человеке.

— Как о плохом человеке, в этом я уверен! А вы, Франсуаза, настроены скептически?

Она не ответила. Он остановился и обеими руками взял ее за плечи, чтобы заставить смотреть на него. Подняв голову, она встретила его взгляд, направленный ей прямо в глаза. Это был дерзкий и радостный взгляд, взгляд игрока.

— Почему бы не попытаться?

— Попытаться? — повторила она едва слышно.

— Да. Может быть, мы двое создадим необыкновенный союз!

— Вы так не думаете…

— Да нет, думаю!.. Или, скорее, я снова так думаю!.. Сколько раз нужно предлагать вам выйти за меня замуж, чтобы вы мне поверили?

Он пригнулся из-за своего высокого роста. Светящаяся витрина магазина холодильников резко освещала часть его лица в три четверти — щеку и уголок блестящего глаза. Франсуаза каким-то совершенно неопровержимым образом чувствовала, что все то, что она делала, все, что говорила до этой минуты, имело целью услышать от него именно те слова, которые она услышала. Собственная хитрость удивила ее как проявление второй натуры. После стольких колебаний она чувствовала себя торжествующей и признательной, подобно паралитику, вновь обретающему пользу от своих ног. Счастье, пронизывающее ее, было пугающим, почти волшебным.

— Ну, так да?.. Или нет? — спросил он.

— Да, — ответила она.

Зажав портфель под мышкой, Александр взял обе руки Франсуазы и одну за другой протянул их к губам. Она подумала, что он собирается целовать ее прямо на улице, но он прошептал:

— А сейчас возвращайтесь домой! Уже половина восьмого. Я хотел бы вас проводить, но не могу… У меня дела, там!..

Движением подбородка он указал на освещенное бистро на другой стороне улицы. Смутившись, она посмотрела на него как на чужого. Он что, опять смеется над ней? Ей захотелось спросить его, когда они снова увидятся, на какое число он

думает назначить свадьбу. Но остаток гордости помешал ей задавать эти вопросы. Едва она успела подумать, что завладела им, как он выскальзывает у нее из рук. Нет, это не человек, а какое-то гибридное существо, гибкое, многоликое, противоречивое.

— Франсуаза, маленькая моя, я очень счастлив, — сказал он. — Я вас люблю.

И, даже не сказав «до свидания», перебегая между машинами, он пересек бульвар Сен-Жермен, мелькая своими длинными ногами и развевающимися по ветру волосами. Мгновение спустя он уже растворился в толпе. Ничего как бы и не произошло между ними. Эта радость, которую она пока еще смутно ощущала, корнями своими уходила в мечту.

Вернувшись домой, Франсуаза застала Кароль и отца в гостиной. Конечно, ей снова сейчас будут выговаривать за опоздание? Она уже приготовилась к очередной вспышке. Но лицо у отца было спокойным. Он сообщил ей:

— Мне только что звонил господин Козлов. Он будет у нас завтра в шесть часов.

X

Уже по предварительным пассам Козлов понял, что партия обещает быть куда занимательней, чем он ожидал. Одно то, что он расположился в этой элегантной гостиной перед родителями, озабоченными будущим дочери, наполняло его удовлетворением. Сидевшая недалеко от него Франсуаза следила за этим решающим разговором с тревогой, скрыть которую никак не могла. Козлов пожалел ее и одарил взглядом, перехваченным девушкой с большой признательностью. За ней была розовая стена, какая-то мрачноватая картина, лампа с абажуром бананового цвета, и во всем этом ощущался академический, официальный стиль, вызывающий отвращение своим чувством меры и вкусом. Подали виски. Разумеется! Шампанское будет позднее, когда для всех он станет своим, когда можно будет поздравить его и друг друга! А пока было принято принципиальное решение о свадьбе, без уточнения деталей. Филипп Эглетьер ходил вокруг да около. Его мозг силился составить представление о будущем зяте. Своей ловкостью он восхищал Козлова.

— Еще немного виски? — спросила Кароль, беря у гостя из руки стакан.

Он согласился. Виски было хорошим. И маленькие кубики льда забавной геометрической формы.

— Мне — нет! — отказался Филипп, останавливая жену, которая собралась налить и ему. И, повернувшись к Козлову, добавил: — Франсуаза рассказывала нам о вашей работе в Институте восточных языков. Там действительно интересная ситуация?

«Вот мы и дошли до сути!» — подумал Козлов. И доставил себе удовольствие, разыграв наивность:

— В интеллектуальном плане очень интересная! Постоянный контакт с молодежью, глубокий подход к великим произведениям русской литературы…

— Я имею в виду в финансовом плане, — пробормотал Филипп.

— Нет, — признал Козлов. — Но я, в общем, не жалуюсь. Располагая этой работой и моими переводами, я всегда выкручусь.

— Даже когда вы будете не один?

— Безусловно!

— Среди моих клиентов есть два крупных акционера «Издательства Шевалье-Виньара». Если вы хотите получить какую-то постоянную и хорошо оплачиваемую должность в этом издательском доме, я мог бы…

Козлов остановил его, выбросив вперед раскрытую ладонь, будто пытался защититься от лобового удара быка:

— Ни в коем случае!.. Я дорожу своей независимостью. Надо жить с постоянной возможностью терять свое время, уделять внимание вещам, которые не приносят никакой выгоды, пренебрегать правилами и принципами. Денег нам всегда будет достаточно, не правда ли, Франсуаза?

Франсуаза сияла, между тем как у Филиппа черты лица напряглись. «Он боится, — решил Козлов. — Он еще размышляет, стоит ли отдавать мне свою дочь! Как увлекательно!» Кароль дипломатично вмешалась:

— Я считаю, что Франсуаза выше всех этих материальных вопросов!

Козлов улыбнулся ей: «Эта — наша союзница. Она даже помогает нам. Почему бы это?» Привыкшему к молодым и открытым лицам, позволяющим легко разгадать себя, ему не удавалось определить нрав этой женщины, защищенной не

подлежащими оглашению условностями. В ней все было вымерено, высчитано, грациозно, однако она наводила на мысль о насилии и об одержимости. Муж, тот был куда естественнее. Деловой человек и жуир. Это бросалось в глаза. В какой-то момент он поперхнулся подрывными речами будущего зятя, который придавал деньгам мало значения. Теперь же снова ринулся в бой:

— Где вы рассчитываете жить после свадьбы?

— У меня. Квартира моя вполне пристойна.

— В каком районе?

— На рю дю Бак.

— О, это в двух шагах! — с радостью воскликнула Кароль. Потом, повернувшись к Франсуазе, шепнула: — А что вы решили насчет даты, моя дорогая?

— Насчет даты? — переспросил Козлов, высоко подняв брови.

— Да. Когда вы рассчитываете пожениться?

Козлов посмотрел на Франсуазу: она трепетала.

— Чем раньше, тем лучше, мне кажется, — сказал он. А сам подумал: «То, что я делаю — чистое безумие!»

У него закружилась голова от серьезности выбора. Возрождение или самоубийство. Несомненно, и то и другое вместе. Какая превосходная кухня! Этот брак встряхнет душу. Он нуждался в этом, иначе бы умер от скуки. И она, нежная, сияющая, и этот ее взгляд ягненка. В свои девятнадцать, свои пятнадцать, свои восемь сидит перед троими взрослыми, которые обсуждают ее будущее.

— Требуется время, чтобы все подготовить, напечатать приглашения, так что, думаю, раньше февраля не стоит планировать, — сказал Филипп.

— Февраль — это замечательно, — согласился Александр.

Филипп поглубже уселся в кресло и положил ногу на ногу. Но плечи оставались расправленными. Козлов понял, что тот готовится сделать какой-то вираж.

— Есть еще один деликатный вопрос, который мне хотелось бы обсудить с вами, — сказал Филипп. — Думаю, вы не будете ничего иметь против, если я со своим нотариусом оформлю контракт о разделе имущества, который защитит как ваши интересы, так и интересы моей дочери. В наше время необходимо, чтобы каждый из супругов располагал полной свободой маневра в том, что касается его личного состояния. Во всяком случае, я считаю…

Он нанизывал готовые штампы, и Козлов одобрял их, отчетливо кивая подбородком. Еще и нотариус! Это было великолепно! Франсуаза, похоже, терпела страшные муки. Она слишком хорошо знала Козлова, чтобы не догадываться о его мыслях. Непроизвольно она покраснела и пролепетала:

— Прошу тебя, папа, ничего не делать с нотариусом. Ни у Александра, ни у меня нет личного состояния и…

— Это принципиальный вопрос! — сухо сказал Филипп.

— Ваш отец совершенно прав! — превзошел всех Козлов.

Он едва сдерживался от смеха. Филипп адресовал ему, как мужчина мужчине, полный благодарности взгляд. Затем, закрепив этот первый успех, продолжал важным и густым, словно намазанным маслом, голосом:

— Франсуаза, конечно, сказала вам, что хотела бы — что совершенно естественно

— сочетаться церковным браком?..

— Она мне пока еще ничего не говорила, но это само собой разумеется! — ответил Козлов с нарастающим восхищением.

После нотариуса — кюре! Эта последовательность неизбежна! Было даже некоторое величие в этом мещанском вздоре.

— Полагаю, вы православный? — спросил Филипп.

— Не имеет значения! Я перейду в католичество, если понадобится.

— Я не думаю, чтобы это было необходимо, — робко прошептала Франсуаза.

— Ты узнаешь у кюре в церкви Сен-Жермен-де-Пре, дорогая, — вмешалась Кароль.

— Ну да, мы сходим вместе! — поддержал Козлов.

Он ликовал, готовый к любому маскараду… Подумать только, а еще водятся люди, которым скучно в жизни. Достаточно выбиться из своей колеи, чтобы открыть для себя новый мир. «Я у папуасов!» — заключил он со злобной радостью. И его любовь к Франсуазе росла, разгоралась, как пламя на ветру. Кароль предложила еще виски. Он даже не заметил, что выпил уже второй стакан. «Если не откажусь от третьего, скажут, что у меня слабость к спиртному».

— С удовольствием, — ответил он.

Кароль налила виски, добавила содовой воды, подхватила щипчиками кусочки льда. Филипп расслабился, довольный тем, что от начала до конца откровенно и с пользой провел беседу. Он позволил себе тоже налить немного виски, но от воды отказался. Говорить вдруг стало не о чем. Они улыбались друг другу, как покупатель и продавец, заключившие сделку. Одна лишь Франсуаза ощущала себя на небесах. Козлов поднял стакан, глядя на нее. Минуту назад она впервые назвала его по имени.

Хлопнула одна дверь, затем другая. В гостиную вошел парень, нескладный, светловолосый, обросший, резкий в движениях.

— А вот и Даниэль, наш исследователь!

Они пожали друг другу руки. Речь затем зашла о Жан-Марке, о тете Маду… Так промелькнул весь клан Эглетьеров. Козлов отметил про себя, что вот уже несколько минут забавлялся меньше. Он съел миндальный орешек, допил свое виски и встал, чтобы откланяться. Кароль сказала ему:

— Не придете ли завтра отужинать?

Подгоняемый любопытством, Жан-Марк торопливо шел по рю Бонапарт. Что означала записка Франсуазы, которую он обнаружил под дверью, возвратившись с занятий? «Ты обязательно должен прийти сегодня вчером домой на ужин. Я сообщу тебе большую, очень большую новость!» Он подумал, что если придет в семь часов, то у него как раз будет время поговорить с ней с глазу на глаз. Но дома Мерседес сообщила ему, что мадемуазель еще не вернулась. В этот самый момент открылась дверь кабинета:

— Жан-Марк, это ты? Иди скорее сюда.

Отец и Кароль сидели там, улыбаясь, в окружении старых книг.

— Ты знаешь новость? — спросил Филипп. — Франсуаза выходит замуж.

Словно оглушенный ударом, Жан-Марк прошептал:

— За кого?

— За своего преподавателя русского языка Александра Козлова.

Изумление Жан-Марка сменилось приступом такого сильного гнева, что он почувствовал, как у него слабеют руки и начинают дрожать губы.

— Это невозможно! — закричал он. — Вы этого не допустите.

— Почему? — спросил отец с раздражением.

— Потому что этот тип слишком стар для нее!.. Потому что у него нет ни гроша!.. Потому что он неизвестно откуда родом!..

Филипп усмехнулся:

— Ты упрекаешь его в том, что он русский? Вот уж не думал, что ты так узко мыслишь!

— Я упрекаю его в том, что он являет собой полную противоположность человека, который нужен Франсуазе в мужья! С ним она может быть только несчастна! Он любитель парадоксов, он смеется надо всем, что она уважает, он погряз в грехах…

— Откуда ты знаешь?

— Достаточно на него взглянуть!

— Ты часто его видел?

— Один-единственный раз, но мне этого хватило!

Филипп откинулся в своем кожаном кресле и направил на сына свет холодных зрачков:

— Мой дорогой Жан-Марк, я мог бы похвастаться своей способностью в ходе одного разговора быстро и безошибочно оценить достоинства и недостатки человека. Отчасти это даже моя профессия! Этот Козлов, конечно, не блестящая партия, но он умен, у него есть способности, и он любит твою сестру…

Жан-Марк слушал отца, но смотрел на Кароль. Небрежно сидя на уголке стола, она, казалось, была во всем согласна с мужем. Нет сомнения, что она была рада избавиться от Франсуазы и, больше того, обречь ее на несчастье. Потому что Кароль-то уж никак не могла искренне поверить в шансы этого брака. Она была слишком тонкой, слишком искушенной… Как она ни старалась скрыть свои эмоции, ее глаза выдавали испытываемое ею невероятное удовольствие. Внезапно у Жан-Марка возникло впечатление, что и отец его также не верит ни в одно из сказанных им слов. Это была гнусная комедия, которую оба разыгрывали, чтобы оправдать себя. Они походили на двух соучастников, совершивших преступление. Жан-Марк брезгливо пробормотал:

— Когда все это решилось?

— Вчера, — ответил Филипп. — И сегодня вечером Козлов будет у нас ужинать.

— Не рассчитывайте, что я появлюсь за столом! — сказал Жан-Марк прерывающимся голосом.

— Это почему же, скажи на милость? — спросила Кароль, высоко задрав нос, с пренебрежительной ухмылкой на губах.

— Потому что я не хочу делать вид, что одобряю эту темную сделку. То, что Франсуаза потеряла голову, я еще могу понять: она влюблена! Но то, что вы оба, вместо того чтобы удержать, подтолкнули ее к этой авантюре, — этого, извините, я уже не понимаю! — Он задыхался. Слезы застилали ему глаза. — Это

непорядочно! — добавил он. — Непорядочно! Если с ней что-нибудь произойдет, виноваты будете вы.

— Единственное, что с ней может произойти, так это ребенок! — сказала Кароль, смеясь.

Жан-Марк метнул на нее жесткий взгляд. Он ненавидел ее. Кароль уже оделась к ужину. На ней было темно-синее платье, которое ему особенно нравилось, с большим круглым декольте, открывающим верх груди.

— Хватит! — строго сказал Филипп. — Ты злишься из-за пустяков. Если у тебя не в порядке нервы, иди к себе и лечись. Нам не нужен за столом общественный обвинитель!

— Вот именно! До свидания! — ответил Жан-Марк.

Он стремительно вышел из кабинета, направился в холл и остановился в оцепенении, увидев, как перед ним открывается входная дверь. Навстречу ему вошла Франсуаза, а за ней — высокий, худой мужчина с горящим взглядом.

— А! Ты пришел! — воскликнула она, обнимая Жан-Марка. — Я боялась, что ты не найдешь мою записку или будешь занят сегодня вечером!.. Мой брат… Александр Козлов… Вообще-то, мне кажется, вы знакомы!

— Да, — пробормотал Жан-Марк.

— Ты знаешь, почему я просила тебя прийти?

— Да.

— Кто тебе сказал?

— Папа.

— Какая жалость! Мне так хотелось самой тебе об этом сообщить! — У нее в голосе было столько радости, в глазах столько света, что Жан-Марк со щемящим сердцем почувствовал, что не сможет уйти.

Мадлен сняла трубку и села — подкосились ноги. Телефонный звонок разбудил ее в час ночи. Переполненный негодованием, Жан-Марк даже не извинился за то, что звонит так поздно. Он задыхался там, на другом конце провода: «Нет, нет, я тебя уверяю… Я только что с ними ужинал дома… Франсуаза совершенно взвинчена!.. Ей ничего нельзя сказать… Что ты об этом думаешь?..» Что она об этом думала? Мадлен и сама не знала. Конечно, на первый взгляд Козлов… Он создавал впечатление силы и неуравновешенности, независимости и необычности. Беспокойный — для мужа! Мадлен закурила и выпустила перед собой дым. Было холодно: она убавила отопление на ночь. Но снова ложиться спать ей совсем не хотелось. Да и как тут заснешь после такой новости?

Она машинально запахнула на коленях полы халата. Съежившись, сидя на стуле около телефона, она поддалась гипнозу равномерно выстилающей пол кафельной плитки. Бедный Жан-Марк! Он потрясен! Позвонить должна была Франсуаза, а не он. Почему же она до сих пор не сделала этого? Слишком занята своим новым счастьем. Эта мысль огорчила Мадлен. Она уже не нужна, о ней забыли. Мадлен размышляла. «Нет, она позвонит завтра. И что я тогда скажу ей? В самом деле! Но я смогу ее только поздравить, пожелать многих радостей…» Франсуаза собиралась приехать в Тук на рождественские каникулы. Разумеется, она захочет привезти Александра. И Мадлен не сможет отказаться принять их, они же обручены. Принимала же она в свое время Патрика! Но Патрик был безобидный. Тогда как этот… Нет, они не приедут! Что им делать у старой тетки, надоедливой как дождь? Они останутся в Париже. Франсуазу она не увидит. Если только сама не поедет. Но

что она там найдет? Франсуаза слишком занята, чтобы с ней встречаться; Даниэль готовится ехать «в коллективе» на зимний спорт; Жан-Марк, наверное, проведет две недели в Шантийи, у Шарнере… Там опять что-то было. «Мой Жан-Марк немного сноб. Шарнере, похоже, оставили дом в распоряжении дочери. Там поселится целая компания молодежи. А потом удивляются, когда что-то происходит… Ладно, я отстала от жизни, мне сто лет! Провинция въелась мне в кожу. Если Франсуаза завтра не позвонит, я позвоню ей сама. Но в Париж не поеду. Даже если она меня об этом попросит!»

Сигарета обжигала ей пальцы. Она потушила ее в блюдце и закурила другую. Снова чужая жизнь пронизала ее со всех сторон, вытеснив собственную. Она принялась ходить взад и вперед перед камином, где под пеплом тлел догоравший огонь… Ее остановил легкий шум. В полумраке блестели глаза фенека. Напрасно прождав, что хозяйка вернется в спальную, Жюли спустилась по лестнице на несколько ступенек. Фредерика не стало на прошлой неделе. Как-то утром Мадлен нашла его совершенно окоченевшим, с оскаленными зубами, остекленевшими глазами на подушке, служившей ему постелью. Его испуганная подруга забилась в угол, подальше от трупика. Ветеринар не смог объяснить причины.

Жюли подошла к Мадлен, подметая плитку своим легким и пушистым хвостом. Мадлен взяла ее на руки, продолжая ходить взад и вперед. Нога у нее уже не болела. От перелома осталась лишь едва заметная хромота. Но она прибавила в весе еще три килограмма. «Нужно расставлять юбки! Какая глупость!» Теплое дыхание в шею мало-помалу рассеивало ее беспокойство. Франсуаза будет счастлива. Господь не допустит, чтобы было по-другому. И потом, не только это есть в жизни. Существует она, Мадлен! Ее дом, ее вещи, ее фенек! Она вдруг захотела стать эгоистичной, довольной, погрузилась в себя, и ей отозвались только молчание и холод осенней ночи. Это была ошибка Жан-Марка. Он разбудил ее, и теперь она уже не могла вернуться к своему обычному состоянию. Мадлен снова села, посадила на колени фенека, устремила взгляд в пустоту. Госпожа Козлова!.. «На месте Франсуазы я поступила бы так же», — подумала она вдруг.

XI

Трое уже прошли в порядке очереди за маленькую дверь с матовым стеклом.

— Потом мы, — прошептала Франсуаза, наклонившись к Козлову.

— Да, — сказал он.

— Надо же, как долго!

— Мне так не кажется.

Сидя рядом с ней, облокотившись спиной о стену, он слегка улыбался. Франсуазу смущала эта примитивная обстановка, то, как все было организовано. Серый и голый коридор. Деревянные скамьи, на которых, словно пришпиленные, сидели посетители — напряженные, молчаливые, угнетенные, словно в очереди к деревенскому дантисту. Ей еще не доводилось видеть аббата Ришо, нового викария церкви Сен-Жермен-де-Пре. Только бы это был широкомыслящий и приятный в общении священник! Всей душой ей хотелось, чтобы у Александра сложилось хорошее мнение о католической церкви при первом контакте с ней. У него такие странные взгляды на религию! Не удивительно ли уже то, что он согласился пойти сюда вместе с ней? Гудение голосов за дверью стало нарастать — аудиенция там явно заканчивалась. Прошло еще несколько секунд. Дверь открылась. Вышла пожилая женщина с красными глазами. Она шмыгала носом, сморкалась. Франсуаза и Александр прошли в дверь.

Аббат Ришо усадил их на стулья с плетеными сиденьями. Это был человек лет сорока, худой, высокий, лысеющий, с очень молодым взглядом на очень усталом лице. Франсуаза, мельком взглянувшая на него, еще когда он провожал своих посетителей, сразу же почувствовала к нему доверие. Комната, в которой он принимал, была маленькой, пыльной, плохо обставленной, с кипами бумаг на полу и наклеенными на стенах афишами, сообщавшими о душеспасительных приходских собраниях. Франсуаза, у которой от волнения перехватило горло, изложила свое дело. Она изъяснялась настолько тихо, что дважды аббат Ришо попросил ее говорить погромче.

— Не понимаю, что вас беспокоит, дитя мое, — сказал он наконец. — Вы из этого прихода, ваши родители согласны…

— Религия моего будущего мужа, — пролепетала она.

— Да, — вступил в разговор Александр, — то, что я православный, полагаю, усложнит дело. Если необходимо, я мог бы обратиться в католичество.

Франсуаза искоса посмотрела на него. Идея этого обращения, похоже, невероятно развлекала его. Он улыбался, наблюдая за священником.

— Я не вижу необходимости возобновления крестильного обета, — ответил аббат Ришо. — Наши религии слишком близки!

— Но в таком случае вы будете нас венчать в ризнице, а не в церкви! — заметил Александр.

— Все изменилось, месье! Я обвенчаю вас в церкви. И даже рекомендовал бы вам, в духе последнего Собора, продолжать посещать богослужения вашего обряда и приводить в свою церковь жену всякий раз, как она пожелает, ровно как и ей приводить вас сюда, когда вы выразите такое желание. Союз двух ваших жизней предвосхитит союз двух духовных доктрин, к которым вы принадлежите. Я бы более строго подходил к недостаточно убежденному православному, который согласен стать католиком из одного лишь оппортунизма, нежели к православному, искренне приверженному к своему культу и отказывающемуся поменять его. Так что с вами, я думаю, все обстоит благополучно.

— Ну, я вздохнул спокойно! — сказал Александр с иронией, которую могла уловить только Франсуаза. И он добавил небрежно: — Стало быть, ограничений для таких браков, как наш, не существует?

— Нет, вы только должны будете испросить у себя в епархии разрешение на смешанный брак и вместе с тем дать обязательство в этом случае окрестить и воспитывать своих детей в католической вере.

В глазах Александра сверкнуло злорадство, как если бы он задел слабое место противника.

— Это мелочь! — заметил аббат Ришо. — Вот формуляр, который вам следует заполнить.

Он протянул ему бланк со штампом Парижского архиепископства. Франсуаза наклонилась к Александру и посмотрела на бумагу. С одного края значилась просьба викария к православному епископу, с другого — обязательства «католической стороны» и «некатолической стороны».

«Я даю свое согласие на то, что все мои дети, мальчики и девочки, которые родятся от нашего будущего брака, будут крещены и воспитаны в Католической, Апостольской и Римской религии, — читал Александр вполголоса. — Я намерен заключить перед католическим священником нерасторжимый союз и категорически отвергаю любой развод (для мусульман и полигамию). Имя и адрес первого свидетеля… имя и адрес второго свидетеля».

— Разрешение выдается епископом беспрепятственно, — сказал аббат Ришо. — Речь идет о простой формальности.

Франсуаза удивлялась возбуждению Александра перед этим доказательством — наконец-то полученным! — католической непреклонности. Саркастичность, которую он скрывал из-за нее, придавала его лицу выражение дотошности. Почему он не хотел положиться без колебаний на волю этого священника, настроенного к нему столь дружелюбно?

— Естественно, отец мой, — сказал он с фальшивой серьезностью, — что католическая церковь стремится вовлечь в свое лоно если не супруга-некатолика, то, по крайней мере, его потомство. Обратите при этом внимание, что православная церковь, более широкомыслящая, оставляет родителям полную свободу — крестить ли своих детей католиками, православными или протестантами. Несомненно, такая терпимость объясняется тем фактом, что мы имеем дело с эмигрантской церковью, ущемленной в своем мирском влиянии. Итак, условились, наши дети будут католиками!

Слушая, как он говорит об их детях, Франсуаза ощутила большое волнение. Он не мог шутить на эту тему. Напрасно она считала, что он всегда расположен к насмешкам и осуждению.

— Зайдите ко мне снова, когда наметите дату вашего бракосочетания, — сказал аббат Ришо.

— Мы думаем пожениться в феврале, — быстро сказала Франсуаза.

— На февраль нет запрета? — спросил Александр.

— Нет, — сказал аббат Ришо, улыбаясь. — Просто я попрошу у вас, месье, если можно, свидетельство о крещении, а у вас, мадемуазель, свидетельство о крещении, о первом причастии, о конфирмации и записку об исповеди.

Пока он это перечислял, Франсуаза опять уловила во взгляде у Александра легкую иронию.

— А как насчет музыкальной программы? — перебил он.

— Мы вместе ее выберем, в свое время, — сказал аббат Ришо. — Или, скорее всего, вы поговорите об этом с нашим органистом…

— В любом случае, — прошептала Франсуаза, — все будет очень скромно.

— Успокойтесь, здесь не существует тридцати шести обрядов венчания. Таинство для всех одинаково. То, что отличает одну церемонию от другой, так это выбор цветов и певчих. Вы сделаете это, как захотите…

Аббат Ришо встал. Беседа была закончена. В коридоре его ждали другие посетители с, несомненно, более интересными историями. Вместо того чтобы открыть дверь, выходящую прямо на улицу де л’Абей, Франсуазе захотелось пройти через церковь. Она испытывала физическую потребность ощутить на своих плечах сень и прохладу нефа. Уже наступил вечер. Несколько светящихся точек освещали просторный, безмолвный неф. Редкие прихожане, чьи силуэты потерялись в этом необъятном пространстве, молились, опустив голову. Франсуаза проскользнула между скамеек, преклонила колени и погрузилась в молитву. Александр остался стоять рядом с ней, скрестив руки. Она попыталась возвыситься, чтобы просить у Господа защиты на том пути, который выбрала. Но присутствие Александра мешало ей отвлечься.

Она встала и направилась к выходу. Александр пошел за ней, как турист, скользя взглядом по сводам, витражам, росписям. Паперть была погружена в сумрак. Напротив сверкали мирские огни бистро.

— Ну вот, — сказала она, — это было для вас не слишком тягостно?

— Наоборот! Он превосходен, этот аббат Ришо! Современный, понимающий, прямой…

— То, что он сказал об объединении церквей, прекрасно!

— Он следует указаниям свыше!

— О нет! Он действительно говорит от сердца! У вас не возникло впечатления, когда вы слушали его, что…

— До каких пор ты будешь мне выкать?

Она улыбнулась и поправилась, сделав усилие:

— У тебя не возникло впечатления, когда ты слушал его, что он был счастлив освятить брак между православным и католичкой?

— В общем-то, нет! Это говорит о том, я уверен, что в нужный момент он очень хорошо сделает свое маленькое дело. Пойдем в «Дё Маго», выпьем по стаканчику вина?

— Лучше дома, — сказала она.

Они перешли на рю Бонапарт.

— Нужно, чтобы ты отвел меня в православную церковь, — заговорила она.

— Потому что он порекомендовал это в своем экуменическом благодушии?

— Нет, потому что, когда я была там единственный раз, меня поразило богослужение, церковное пение.

— Это-то и воздействует! Убрать пение, убрать обряд богослужения — что останется от власти христианства над душами? Как раз вся эта художественная и административная часть религии меня и раздражает. Для многих людей жить по законам церкви — значит застраховаться на все случаи жизни против парадоксов человеческого мышления! — Он засмеялся: — Я говорю не о тебе!

— Я не умнее других!

— У тебя душа более открытая. Это-то мне в тебе и нравится. В сущности, ты знаешь, у меня нет других желаний, кроме как ошибаться. Я не упрям. Дай мне твоего Бога и пусть он меня дурачит!

— О! Что тебе сказать о моем Боге? В нем нет ничего необычного!.. Он есть, вот и все!

— Браво! От него только этого и ждут: чтобы он был понятием в глубине души, в смысле силы тяготения или направления. Но священники захотели все разъяснить, все кодифицировать. Они расчистили дивную территорию. Понаставляли плакатов: по газонам не ходить, свалки запрещены, движение одностороннее, просьба держать собак на поводке. И чудесный девственный лес превратился в пригородный сквер, где собираются рантье, чтобы погреть на солнышке свои старые кости, и дети, чтобы поиграть в мяч…

Пыл этой дискуссии не вызвал протеста у Франсуазы. Она предпочитала его той холодной иронии, к которой Александр нередко прибегал, говоря о религии. К тому же, когда он горячился, в его голосе чувствовался какой-то живой трепет, который проникал ей глубоко в душу.

Придя домой, она усадила его в гостиной и подала виски. Он не скрывал своего пристрастия к этому напитку. Франсуаза радостно улыбалась, глядя, как он вертит стакан в руке. После отъезда Кароль на Капри, а Даниэля в Ла-Клюза она осталась в доме вдвоем с отцом. Сегодня вечером она опять будет ужинать с ним наедине. У нее было ощущение, что сейчас, когда она обручена, отец стал снова проявлять к ней больше внимания. Даже больше нежности. Как если бы она, вопреки всякому ожиданию, успешно сдала какой-нибудь экзамен.

Пробило семь часов. Появился Филипп. Они перебросились несколькими словами с Александром, выкурив по сигарете. Ей нравилось смотреть, как они сидят друг против друга; это были двое главных мужчин в ее жизни. Завтра она должна представить Александра своей матери и отчиму. Вот это будет менее приятно. У Александра такая склонность все подвергать критике! «Лишь бы мама не вспоминала о своем мертворожденном ребенке и не принималась плакать, желая нам счастья. Уже по телефону, когда я сообщила ей о помолвке, она разрыдалась. Она стала такой нервной после неудачных родов!»

Александр налил себе второй стакан виски, поднес его к глазам и посмотрел на свет.

— А ты будешь продолжать заниматься русским языком, когда станешь госпожой Козловой? — спросил он.

— Конечно! Я очень хочу получить диплом, найти работу…

— Ты, как и твой отец, боишься, что для двоих я зарабатываю недостаточно?

— Нет, но я тоже хочу вносить свой вклад в общий бюджет, чувствовать себя полезной…

— Мне покажется занятным преподавать собственной жене!

— Я перейду в группу к другому ассистенту.

— Тогда я буду ревновать!

— Ты?

Она рассмеялась.

— Ну да, я! Ты считаешь, что я на это не способен? — Он поймал ее руку и поднес ладошку к губам.

В гостиную вошел Филипп. Франсуаза отпрянула: она не слышала, как открылась дверь. Немного смущенная, она отошла от Александра и предложила отцу выпить вместе с ними виски. Но он отказался, поскольку очень спешил. И потом, он не будет ужинать дома. Ее искренне огорчила эта неожиданность. Сказав с рассеянным видом, словно уплатив дорожную пошлину, несколько дежурных фраз, Филипп прошел в свою комнату переодеться. Через двадцать минут он появился снова, в костюме цвета антрацита в тонкую синюю полоску, который дочь у него еще не видела. Очевидно, — слишком очевидно, на взгляд Франсуазы, — отец встречался с какой-то женщиной. Кароль, со своей стороны, тоже, наверно, на Капри времени даром не теряет! Филипп поцеловал дочь в лоб, пожал руку Александру и ускользнул, загадочный и бравый, с легкостью, которую возраст делал удручающей. В гостиную тут же, как сирокко, влетела Мерседес и процедила сквозь зубы:

— Мадемуазель, кушать подано.

Оторопев от такой наглости, Франсуаза посмотрела на Александра, а затем, после секундного колебания, сказала:

— Ты останешься обедать?

— С радостью! — ответил он.

— Тогда, Мерседес, накройте еще один прибор.

— Это… это невозможно! — запинаясь, пробормотала Мерседес.

— Почему?

— Ничего нет!

— Мой отец должен был обедать дома!

— Ваш отец ест вечером только кусочек ветчины.

— Мне тоже хватит кусочка ветчины! — сказал Александр.

— Ну нет! — воскликнула Франсуаза. — Это уже слишком!

Ее охватил праведный гнев хозяйки дома. Она направилась в кухню, Мерседес семенила за ней по пятам. Аньес на заданный в упор вопрос ответила, что холодильник забит съестными припасами и что ей доставит удовольствие приготовить для мадемуазель и ее жениха обед, который им придется по вкусу.

Действительно, через полчаса Франсуаза и Александр с удовольствием поглощали антрекот с зеленой фасолью. Но подавала им Аньес. Мерседес ушла, посчитав свою работу законченной.

Сидя перед Александром за семейным столом, Франсуаза испытывала волнующее чувство, словно она уже много лет замужем и, тем не менее, открывает для себя радости жизни вдвоем. Она смотрела, как ест и пьет этот человек, имя которого она собиралась носить, и была признательна ему за то, что у него хороший аппетит, темные и ласковые глаза, большие нервные руки и что он выбрал ее, которая так мало что собой представляет.

Они попросили кофе в гостиную. Потом Аньес удалилась. В доме никого не было. По мере того как проходили минуты, радость, смешанная с тревогой, все сильнее охватывала Франсуазу. Александр отставил свою чашку, где на донышке еще оставался кофе. Его рука легла ей на плечи. Франсуаза, сама себе в том не признаваясь, ждала этого. Когда их губы соприкоснулись, она остро осознала неизбежное. Он сказал ей, что ему не нравится эта слишком торжественная гостиная. Она встала и повела его в свою комнату.

XII

— Это, конечно, твоя мачеха нагородила все эти сложности! — воскликнула Люси, сильно шмыгая носом над своей чашкой.

— Нет, мама, — сказала Франсуаза. — Кароль, наоборот, хотела, чтобы ты пришла!

— Значит, отец не хотел…

— Да.

— Он не имеет права мне запретить…

— Папа тебе ничего не запрещает. Он просто просит тебя выбрать.

— Если тебе удобнее присутствовать на венчании в церкви, тогда он будет на гражданской церемонии в мэрии, а если ты захочешь присутствовать в мэрии, он придет на венчание.

— Почему я не могу быть и там и там?

— Потому что он не хочет с тобой встречаться!

— Я же не вцеплюсь ему в горло! Мы расстались очень хорошо!

— Может быть, мама, но наконец…

— Вечно какие-то истории со свадебными церемониями детей, родители которых в разводе, — сказал Ив Мерсье нравоучительным тоном.

— И все же! Надо сделать так, чтобы всех все устраивало! Мы — тоже люди! — заявила Люси.

Франсуаза отвернулась. Дискуссии старших вызывали у нее раздражение. Не безумие ли, чтобы давние обиды ее родителей вспыхнули заново в связи с делом, касавшимся только ее. Неужели отец и мать со своими горькими воспоминаниями, фальшивой гордостью, допотопным эгоизмом собираются омрачить полноту ее счастья в день свадьбы? Сочувствуя матери всей душой, она все же надеялась, что та окажется чуть покладистей. «Ах, поскорее бы вырваться из этого фамильного болота, создать свой очаг и не считаться ни с чьими желаниями, кроме своих собственных и Александра!» Хорошо еще, что его с ней не было в это воскресенье! Ему хватило визита на прошлой неделе! Франсуазе он не сказал ничего неприятного ни о матери, ни об отчиме, но она была твердо убеждена, что он судил их строго. Она собиралась с ним увидеться сегодня вечером в семь часов. Это было единственное светлое пятно за весь день. Даниэль и Жан-Марк тоже сидели за столом со скучными минами. За спиной у них работал телевизор, но звук был выключен. Время от времени Даниэль, еще бронзовый после горного загара, оборачивался, чтобы мельком взглянуть на изображение. Верхом на лошадях с войлочно-бесшумными копытами, ковбои, безмолвно жестикулируя, выпускали немой огонь по индейцам, которые падали, не издавая ни звука. Люси вытерла платком нос, посмотрела на мужа полными слез глазами и сказала:

— Ну, Ивон, что ты об этом думаешь?

— Я… — сказал Ив, — из меня можно вить веревки.

— Знаю, — посетовала Люси, — но это же не решение!

Жан-Марк саркастически улыбнулся и закурил сигарету, щелкнув позолоченной зажигалкой; ему, очевидно, доставляло большое удовольствие ею пользоваться. Это был подарок той самой Валерии де Шарнере, которую Франсуаза видела лишь один раз случайно на улице, и та оставила у нее впечатление ужасной маленькой снобки. «Мне нужно будет поговорить с ним о ней! Узнать, что у них за отношения.

Надеюсь, он не собирается…»

— Хорошо, — сказал Ив, — вот мое мнение. Поскольку нужно выбирать, я считаю, дружок, что мы, ты и я, должны присутствовать на гражданской церемонии, а потом дома устроим роскошную пирушку только для семьи и свидетелей.

— Тогда я не увижу мою девочку в подвенечном платье! — заскулила Люси.

— Мама, я не буду венчаться в белом, — твердо сказала Франсуаза.

— Не в белом? Почему?

Франсуазу словно током ударило. Она почувствовала на себе взгляд братьев.

— Потому что я терпеть не могу этого маскарада.

Последовало молчание. Она задыхалась. «Пусть думают что хотят! Мне плевать!»

— Но тогда как же ты будешь одета, дорогая? — спросила Люси с плохо скрываемым смущением.

Ее молчание длилось целую вечность.

— В бледно-голубом костюме, — сказала Франсуаза. — Я уже выбрала модель. Я тебе покажу. Мы наметили гражданскую церемонию на субботу, а венчание на понедельник…

— Суббота — это замечательно! — воскликнул Ив. — Я как раз в этот день не работаю. И в том, что касается пирушки, положитесь на меня! Думаю, у твоего будущего мужа хороший аппетит…

— Ты хочешь, чтобы она это уже знала, бедняжка? — спросила Люси, улыбаясь.

— О! О таких вещах женщины быстро догадываются. В любом случае твой Александр выглядит очень мило!

«Мило — не то слово», — подумала Франсуаза. Она поняла, что после такого комплимента, хочешь не хочешь, а надо что-то сказать в ответ.

— Он тоже сказал про вас, что вы очень милы, — пролепетала она.

— Значит, решено, — заключил Ив Мерсье. — В субботу гражданское бракосочетание, а потом собираемся в Севре… Кто будет свидетелями в мэрии?

— Дидье Коплен у меня и какой-то коллега из Института восточных языков у Александра.

— Очень мило!

Все было «мило»!

С болью в сердце Франсуаза представляла себе этот обед, который будет, без сомнения, слишком шумным, слишком обильным, со множеством разнообразных вин, с подвыпившим Ивом Мерсье, нервозной Люси и иронично-ледяным Александром, за всем наблюдающим и молча все критикующим. Но сделать по-другому возможности не было. В целом достигнутый компромисс был даже проявлением мудрости. Франсуаза поблагодарила мать и обещала после религиозной церемонии заехать показаться ей в подвенечном наряде перед ланчем, который состоится на рю Бонапарт.

— Много будет приглашенных на этом ланче? — вздохнув, спросила Люси.

— Нет, мама. Самое большее человек тридцать. Только самые близкие.

— Самые близкие! И без меня!

Она снова принималась за свое! Франсуаза постаралась сдержаться:

— Ну, мама!

— Знаю, знаю, ладно…

Появление Анжелики, которую няня привела с прогулки, оживило обстановку. Пока Франсуаза и Люси хлопотали вокруг ребенка, Жан-Марк объявил:

— Половина шестого! Мне пора мчаться.

— Мне тоже, — подхватил Даниэль.

Он придвинулся поближе к брату и уцепился за него с таким бодрым и сияющим видом, словно успел на ходу вскочить на подножку поезда. Оба явно плохо переносили эти воскресные визиты к матери. Год от года она становилась для них все отдаленней, все обременительней. Франсуаза сожалела об этом, но не могла обвинить их в неблагодарности. Она с завистью посмотрела, как они удалились.

На улице Даниэль и Жан-Марк, не сговариваясь, направились к Севрскому мосту. Они шли быстро, размахивая руками, довольные тем, что могут наконец размять ноги после этого семейного чая.

— Что ты думаешь о свадьбе Франсуазы? — спросил Даниэль.

— Ничего, — ответил Жан-Марк.

— Как ты осторожен! Лично я считаю забавной идею выйти замуж за своего преподавателя! Теперь ведь и дома, и за столом, и в постели она будет как на занятиях!

Жан-Марк пожал плечами: шутки у Даниэля, определенно, несли печать тяжеловесности. Заметив на лице у брата презрительное выражение, Даниэль поправился:

— Заметь, что в постели никогда не знаешь, как все повернется!

Он попытался представить сестру в объятиях этого самого Александра, ничего не увидел и отступил. Да и вообще, это его не касалось. У него было достаточно забот с Даниэлой.

— Ты на метро? — спросил он.

— Да, — ответил Жан-Марк.

— Я тоже.

Снова воцарилось молчание. Жан-Марк догадался, что брат хочет с ним о чем-то серьезно поговорить, как мужчина с мужчиной, но не знает, с чего начать. В любой другой момент он помог бы Даниэлю разговориться. Но сейчас у него не было ни времени, ни желания его слушать. Как всегда, когда он ехал к Валерии, он испытывал настоятельную потребность замкнуться в себе, чтобы подготовиться к встрече. Ему словно нужно было призвать свой дух и убедить тело в полной мере вкусить радость от встречи с ней. Ничего подобного у него никогда не бывало с Кароль. Это тайное самораскручивание, когда он урезонивал себя перед их свиданиями, несколько беспокоило его. К счастью, он не собирался в этот вечер с ней спать. Предполагалось, что они пойдут на закрытый просмотр итальянского фильма в маленьком кинозале на Елисейских полях. Потом он поведет ее в китайский ресторан, недорогой и очень занятный. Возможно, они там встретятся с компанией друзей. Такие выходы были приятной стороной их отношений с Валерией. Ему льстило то, что его видят рядом с ней: красивая, прекрасно одетая, неглупая, беззаботная, светская, она всегда была готова перемыть косточки,

укусить, покрасоваться. Две недели, проведенные вместе в Шантийи, прошли, на его взгляд, успешно. Собралась одна молодежь. Прогулки верхом в лесу, импровизированные выезды на охоту, игра в бридж… но были и ночи. Жан-Марк не любил о них вспоминать. Временами ему казалось, что любая девчонка возбуждала его больше Валерии. Он посмотрел на двух девушек, которые шли перед ними. Они спустились по лестнице, прошли по переходу, вошли в дверь, ведущую в метро. Он увидел их на платформе. Девушки обернулись: одна брюнетка, другая блондинка — страшноваты! С грохотом подошел поезд. Жан-Марк с Даниэлем вошли вслед за девушками в первый вагон. Те сели. Молодые люди остались стоять. Поезд двинулся с громким однообразным стуком. Даниэль дотронулся до руки брата и спросил:

— Ты где выходишь?

— Делаю пересадку на «Токадеро» и еду до «Этуаль».

— Ну, тогда я тоже.

— У тебя там дела?

— Да нет, особенно ничего.

— Тогда зачем ты туда едешь?

— Просто так, с тобой!

«Бийанкур». Вошедшие пассажиры затолкали их. Прижатый вплотную к Жан-Марку, Даниэль секунду поколебался и снова заговорил, чуть понизив голос:

— Жан-Марк, а что ты делаешь сегодня вечером?

— Я занят.

— У себя дома или нет?

— Нет.

— Тогда ты не смог бы мне одолжить свою комнату?

Жан-Марк выпрямился и с удивлением посмотрел на брата.

— Я ничего не испорчу, — быстро проговорил Даниэль.

— А зачем?

— Чтобы привести девушку.

— Девушку?

— Конечно, не парня!

— Хорошо, старик, кто она?

— Даниэла Совло.

Даниэль выдал это имя скрепя сердце. Толчок поезда отбросил его от брата. Все стекла дрожали. Секунду спустя братья снова стояли друг возле друга.

— Ты с ней спишь? — спросил Жан-Марк Даниэля.

— Нет еще. Но мне кажется, что сегодня это может случиться! Ну, если одолжишь нам свою комнату!.. Она поняла, что так больше тянуться не может, без главного. Я уже не выдерживаю. Мне хочется все разнести. Это бесчеловечно!

Жан-Марк вынул из кармана ключ, протянул его Даниэлю и подумал с

брезгливостью: «Они все растормошат, измажут. Потом нужно будет проветривать, менять простыни».

— Уходя, ключ положишь под коврик, — сказал он.

— До которого часа тебя не будет?

— Я вернусь не раньше полуночи. Вы уже смоетесь, я надеюсь!

— Скажешь тоже! Даниэла должна быть дома к восьми!

— Это не займет у вас много времени!

— Нет, конечно...

— Бедолага!.. Надеюсь, все пройдет хорошо!

— Нет причин...

— С девушками, знаешь...

— Знаю, знаю, — со вздохом сказал Даниэль голосом человека, который устал от долгой распутной жизни. — И отвернулся к стеклу, в скорбных красках отразившему его лицо. — Знаешь, — пробормотал он через минуту, — раз так все уладилось, я уж не буду провожать тебя до «Трокадеро»!

— Не сомневаюсь, — сказал, ухмыльнувшись, Жан-Марк.

— Я должен заехать за ней. Это рядом с «Военной школой». Мне нужно сделать пересадку на следующей. Пока, старик!

— Пока!

Даниэль направился к выходу. Оперевшись обеими руками о дверную ручку, грудь расправлена, взгляд бесстрашен, он, казалось, был готов, напрягая мускулы, разнести всю систему автоматического запирания дверей. Но едва поезд остановился, как они, к его разочарованию, открылись сами, мягко и легко. Даниэль выскочил на платформу, помахал брату рукой и устремился по переходу на пересадку.

Возле Жан-Марка освободилось место. Как только поезд тронулся, он сел. Все скакало и плясало вокруг него — и гладкие поверхности вагона и скошенные лица. Отражающийся от эмали ламповый свет слепил глаза. Выпрямив спину, положив на колени руки, он изо всех сил старался в этом ритмичном движении поезда возжелать Валерию.

XIII

Букет анемонов для Франсуазы, бутылка виски для Александра. Все усложнялось тем, что у нее с собой были помимо фенека, спрятанного под пальто и зажатого слева под мышкой, очень тяжелый большой саквояж, ремень от которого резал правое запястье, и зонтик, который ветром клонило над головой. Они жили дальше от ее гостиницы, чем она думала. Эта улица дю Бак была бесконечна. Можно было бы доехать на такси. Так или иначе, они молодцы, что пригласили ее к себе на обед всего через три дня после свадьбы. В церкви Франсуаза показалась ей одновременно и серьезной, и счастливой в своем светло-голубом костюме. Время от времени она бросала беспокойный взгляд на Александра, словно чтобы убедиться в том, что ему не наскучила церемония. Мадлен видела ее в неполный профиль, но, даже наклонившись, она не могла разглядеть лица жениха. Несгибаемый, как правосудие, волосы коротко подстрижены. Знать бы, что за черт заставил его жениться? Небольшая речь аббата Ришо перед обменом словами согласия была превосходна. Он говорил о двух религиях, католической и православной, с редким воодушевлением. Но кто кроме Франсуазы следил за ходом его мыслей? Вернувшаяся с Капри Кароль была в высшей степени элегантна в своем черном пальто с норковым воротником. Филипп казался взволнованным, тогда как в действительности он, вероятно, думал о том, хорошо ли завязан у него галстук. Жан-Марк с Даниэлем, видно, растерялись и не очень-то представляли себе, как им следовало держаться. Все это, размышляла Мадлен, создавало впечатление неловкости, причины которой она понимала плохо, отчего временами мучалась, раздражаясь, так же как сейчас мучалась оттого, что сильно нагружена и не может прямо держать под порывами ветра свой зонтик. Сырой ветер колол ей лицо. Выскальзывали то бутылка, то фенек. Движением рук она подтягивала то одно, то другое. Франсуаза попросила ее прийти к половине седьмого, чтобы было время поболтать втроем, перед тем как садиться за стол. Да, теперь между нею и племянницей всегда будет стоять этот мужчина. Надо перейти на другую сторону: парные номера.

Шагнув на проезжую часть дороги, Мадлен ступила ногой в лужу и чертыхнулась. Промочила ногу до щиколоток. Она шла с трудом, ноги были тяжелые. Подниматься нужно всего на третий этаж, не считая полуэтаж между первым и вторым этажами! И ступеньки — крутые и высокие. Дойдя до нужного этажа, Мадлен остановилась, чтобы перевести дыхание. В освещавшем лестничную клетку окне взамен двух стекол было вставлено два картонных листа. Четыре двери, выкрашенные в коричневый цвет, выходили на узкую лестницу. Коврики у дверей были изношены в хлам. Из каморки консьержки доносился густой запах лука-порея. Филипп все же должен был подкинуть дочери денег, чтобы она сняла квартиру в более подходящем доме. Когда Мадлен сказала ему об этом, он вспылил. Послушать его, так выходит, что, излишне помогая молодым в начале их жизни, тем самым обрекаешь их впоследствии на несчастья. Он выдал Франсуазе небольшую сумму, чтобы дать ей возможность начать семейную жизнь. Сейчас у нее, наверно, нет ни гроша. «Впрочем, она это очень хорошо поняла, — сказал тогда Филипп. — Она мне признательна за доверие, которое я ей оказываю, не балуя ее!» Да, конечно, в теории это так!

Мадлен отдышалась. Фенек зашевелился у нее под рукой. Она позвонила. Дверь ей открыла госпожа Козлова.

Они обнялись.

— Ах, анемоны, Маду! Такие чудесные! И бутылка виски! Александр будет счастлив! Он вернется только к семи часам… Видишь, тут все под рукой, все очень просто… Как раз то, что нам нужно… Я хочу сама все перекрасить. Ты скажешь мне, в какие тона. Коричневый для прихожей, соломенно-желтый для комнаты. Надо, чтобы было светло, солнечно, согласна?

Следуя за племянницей, Мадлен вошла в довольно просторную комнату с линялыми обоями. В глубине у стены возвышался секретер эпохи Людовика XVI,

инкрустированный букетами (с клеймом Сонье), который она подарила Франсуазе на свадьбу. Секретер выглядел чопорно и смешно на фоне остальной мебели: письменного стола из светлого дерева, покрашенного морилкой в темный цвет, соломенных стульев, деформированного дивана, покрытого зеленым пледом. Повсюду лежали кипы книг и бумаг. Стоявший посередине стол уже был накрыт к обеду. Круглый бамбуковый столик служил подставкой для огромной головы негра с выпученными глазами. На противоположной стене висела большая картина, очень плохая, на которой были изображены избы, несколько берез и пшеничное поле под однообразным ярким лазурным небом. Напрасно искала Мадлен печать присутствия Франсуазы в этой удручающей обстановке. Ни над чем здесь она была не властна. Ни одна вещь ей не подчинялась. Мадлен оказалась в гостях у Александра Козлова.

— Вот здесь, видишь, стенной шкаф, а вот ванная и кухня… Не обращай внимания, здесь беспорядок!

Закончив осмотр, Франсуаза хотела открыть бутылку виски.

— Нет! — возразила Мадлен. — Подождем Александра!

И, заметив у Франсуазы лейкопластырь вокруг большого пальца, спросила:

— Что это у тебя?

— Порезалась о консервную банку, — ответила Франсуаза.

Она села на диван, а Мадлен в кресло напротив. Поскольку говорить друг с другом было особенно не о чем, обе они склонились над фенеком.

Франсуаза взяла его на руки.

— Какой хорошенький! А другой от чего умер? Расскажи…

Разговор шел не столько ради беседы, сколько для того, чтобы не дать воцариться молчанию. Время от времени Франсуаза, продолжая говорить, опускала глаза на часы-браслет. Мадлен поняла: ее беспокоит, что Александр опаздывает, но она слишком горда, чтобы сетовать вслух. В восемь часов его все еще не было.

— Ты не очень спешишь? — спросила Франсуаза.

— Да нет!

— Александр, наверно, задерживается у издателя!

Она плохо скрывала свою нервозность. При малейшем звуке на лестнице взгляд ее становился острей, плечи расправлялись. Она было снова захотела открыть виски. И снова Мадлен не согласилась. Они накормили фенека.

— Знаешь, — сказала Франсуаза, — обед у меня очень простой: говяжье филе, салат — все через пять минут будет готово.

Половина девятого — никого. Внезапно угрожающее молчание вконец воцарилось между ними. Они просто смотрели друг на друга, улыбались, не говорили ни слова. Франсуаза вышла на кухню и вернулась без дела.

— Тебе удалось что-нибудь хорошо продать за последнее время?

— Мало, — сказала Мадлен. — Ушел чайный столик, фанерованный красным деревом… Мне доставили прелестную консоль из позолоченного дерева времен Директории.

— Да?

Они опять замолчали. «Без десяти девять! Ему на всех наплевать! — подумала

Мадлен. — На месте Франсуазы я бы такого не допустила!..» В замке повернулся ключ, и Франсуаза вскочила, совершенно преобразившись. Александр вошел быстрым шагом, бросил пальто на стул, поцеловал жену, пожал руку Мадлен, сказал, что, к сожалению, не смог прийти раньше, но не дал никаких объяснений. Он купил бутылку водки, которую поставил посередине стола. Узнав, что Мадлен принесла виски, поблагодарил ее с чувством и пожурил обеих женщин за то, что они ждали его, вместо того чтобы выпить. Стоило ему появиться, и у Мадлен создалось ощущение, что мебель вдруг ожила и обрела свою осмысленность. Желание подвергать Александра критике тут же пропало. Какая-то непонятная связь объединяла эти книжки, бумаги, уродливую лампу на большой витой деревянной ноге, чудовищную картину с невероятно голубым небом и хозяина дома.

— Может, вы хотите с газированной водой?

— Ой, у меня ее нет! — воскликнула Франсуаза. — Как глупо! А теперь уже слишком поздно идти ее покупать!

Франсуаза была огорчена, растерянна. Мадлен посчитала, что она придает чрезмерное значение мелочи. Александр бросил на жену насмешливый взгляд и сказал:

— Какие проблемы из-за пустяка! Мадлен выпьет виски с обычной водой, вот и все!

Внезапно у Мадлен возникло впечатление, что она знает его много лет и он всегда называл ее по имени.

— Я буду пить ваше виски чистым, Александр, — сказала она.

— Браво! — воскликнул он. — Но предупреждаю: льда у нас тоже нет!

Он налил виски Франсуазе, остановившей его:

— Мне не слишком много, Александр!

«Вместо этого секретера эпохи Людовика XVI мне нужно было подарить им холодильник!» — подумала Мадлен.

— Виски комнатной температуры — нет ничего лучше! — заключил Александр, поднимая стакан.

Мадлен присоединилась к нему. Франсуаза смочила губы в спиртном, встала и исчезла за занавеской, которая наполовину скрывала кухню. Оттуда вскоре донеслось потрескивание, а в комнату начал проникать запах растопленного сливочного масла и поджаривающегося мяса. Александр курил, держал в руке стакан виски и не сводил с Мадлен глаз.

— Как вы находите Франсуазу в роли замужней дамы?

— Прекрасно, — сказала Мадлен.

— Мне бы хотелось сделать ее счастливой.

— Это не так трудно!

— Мужчине всегда трудно доставить счастье женщине, не разрушая своего собственного. У женщины, когда она живет только ради мужчины, возникает чувство, что она себя полностью реализовала, мужчине же, если он живет только ради женщины, кажется, что он перестал быть самим собой! Как сохранить равновесие? — Он раскинул руки, держа в одной сигарету, в другой стакан, словно канатоходец, идущий по проволоке над пустотой.

Появилась Франсуаза, неся закуску — салат из картошки, сардин, мякоти артишоков. Сели за стол. Мадлен узнала тарелки, приборы, перекочевавшие с рю

Бонапарт. Александр ел быстро и без разбора. Время от времени он выпивал полную рюмку водки, запрокинув назад голову, и лицо его удовлетворенно морщилось. Мадлен тоже пила водку, но умеренно, маленькими глотками и скорее ради приличия, чем ради удовольствия. Александр наполнил рюмку Франсуазы. Она не притронулась к ней и направилась на кухню. Александр закурил сигарету и развернулся от стола, закинув ногу на ногу, утвердив один локоть на столе, в позе человека, который явился поговорить, а не подкрепиться. Он не изменил этой позы, когда Франсуаза принесла горячее. Говядина, несомненно, была пережарена. Франсуаза признала это и пожаловалась на плиту. Но Александр сказал, что все превосходно. Он расправился со своим мясом за три приема. Одну за другой выпил еще несколько рюмок водки. Неужели он всегда столько пьет? И снова закурил, в то время как обе женщины все еще сидели, склонясь над своими тарелками. Вообще говоря, Александр производил впечатление случайно забредшего: словно сейчас перекусит и уйдет, оставив их вдвоем. Садится ли он когда-нибудь поудобней в кресло, чтобы читать или там писать? Мадлен с трудом в это верилось. Он, похоже, во всем, более или менее осознанно, стремится занять текучие позиции, от которых легко отказаться.

Франсуаза собрала использованные тарелки. Она приходила, уходила, хлопотала, а Александр качал головой:

— У женщин есть дар находить себе много забот из-за мелочей и пренебрегать главным!

— Это рассуждение лентяя! — крикнула ему Франсуаза из кухни.

Размороженные фрукты, которые она подала в вазе, отдавали тяжеловатым запахом вишневки.

— Чудо из чудес! — воскликнул Александр.

Он принимался за них трижды. Когда Франсуаза накладывала ему фрукты в тарелку, он погладил ей ладонью затылок. Этот жест спокойного обладания показался Мадлен доказательством сексуальной гармонии у супругов. Однако ей было не по себе в неубранной комнате, где стол примыкал к кровати. В картине ли было дело, в водке или легком русском акценте Козлова, но она не ощущала себя во Франции.

Франсуаза снова встала из-за стола.

— Ты куда? — спросил Александр.

— Помою и расставлю посуду, я сделаю это за две минуты!

Он удержал ее за руку и притянул к себе. Она села к нему на колени. Мадлен сразу почувствовала себя лишней. Смелость племянницы ее удивила. «Почему необходимо, чтобы супружеское счастье молодых всегда сопровождалось открытой демонстрацией своих чувств? Они убеждены, что вид их услад может доставить другим только удовольствие». Прильнув к плечу мужа, Франсуаза выставляла напоказ свой женский успех. Мадлен улыбалась ей смущенно. И уже была готова уйти. Она словно перепутала дверь. Это была не ее племянница. Мадлен по ошибке оказалась здесь, окруженная двусмысленной атмосферой. Франсуаза одним прыжком вскочила, чтобы остановить фенека, который собрался проскользнуть в кухню, Александр взял зверька в руки:

— Жюли, ты красивая, — сказал он. — Ты нежная. У тебя роскошная шуба…

Его пальцы скользили по меху. Он улыбался, его сосредоточенный, пылающий, хмельной взгляд был таким же, как в тот момент, когда он говорил с Франсуазой. Затем он налил в один стакан виски для себя, в другой — для Мадлен:

— Последний! Это превосходно заменяет коньяк после еды!

Они выпили. Александр прищелкнул языком от удовольствия. Мадлен, у которой во рту все горело, решила остаться еще на десять минут. Но не больше!

Когда она объявила, что собирается уходить, ни Франсуаза, ни Александр не стали ее задерживать.

Закрыв за тетушкой дверь, Франсуаза с минуту оставалась задумчивой. Александр рухнул глубоко в кресло и расстегнул ворот рубашки.

— Тетя Маду какая-то странная, — сказала Франсуаза, — не такая веселая, как обычно…

— Почему ты считаешь, что она должна быть веселой?

— Не знаю… Уже оттого, что она видит, как я счастлива, она должна была бы…

— Тетя Маду очаровательная провинциальная чудачка. Без своего интерьера, безделушек, привычек она уже и не знает, чем жить. Все то время, что ты ее принимала, у нее было одно единственное желание — вернуться в Тук!

— Если бы ты знал ее раньше…

— Когда раньше?

— Не знаю… Раньше… Два года назад, даже меньше… На нас с ней, бывало, находили припадки безудержного смеха!..

Франсуаза села на подлокотник кресла.

— Ну, вот видишь, что надо ловить на лету любой радостный случай, который представится! — прошептал Александр. — То, что упустишь, уже никогда не вернешь!..

— Зачем ты мне это говоришь?

— Ради нашего будущего.

— Оно тебя беспокоит?

— Нисколько! Знаешь, кого я встретил, выходя после занятий? Креспена, того типа, с которым я хотел издавать журнал. Мы пошли выпили по стаканчику.

— И поэтому ты пришел в девять часов?

— Да.

— Ты мог хотя бы сказать, извиниться… Мы с Мадлен тебя ждали…

Он сделал удивленное лицо. Наморщил лоб. Ей очень нравилось это выражение, делавшее его старше.

— Верно! — пробормотал он. — Я об этом даже не подумал. Хорошо, но ты же не собираешься устраивать из этого драму? Ты была здесь со своей тетей. У вас уйма всего, о чем вы могли бы поговорить. В восемь обед или в девять, что это меняет?

Франсуаза хотела ответить, но не нашла аргументов. Он был прав; наверно, он всегда прав с ней.

— Креспен опять говорил со мной о своей идее основать журнал, — продолжал Александр. — У него есть кредиторы, которые готовы для начала вложить большие деньги. Я в очередной раз отсоветовал ему пускаться в эту авантюру.

— Почему?

— В наше время журнал — это вчерашний день!

— А если он все-таки его организует, он возьмет тебя в качестве сотрудника?

— Он-то хотел бы, да я не пойду. У меня совершенно нет желания обременять себя новой работой! Мне хочется сохранить время для жизни…

Он вскинул голову. Сидя на подлокотнике кресла, Франсуаза возвышалась над ним. Это была какая-то необычная, странная ситуация: роли поменялись. Она прочитала в его глазах влечение к праздности, доведенное до крайности. Такая беспечность несколько беспокоила ее. Однако и в этом он тоже был прав. За три дня, пока она была его женой, Франсуаза уже не узнавала себя. Аббат Ришо во время исповеди (это испытание очень пугало ее!) напомнил ей, что в жизни нет большего греха, чем утрата надежды. После отпущения грехов она ощутила себя целиком обновленной, полной сил, в согласии с миром и с Богом. Но теперь она о Боге уже не думала. Или, скорее, Бог для нее слился с жизнью. Стремления, убеждения, вера влекли ее в неодолимом порыве к человеку, которого она выбрала. Он стал ее религией, он заключал в себе все тайны. Верить в Бога теперь означало для нее говорить «да» Александру. Она склонилась над его таким невероятно реальным лицом и зажмурила глаза. Две руки обхватили ее. Она была уже только субстанцией, существующей для того, чтобы принадлежать и получать в ответ удовольствие. Он поднял ее и понес на кровать. Она погасила лампу у изголовья. Он снова ее включил. Она приняла этот свет. И все то, что он так желал.

I

Шесть часов вечера. Правая рука у Франсуазы онемела от усталости. Она положила валик на банку с краской. Оставалось покрасить плинтусы, большой стенной шкаф, дверь… Ей хотелось сегодня вечером все закончить. Это было бы возможно, если Александр не придет слишком рано. Но с ним как узнаешь?.. За два месяца супружеской жизни ей так и не удалось привить ему понятие точности. Он уходил, возвращался, снова исчезал по воле своей фантазии. Чем больше она настаивала на пунктуальности, тем чаще он ошибался во времени. Стоило Франсуазе выразить недовольство, как Александр, смеясь, называл ее мещаночкой. По правде говоря, она была вынуждена признать, что не права, придавая значение таким смешным условностям, как обед или ужин. Главное, не пытаться установить у них в семье такие же порядки, какие были в ее родительском доме. Отец у нее человек деловой, точный, прямой, основательный, в то время как муж — мыслитель, поэт, представитель богемы. «Никогда об этом не забывать! Никогда против этого не бороться! Он — личность! Если кто и должен измениться, так это я, а не он!» Чтобы округлить семейный доход, она с недавних пор стала брать на дом перепечатку на машинке. В фирме «Топ-Копи» платили ей неважно, но заказы обещали постоянные. А занятия в Институте восточных языков оставляли достаточно времени, чтобы справляться с дополнительной нагрузкой. Условились, что она перейдет в группу госпожи Шуйской. Франсуаза жалела, что больше не занимается у Александра. Он такой прекрасный преподаватель! Все студентки были им очарованы. Однако она не ревновала. Напротив, она оттого еще больше им восхищалась. Прилив любви размягчил ее. «Когда он вернется и увидит мою работу — будет в восторге!»

Франсуаза отступила на несколько шагов, чтобы оценить все в целом. Чудесным образом схваченные солнечные лучи бросали на стены свое тусклое золото. Эффект станет еще ярче, когда комната будет убрана. Сейчас пол был устлан перепачканными краской газетами. Водруженная на пустом пространстве в центре мебель напоминала какой-то отвесный риф. Зеркало было наискосок прислонено к стулу. Она посмотрела в него и увидела замарашку. На голове косынка и желтый шрам через всю щеку. Ей стало смешно от собственного делового, безумного и чуть свирепого вида, и она тотчас решила взяться за большой стенной шкаф. Она уже вынула из него почти все содержимое. Оставалась только кипа бумаг на верхней полке, до которой было трудно добраться.

Франсуаза встала на табурет, протянула руку, вытащила пачку пыльных бумаг и в беспорядке положила их на стол. Бумаги тут же рассыпались. Ее взгляд рассеянно скользнул по этим разрозненным страницам и задержался на письме, к которому была приколота фотография ребенка. «Но это же Александр!» Она увидела его глаза, подбородок, улыбку. Ему, наверно, здесь самое большее лет десять. Растрогавшись, она подошла к лампе на витой ноге, чтобы получше его рассмотреть. Письмо висело у нее между пальцами под маленькой глянцевой фотографией. Белая линованная бумага, мелкий почерк. Слова, которые Франсуаза машинально прочитала, привлекли ее внимание: «…Я все еще не получила от тебя февральских денег… В самом деле, Александр, это переходит уже все границы… Как, по-твоему, я буду выкручиваться, если ты мне не помогаешь? Посылаю тебе последнюю фотографию твоего сына… Он второй в классе по орфографии и третий по арифметике… Вкладываю в письмо листок с его отметками за триместр… Все же надо, чтобы ты имел представление… Если ты не делаешь это ради меня, сделай ради него… Наш малыш Николя имеет право…»

Совершенно ошеломленная, Франсуаза села, держа письмо на коленях. Лампа резко освещала комнату, словно потрясенную бедствием. Мебель, перевернутая вверх дном, желтая мазня, запах краски, кипы бумаг, кисти — это был конец света! У Александра есть сын, и он не говорил ей о нем. Она разобрала число на письме: уже шесть лет! Кто была эта женщина? Франсуаза встала, сделала несколько шагов, обходя банки с краской, снова села, совершенно подавленная. Когда он вернется? Неужели ее роль сводится к тому, чтобы всегда его ждать? Какая-то одуревшая муха кружила вокруг лампы, удалялась и натыкалась на стену. Ее лапки

увязли в желтой краске. Франсуаза смотрела, как она борется. Потом кончиком ногтя освободила ее. Муха с трудом взлетела и тут же вернулась, чтобы сгореть от лампы. На краске остался от нее светлый след. Что делать? Как с ним поговорить? Время шло, а она сидела не шелохнувшись. В доме послышался шум — над ней, под ней, справа, слева. По лестнице бегом спускались дети, и от их галопа вибрировали стены. Она опустила глаза и машинально читала заголовки статей в старых газетах, разбросанных у нее под ногами: «Завтра — долгожданное заявление премьер-министра…» Вдруг она встрепенулась. Шаги в коридоре! Он! Уже? Дверь открылась, и Александр в изумлении замер на пороге.

— Вот это стройка! — воскликнул он. — Но, слушай, ты же работала как лошадь!.. Получилось великолепно!..

Она не шелохнулась, безмолвная, окаменевшая. Тогда выражение лица у него изменилось, и он подошел к ней. Ни слова не говоря, Франсуаза протянула ему письмо с фотографией. Он метнул взгляд на снимок и улыбнулся:

— А! Ты нашла! Это старая история!

— Почему ты мне никогда об этом не говорил? — спросила его Франсуаза, с трудом скрывая волнение.

— Потому что это совершенно не интересно!

— Как совершенно не интересно?.. У тебя есть сын, а я не знала!

— Ну вот! Теперь ты знаешь! Что это меняет?

Она с изумлением смотрела на него. Он излучал легкомыслие.

— Александр, объясни мне все-таки, — сказала она. — У тебя были обязательства перед ним, перед его матерью!

— А что мне было делать, по-твоему?

— Жениться!

— Мне было семнадцать лет, а ей тридцать!

— Тридцать лет?

— Да! Ты представляешь, сколько ей сейчас?

— Ну а ребенок?

Александр пошел в кухню вымыть руки.

— Что? Ребенок? — громко спросил он.

— Он носит твою фамилию.

— Ну и что?

— Ты его не признал?

— Я не сумасшедший! Кто мне докажет, что это мой сын?

— На фотографии он похож на тебя… Поразительно!

Заглушая шум воды, спокойный голос произнес:

— Я так не нахожу.

Стоя перед ней в рубашке с засученными рукавами, с распахнутым воротом, он вытирал шею, лицо махровым полотенцем.

— Но, Александр… это же невозможно, чтобы ты ничего не чувствовал, когда его видел!

Он бросил полотенце на спинку стула. Мокрые волосы падали ему на лоб.

— Я всегда отказывался его видеть!

— Это безумие! — сказала Франсуаза. — Я не понимаю тебя! У тебя ребенок! Ты должен был бы гордиться им, чувствовать себя счастливым! А он тебе совершенно не интересен, ты относишься к нему как к чужому!

— Я не отношусь к нему как к чужому, поскольку я долгое время ежемесячно высылал деньги его матери.

— А сейчас ты больше не высылаешь ей эти деньги?

— Нет.

— Почему?

— Два года назад она вышла замуж за южноамериканца, который увез ее в Сантьяго вместе с мальчиком. Где щетка для волос?

— В ящике, в маленьком столике.

Он открыл ящик, достал щетку и присел на корточки, чтобы причесаться перед зеркалом, прислоненным к стулу. Франсуаза топталась на одном месте. Что она могла сделать в этой жалкой ситуации, которая возникла еще до нее и совсем не заботила Александра?

— Его зовут Николя? — спросила она.

— Да.

— Сколько ему сейчас лет?

— Пятнадцать или шестнадцать, я уж не помню…

— И ты не жалеешь, что никогда не видел его?

Он выпрямился, снова надел пиджак, поправил манжеты рубашки.

— Почему я должен об этом жалеть? Я не испытываю потребности в ребенке, чтобы быть счастливым. Отцовская привязанность — изобретение женское. Это они без нашего согласия убеждают нас, что мы хотим потомства. Материнство — для них психологически необходимое состояние, они придумали это средство для удержания мужчины в семье. Когда я вижу придурков, с преисполненным важности видом толкающих детскую коляску по аллее парка, я мысленно отдаю должное той, которая так ловко обвела их вокруг пальца!

— То, что ты говоришь, ужасно! — прошептала она.

— Ну вот, пожалуйста! Ты снова уязвлена! У тебя сейчас точно такое лицо, как тогда, когда я говорил с тобой о твоем самоубийстве.

— Не вижу связи!

— Однако она есть. Ты живешь в окружении всевозможных табу: брак, дети, религия, смерть, долг, честь, налоги, условности… Надо уметь сотрясать иногда предвзятые понятия!

Он сходил на кухню, вернулся оттуда со стаканом красного вина, выпил его одним залпом, вздохнул и взял фотографию, которую Франсуаза положила с письмом на угол дивана.

— Он — твоя точная копия, — сказала она.

— Возможно… Я этого как-то не могу осознать!.. Ну, у какого мужчины нет где-нибудь на свете незаконнорожденного ребенка? Это же закон слепого воспроизводства. Если бы выпущенное на свободу семя раскрывалось лишь в браке, куда бы мы пришли? Уверяю тебя, что юному Николя в настоящий момент глубоко плевать на то, что мы с тобой можем думать и говорить. Он появился на свет с некоторым капиталом везения и невезения. С этим он будет строить свою жизнь. Все остальное — из литературы! Почему ты стремишься усложнять самые простые положения, Франсуаза, маленькая моя?

С этими словами он принялся рвать фотографию. Франсуаза восприняла эту расправу как наносимую ей самой глубокую рану. Она опустила голову. Ей казалось, что кровь стала тяжелей и медленней циркулировать у нее в венах. Александр разогнул пальцы. Черные и белые кусочки глянцевой бумаги посыпались на пол.

— Франсуаза!

Голос был серьезный, вкрадчивый. Она подняла глаза. Александр дружелюбно улыбался ей, стоя на фоне желтой стены. Как ему всегда удавалось навязывать ей свои понятия?

— Не пойти ли нам сегодня куда-нибудь поужинать? — предложил он. — Здесь так воняет краской!

Она воскликнула, что это абсурд: денег у них едва хватит до конца месяца! Кроме того, в ящике за окошком уже дожидаются ветчина, картофельный салат. Движением руки он отмел эти весомые аргументы.

— На своей ветчине и картофельном салате можешь поставить крест! — сказал он смеясь. — Я веду тебя к Поло!

Она еще собиралась протестовать, когда взгляд ее снова упал на зеркало, прислоненное к стулу. Небрежно завязанная косынка, лицо без пудры, старая юбка, пятна от краски — страх не понравиться мужу вдруг всколыхнул ее, не на шутку встревожив. Она с готовностью поспешила в ванную — отмыться, причесаться, переодеться.

Маленький ресторанчик Поло — самые низкие цены! — был набит битком. Александр хорошо знал хозяина, хозяйку, официантов и большую часть клиентов. Войдя, он со всеми обменялся приветствиями. Франсуаза теперь уже тоже привыкла к этому месту. Все сидели впритык, вдыхая горячий запах тушеной говядины с овощами и бифштекса с жареной картошкой. Один столик освободился. Александр усадил жену и отправился на кухню посовещаться с Поло. Франсуаза видела его в глубине через распахнутую дверь. Поло, пузан с багровым лицом, прохаживался перед плитами. Александр ходил за ним по пятам, что-то говорил ему, похлопывал по плечу. Вероятно, он объяснял ему свои денежные затруднения и просил, в очередной раз, чтобы его обслужили в кредит.

— Здравствуй, Жоржетта, — сказала Франсуаза пробежавшей мимо официантке.

Скатерть из белой гофрированной бумаги, залепленная лиловыми винными кругами и брызгами, была свернута и тотчас заменена чистой. Горшочек с горчицей, бутылочка с прованским маслом, корзинка с хлебом, солонка, перечница словно упали с неба на эту белоснежную равнину. На кухне Поло и Александр все еще дискутировали. Поло с трудом поддавался на уговоры. Франсуаза отвернулась: ей не хотелось, чтобы было видно, как она наблюдает за ними. На самом деле она охотно обошлась бы в этот вечер и без ужина. Ей не хотелось есть. То, что она узнала, меняло все перспективы ее семейной жизни. За плечами у Александра было тяжелое прошлое, из которого она, вероятно, знала только крохи. Полное

согласие вряд ли когда-нибудь будет достигнуто между ними. Их пути расходились даже в тех случаях, когда ей казалось, что они совпадают. Франсуаза снова бросила взгляд в направлении кухни. Поло, смеялся, держа руки на животе. Александр по-дружески похлопал его и возвратился в зал, непринужденный, одержавший победу. Дело было улажено. Он сел напротив жены. Она не спросила, о чем он говорил с Поло. Чтобы не смущать его, Франсуаза предпочитала делать вид, что не знает о его денежных сделках. Они вместе обсудили меню. Артишоки, миланский эскалоп, сыр или фруктовое мороженое с лимоном и графинчик красного.

— Красное подай сразу, Жоржетта! — сказал Александр. — Мы его выпьем вместо аперитива.

Он с жадностью выпил крепкое и темное вино. Его глаза искрились весельем. Чему он так радовался? Тому, что вышел вместе с женой, или что так легко ее убедил, или что ужинает в кредит? Франсуаза не могла забыть о ребенке. Ее смятение вырастало до угрызений совести. Словно она помогала Александру оттолкнуть сына, словно она была виновна в такой же мере, как и он. Он заметил, что она загрустила, и заставил выпить вина. Франсуаза подняла стакан и поднесла к губам. От пальцев все еще пахло скипидаром — вкус вина был испорчен. Зачем она перекрасила комнату? Не будет уже для нее счастья в этих желтых стенах, так же как не было бы в синих или зеленых. Жоржетта принесла артишоки. Лепестки у них были жесткие, уже почерневшие по краям. Александр закурил сигарету. Франсуаза вдыхала ноздрями едкий запах дыма. Завтра они приглашены на ужин к отцу. Послезавтра — к матери. Этой небольшой экономией не стоило пренебрегать в конце месяца. Какая-то девушка прошла между столиками: красивая, высокая, белокожая брюнетка. Она двигалась в направлении к туалету. Александр проводил ее взглядом.

II

Движение на автомагистрали было не слишком оживленным. Кароль вела машину быстро, не отводя глаз от той части дороги, которую выхватывал из сумерек свет ее фар. Рядом с ней, полузакрыв глаза, курила Олимпия. Тихо звучало радио.

— Эта малышка Валерия очаровательна, — сказала Олимпия.

— Совершенно очаровательна, — согласилась Кароль.

— Особенно мне нравится у нее нос. Он восхитителен. Совершеннейший Фрагонар!

— Да.

— Жан-Марк давно с ней знаком?

— Думаю, год…

— Смешной он, Жан-Марк! Изображает полное безразличие, а сам, я уверена, по уши влюблен!

— Может быть, — негромко произнесла Кароль. — У него никогда не узнаешь!

Усилие, которое она над собой совершала, чтобы казаться естественной, напрягало ее нервы. Не нарочно ли Олимпия говорила ей о Жан-Марке? Нет, к чему приписывать этой симпатичной идиотке лукавство, на которое она не способна. Кароль затормозила, остановилась перед стеклянной кабиной поста сбора дорожной пошлины, протянула два франка, взяла талон и поехала дальше, плохо переведя скорость — переключатель отозвался со скрипом. Ничего не скажешь, ценная была мысль отвезти свою подругу Олимпию в Бромей! Она рассчитывала провести там вторую половину дня, чтобы немного расслабиться. Но, приехав в «Феродьер» к четырем часам, наткнулась на Жан-Марка с Валерией, расположившихся в саду под цветущей грушей. У них было такое удивление на лицах при виде ее. Нет сомнения, прежде чем нежиться на траве, они занимались любовью. Она сразу почувствовала атмосферу плотского соучастия, витавшую вокруг них. Из-за Олимпии пришлось разыгрывать комедию учтивости. Пили вчетвером чай. Жан-Марк был напряжен, молчалив, но Валерия излучала вызывающую непринужденность. Она явно была очень горда тем, что ее застали с Жан-Марком, и никаких сомнений относительно характера их отношений не возникало. Приехали они сюда на машине Валерии, маленьком «остине-купере» зеленого бутылочного цвета, и должны были одновременно возвращаться в Париж. Кароль опередила их.

Уже несколько минут она чувствовала, что ее преследуют. Огни приближавшегося автомобиля отражались у нее в зеркале заднего обзора. Сигнал фарами. Два сигнала фарами. Она изменила положение зеркала, чтобы не слепило глаза. С первого же взгляда ей показалось, что она узнает «остин-купер». Вероятно, за рулем был Жан-Марк. Он догнал ее. Вскоре они ехали рядом, бок о бок. Да, это действительно был он! Она заметила слева от себя два молодых профиля, совмещенных один с другим, как на медали. Улыбающаяся Валерия помахала рукой. Кароль помахала ей в ответ. Жан-Марк поехал быстрее. Она тоже, смеясь, нажала на газ и догнала их. Два автомобиля соревновались между собой в скорости. Встречный поток воздуха свистел между двумя параллельными траекториями. Малейшее отклонение, и произойдет столкновение. Кароль вдруг ощутила глубоко внутри неистовое желание. Олимпия украдкой бросила на нее беспокойный взгляд.

— Не трусь, это малолитражки, — сказала Кароль.

И она сбавила скорость, дав себя обогнать. «Остин-купер» резко подпрыгнул, разогнался и вскоре превратился в красный огонек, окруженный облаком газа. «Маленький негодяй! — подумала Кароль. — Он, наверное, храбрится за рулем

перед этой девчонкой!» Больше всего ее унижало то, что Жан-Марк выбрал места, где был так счастлив с ней, чтобы теперь спать там с Валерией. Он мог где угодно делать что хочет с этой девицей — у нее дома, у себя на улице д’Ассас, но только не в «Феродьер», не в этом доме, полном воспоминаний! С его стороны это было отсутствием такта, надругательством. По его вине Кароль чувствовала себя вдвойне преданной — и плотски и душевно. Она его ненавидела, ведь он не хотел уважать даже их прошлое. Вцепившись руками в руль, с жестким взглядом, она представляла себе поцелуи, сигарету после любви, открытое в сад окно!.. И все это было украдено у нее! Пока Кароль не знала, кто пришел ей на смену, она выходила из себя безадресно. Теперь она могла направить свой гнев на конкретное лицо! Эта девчонка была ужасна своим самодовольством, глупостью, молодостью! Маленькая светская потаскушка! Как он мог?.. У нее перехватывало горло от негодования. Ей казалось, что, если бы даже Жан-Марк вдруг чудом к ней вернулся, она предпочла бы скорее отомстить ему, чем принять обратно. Уже стемнело. По радио передавали Шопена или Листа, что-то очень романтическое. Франсуаза с Александром ужинают сегодня у них. Она опоздает. Ничего не поделаешь! «Остин-купер» исчез, растворившись среди десятков других маленьких красных огоньков. Кровавые светлячки. Движение на дороге постепенно усложнялось.

— До чего красиво! — сказала Олимпия.

— Что?

— Музыка! Действительно нынешняя по сравнению с этой…

Если бы Кароль предстояло снова увидеть Жан-Марка сегодня вечером за столом, она бы не выдержала. К счастью, он был занят. Каждый проведенный без него час оказывался для Кароль отдыхом. Это свидетельствовало о том, что она его больше не любит. На Капри она его почти начисто забыла с Мануэлем Сельвозой. Занятный тип, изысканный до скорби. Великолепный на теннисном корте, нудный в гостиной и безнадежный в постели. Двух недель хватило с лихвой. Ну и ну! Пробка у Орлеанских ворот! Все складывалось против нее.

— Ты завезешь меня домой? — спросила Олимпия.

Кароль сказала: «Конечно!» и сжала зубы. Олимпия жила в противоположной стороне, на авеню Ньель. «Это задержит меня еще как минимум на полчаса. Тем лучше. Пусть меня ждут!» Раз ей тошно, пусть всем будет так же!

Когда она приехала на рю Бонапарт, было без двадцати пяти девять. Консьерж помог ей поставить машину во дворе.

Филипп, Франсуаза, Александр, Даниэль собрались в гостиной.

— Наконец-то! Мы очень беспокоились! — крикнул оттуда Филипп.

На то, чтобы пойти извиниться, сострить что-нибудь, улыбнуться, переодеться, причесаться, уйдет время, так что вначале Кароль устремилась на кухню отдать распоряжения. Мерседес надевала пальто.

— Что случилось? — спросила Кароль.

— Я ухожу, — ответила Мерседес стальным голосом. — Я предупредила мадам, что сегодня должна уйти на четверть часа раньше.

— Это еще что за история?

— Мадам, может быть, забыла, но…

Охваченная приступом гнева, Кароль резко прервала ее:

— Доставьте мне удовольствие и сначала подайте ужин!

Пергаментное лицо, округлившиеся глаза, губы куриной гузкой, — Мерседес произнесла:

— Нет, мадам.

— Что?

— Я сказала, нет, мадам. Я имею право на личную жизнь. Мы тоже люди!

— Тогда убирайтесь немедленно! С этой минуты я больше не нуждаюсь в ваших услугах! — взвизгнула Кароль.

Довольствие, которое она испытала, выгоняя эту девчонку, после того как так долго отказывалась с ней расстаться, удивило саму Кароль. Напуганная этой внезапной бурей, Аньес втянула голову в плечи.

— Прекрасно, мадам, — сказала Мерседес. — Если вы хотите меня рассчитать…

— У меня нет времени. Приходите завтра утром.

— Завтра воскресенье!

— Вот именно! Месье будет дома! Он даст вам расчет.

— Мадам в самом деле хочет, чтобы меня рассчитал месье?

— Да что тут такого!..

— Ну, ну…

Аньес, пытаясь скрыть смущение, мешала деревянной ложкой в кастрюле.

— Вы обслужите нас, Аньес, — сказала ей Кароль.

И она стремительно вышла. Но даже после учиненной расправы ярость не утихала в ней. В груди гулко стучало.

Входя в гостиную, она объявила:

— Я вышвырну Мерседес за дверь!

Даниэль хотел пошутить, но свирепый взгляд мачехи заставил его передумать. Филипп заключил:

— Тебе давно было пора это сделать!

— Она придет завтра утром, чтобы ты ее рассчитал, — сказала Кароль. И, повернувшись к Александру, проговорила со вздохом: — Эти люди невыносимы!

Александр кивнул головой между двумя глотками виски. У него был такой вид, словно он в самом деле разделяет домашние проблемы Кароль. Но Франсуаза знала, с каким насмешливым высокомерием он относился к этим историям хозяек дома, которых бросила прислуга. С тех пор как Франсуаза вышла за него замуж, она жила в другом мире — со скромным комфортом, трудными деньгами, где радости и невзгоды резко отличались от тех, которые знали здесь. И она необъяснимо гордилась тем, что вырвалась из обстановки роскоши, в которой протекло ее детство.

За столом она была покорена Кароль. Дурное настроение, которое сделало бы некрасивой любую другую женщину, совсем не лишило ту шарма. Разумеется, свет ее глаз, ослепительный блеск зубов предназначался Александру, гостю. Очень скоро беседа превратилась в забавный фехтовальный поединок между ними двумя. Франсуаза следила за этим обменом словами со смесью восхищения и недовольства. Вечная потребность Александра расспрашивать и дразнить женщин,

провоцировать их реакцию, чтобы лучше изучить характер! Она уверена, тут это его любопытство не зайдет далеко. Тогда почему она мучается? Главное, не опуститься до мелкой мещанской ревности. Быть выше всего этого. Видеть впереди главное.

Аньес подавала блюда. Александр, умяв жаркое, положил себе еще два кусочка. Кароль скрыла досаду за тонкой улыбкой. Это, пожалуй, задержит ужин! Ей не терпелось поскорее выйти из-за стола и всех выпроводить! Конечно, Франсуаза и ее странный муж не всегда, наверно, наедались досыта. Бедная девочка совершенно увязла в интеллектуальном безденежье. Попавшая в переплет, задыхающаяся, потерянная. И даже не осознает этого. В один прекрасный день она позовет на помощь. Увы, теперь слишком поздно! Если бы только можно было уготовить подобную судьбу Жан-Марку! Александр закончил. Кароль нажала ногой под столом на кнопку звонка. На десерт был подан шоколадный мусс. Даниэль положил себе целую гору. Кароль обратила к нему искрящийся лукавством взгляд:

— Я попросила приготовить его специально для тебя!

Она чувствовала, что ненависть наполняла ее талантом. Даниэль ел очень быстро. Молодой лоботряс с грубыми манерами. Филипп ни к чему не прикасался. Очень гордился тем, что потерял пять килограммов за три недели! Он взялся за это сразу же после пасхальных каникул. Врач и друзья порекомендовали ему диету для похудания. Теперь он почти ничего не ел, глотал перед едой розовые и голубые пилюли, взвешивался каждое утро. Одержимость граммами. В его возрасте! Это смешно! К тому же он стал хуже выглядеть, после того как начал худеть. Торчащий нос, круги под глазами, выступающие челюсти. Кароль не могла взглянуть на него, не ощутив одновременно желания сказать, что это глупая одержимость. Но она оказала ему услугу и не стала этого делать. Да он в этом и не нуждался. Дрожь снова пробежала по ее телу, как тогда на дороге. Ее лихорадило. Нет, просто у нее в голове путались мысли. Никто и не подозревал, что с ней происходит. Достаточно было ей поговорить, улыбнуться, чтобы всех обмануть. Редкое удовольствие от двойной игры. Наконец стулья отодвинуты, кофе в гостиной и последние пятнадцать минут избитой болтовни.

Оставшись у себя в спальной наедине с Филиппом, она нашла, что вид у него еще более поблекший и усталый, чем за столом. Он посмотрел на себя в зеркало над камином и провел рукой по подбородку. Потом влез в свои слишком широкие брюки. Конечно, он стремился стать стройным не ради того, чтобы понравиться ей! Какая еще молодая дуреха, насмотревшись модных журналов, вбила ему в голову эту мысль? Он убирал живот, стягивал пиджак впереди… Наверняка собирался сказать: «Нужно будет сходить к моему портному…» Она решительно атаковала его:

— Сегодня днем я ездила в Бромей. Там был Жан-Марк с какой-то девицей!

— А? — спросил Филипп не оборачиваясь.

Вялость его реакции возмутила Кароль. Она повысила тон:

— Надеюсь, ты сможешь поговорить с ним! Я хочу, чтобы у меня была возможность спокойно приезжать в «Феродьер», когда мне захочется, не рискуя застать там твоего сына, занимающегося любовью с какой-то подружкой!

— Ты права, — ответил Филипп. — Он не должен туда ездить без предупреждения.

— Даже и с предупреждением! «Феродьер» — не бордель!

— Не преувеличивай! Естественно, что в его возрасте…

— Нет, Филипп!

— Что это ты вдруг стала ригористкой! — удивился он.

Она метнула на него взгляд, острый как лезвие ножа.

— Кто эта девушка? — спросил Филипп.

— Валерия де Шарнере.

Он засмеялся:

— Я был в этом уверен! — И, повернувшись на каблуках, добавил: — Она в него вцепилась! Я не удивлюсь, если в скором времени он предложит ей пожениться!

Бездонная пустота внезапно образовалась в душе Кароль. Все потускнело. Незримо подступил страх. Она была не в силах больше сдерживаться:

— Это невозможно!

— Почему?

— Он… он не любит ее!

— Откуда ты знаешь?

— Во всяком случае, это было бы абсурдом… идиотизмом!..

Она метнула эти слова с такой силой, словно они царапали ей рот.

— Я не нахожу, — задумчиво пробормотал Филипп.

— Как ты можешь?.. Тогда ты сам себе противоречишь!

— Ну нет!

— Ты ему сто раз повторял, что мужчина губит свою карьеру, когда женится слишком молодым!

— Зависит от того, на ком!

— А что в ней такого особенного, в этой маленькой дурочке?

— Она дочь Шарнере; фармацевтические лаборатории Шарнере-Дюпуйи — это кое-что!

— А его занятия правом?

— Он их продолжит для приличия. Но, если он войдет в семью Шарнере, сомневаюсь, что ему будет необходим для жизни юридический диплом!

— Ты мне противен, — прошептала она.

— А ты меня удивляешь. Ты не нашла ничего, чтобы возразить против жалкого брака Франсуазы, а когда тебе говорят о превосходной партии для Жан-Марка…

Она заупрямилась:

— Жан-Марк мужчина… Незаурядный парень… Было бы… было бы прискорбно, если бы он женился по безрассудству… Даже если родители этой девчонки богаты. Особенно если они богаты!.. Вместо того чтобы всего добиться собственными способностями, он будет обязан своим связям… А поскольку у него слабый характер, то он станет неудачником, светским неудачником, который удовлетворен собой, — самый ужасный тип!.. Ты не можешь этого желать для него, если ты любишь своего сына!..

Филипп пожал плечами:

— Если ты думаешь, что я имею на него хоть какое-то влияние!..

— Конечно, имеешь! Надо остановить это дело, пока еще есть время! Я видела их обоих! Они изображают семейную пару! Особенно она!.. Ужасная шлюха… Претенциозная, высокомерная. Спит по расчету, как все потаскухи ее возраста. Впрочем, не такая уж и хорошенькая. Слишком короткий нос, торчащие коленки…

Кароль замолчала, понимая, что переходит границы. Ей не хватало дыхания. Она сняла с шеи свое жемчужное ожерелье и положила его на камин. Затем принялась ходить по комнате, мягкое освещение в которой поддерживалось единственной включенной лампой.

— Не доводи себя до такого состояния! — сказал Филипп. — Может быть, Жан-Марк вовсе и не намерен жениться.

— Да! Но она?..

— Этого недостаточно!

— Если эта девица действительно захочет!..

— Хорошо! Я поговорю с Жан-Марком.

Он задержал Кароль и хотел заключить ее в свои объятия. Она увидела приближающееся к ней исхудавшее лицо мужа. На запавших щеках у него резко лежали две морщины. Пристежной воротничок отходил от шеи. Ее охватил ужас.

— Нет, — сказала она.

Филипп странно посмотрел на нее. Она прочитала на этой маске увядшего молодого человека обиду отвергнутого самца. С чего это у него к ней возникло желание? После того, как она обрисовала перед ним постельные приключения Жан-Марка? Или после того, как он увидел за столом свою дочь с мужчиной, с которым она делит постель? Вероятно, этот любовный аромат молодости внезапно пробудил у него аппетит.

Он предпринял еще одну попытку.

— Оставь меня! — обрезала Кароль. — Я устала…

Она села в кресло и утомленно приложила руку ко лбу. Злобная улыбка исказила лицо Филиппа. Он прошел в ванную. Она услышала, как он раздевается. Затем раздался сухой щелчок: он встал на весы.

III

Филипп положил деньги на стол и протянул Мерседес платежный бюллетень.

— Распишитесь здесь, — сказал он.

Она водрузила на нос очки в черной оправе (она не носила их на службе!) и с недоверчивым видом стала изучать его подсчеты. «Какая мерзкая рожа!» — подумал Филипп. Он никогда не разглядывал ее с таким вниманием. По-видимому, она надеялась разбудить всех, явившись в воскресенье в восемь тридцать утра. Но Филипп уже встал. Только надел халат и принимал ее в кабинете. Она продолжала стоять перед ним в своем плаще баклажанового цвета, перетянутом на талии, и читала, читала…

— Ну так что? — переспросил он с нетерпением.

— Месье забыл, что я имею право на два оплачиваемых выходных в месяц, плюс надбавка за расходы на жилье и питание! — сказала она наконец резко.

— Все это учтено в третьей строке, в графе «Разные доплаты», — сказал Филипп.

— Это не «разные доплаты»…

— Не играйте словами.

— Если в этом доме кто-то и играет, то, конечно, не я, месье, ведь речь идет о моем заработке. Мне нужно подробное перечисление…

Он со злостью взял платежный бюллетень, дополнил его на полях и вернул ей. Мерседес вынула из сумки бумажку и сравнила собственные выкладки с вычислениями Филиппа. Ее губы быстро шевелились. Она повторяла цифры по-испански.

Через минуту она сказала:

— А транспортные издержки? О них вы забыли?

— Верно, — сказал он. — Сколько?

— Тридцать семь франков семьдесят пять сантимов.

Он исправил сумму и буркнул:

— Все?

— Да, месье.

— Тогда подпишите.

— Зачем?

— Затем, что я хочу иметь подтверждение, что сегодня вам хорошо заплатил!

— Но вы мне пока еще не заплатили!

— А это? — спросил он, указывая на деньги, лежащие на столе.

— Не хватает транспортных!

Он добавил тридцать семь франков семьдесят пять сантимов. Она долго считала деньги, пересчитала их, положила в сумку, нацарапала неразборчивую подпись на копии платежного свидетельства. Затем, выпрямляясь, спохватилась:

— А мой сертификат, месье?

Он забыл об этой последней формальности. Вырвав листок из своего блокнота, он размашисто написал на нем, что мадемуазель Мерседес Маретта с такого-то по такое-то число работала у него горничной и что она от него уходит, свободная от каких-либо обязательств. Читая этот лаконичный текст, Мерседес чуть усмехнулась.

— Это все, что месье нашел нужным отметить в моем сертификате?

Кончиками пальцев она помахала перед собой листком, как веером.

— Да, это так! — рыкнул Филипп. — И я даже считаю, что был чересчур снисходителен! Если бы я захотел сказать все, что думаю, мне пришлось бы добавить, что вы самый неприятный человек из всех, которых я знал в жизни.

Лицо Мерседес даже не дрогнуло.

— Месье недоволен моей работой? — спросила она вкрадчиво.

— Да, и еще как! — воскликнул он. — И если бы это зависело только от меня, то вы и двух дней не остались бы в этом доме!

— Так что, меня держала мадам?

— К несчастью, да!

— Она такая хорошая, мадам! Правда, ей прямая выгода меня держать. Ведь я о ней столько знаю!

Филипп поднялся из-за письменного стола и показал ей на дверь:

— Уходите!

— Месье не интересно узнать, что он рогатый?

Она произнесла слово «рогатый» по-испански. Дьявольское ликование сверкало в ее глазах.

— Злоба делает вас идиоткой, моя бедная девочка, — произнес Филипп, не давая гневу вырваться наружу. — Уходите, если вы не хотите, чтобы я вас вышвырнул.

— Вы, может, считаете, что я придумываю? — заикалась она. — Вам нужны подробности? А если я вам скажу, что мадам спит с вашим сыном?

Это уже было слишком! Филипп сжал кулаки, обогнул стол и двинулся на Мерседес.

— Не прикасайтесь ко мне, — буркнула она. — Или я закричу. Подниму весь дом. Позову полицию…

Он схватил ее за локоть и потащил из кабинета.

— Вы мерзавка! — процедил он сквозь зубы.

Гримаса ненависти и ужаса обезобразила лицо Мерседес. Она отбивалась, спотыкалась и вопила, следуя за Филиппом:

— Мерзавка — это мадам! Я видела ее с месье Жан-Марком! О! Это было некрасиво, поверьте мне! Она спала с ним здесь, потом в его комнате на улице д’Ассас! Если не верите мне, можете спросить Аньес, которая убиралась у месье! Она нашла там вещи мадам! Чулки, носовые платки, нижнее белье…

Она задыхалась, путаясь в гнусных подробностях. Дотащив эту взбешенную фурию до холла, Филипп вышвырнул ее на лестницу, захлопнул дверь и остановился, оглушенный. Он удивился, что слова сопливой служанки смогли причинить ему

столько боли.

— Дрянь! — прошептал он для облегчения. — Дрянь!..

Затем он вернулся в спальню. Кароль уже не было в постели. Из ванной доносился шум бегущей воды. Дверь была оставлена открытой. Но Филипп не переступил порог. Побоялся ли он застать Кароль обнаженной в ванной? Словно парализованный, он рухнул в кресло рядом с еще не застланной кроватью.

— Филипп, это ты? — раздался голос Кароль.

— Да.

— Все нормально прошло с Мерседес?

— Да, да…

— Мне тут еще на две минуты! Будь добр, распорядись насчет завтрака!

Он встал, дернул два раза за шнур звонка, висевший в алькове, и снова сел. Шок прошел, ярость остыла, он чувствовал себя ослабшим, раненым, отравленным. Как будто надышался в этой комнате смертельных миазмов. Чем больше он размышлял, тем сильнее обострялась его тревога. Обвинение, брошенное Мерседес, было совершенно невероятным. Но тогда чем объяснить гнев Кароль против Жан-Марка накануне вечером? Когда она говорила о Валерии, не было ли у нее интонаций ревнующей женщины? «Ну нет, я смешон! Кароль и Жан-Марк! Полная чепуха!» Он окинул взглядом смятые простыни, пару подушек, зеркало в золоченой раме, шерстяное одеяло, картины в слащавом вкусе XVIII века, и эта дамская обстановка показалась ему ужасной.

В дверь постучали. Это была Аньес с завтраком на подносе. Он посмотрел на нее, словно увидел впервые. Грузная, непроницаемая, вызывающая беспокойство.

— Куда мне поставить поднос, месье? — спросила она.

— На кровать. Спасибо, Аньес.

Она вышла. Он вспомнил, что по утрам ему нужно принимать натощак диуретик. Флакон стоял на ночном столике. Две пилюли. Он проглотил их.

Появилась Кароль, закутанная в банный халат, с розовым полотенцем, закрученным тюрбаном на волосах. От нее пахло скошенной травой. Лицо без косметики выражало свежесть мысли, цветущую радость кожи, признаки удовольствия, которое она получила, совершая свой туалет.

Она скользнула в постель, притянула поднос на колени, налила кофе, молока, приподняв губу, откусила тост, смакуя его.

Филипп пил утром только чай.

— Ты действительно ничего не хочешь съесть? — спросила она.

Филипп покачал головой — диета! Он держал в руке чашку и мрачно смотрел, как в золотисто-коричневой жидкости растворяется таблетка сахарина. Первый глоток чая, крепкого и горячего, вернул ему самообладание. Не достаточно ли вернуться к каким-то обыденным действиям, чтобы изгнать видения? Когда тело обретает свои привычки, настроение постепенно исправляется. Он наблюдал за Кароль. Она пила кофе с молоком, как ребенок, обеими руками сжав с двух сторон чашку. Были видны только дымчато-серые глаза над белым фарфором. Халат расходился у нее на груди. Она была спокойна, естественна, невинна.

Зазвонил телефон.

— Возьми трубку, — сказал он.

— Нет, — ответила Кароль. — Ты!

Он встал и подошел к телефону.

— Алло!

— Алло, папа? Как дела?

Это был Жан-Марк. Филипп почувствовал легкое подергивание в груди и пробормотал:

— Все в порядке… А у тебя?

— Прекрасно. Я хотел бы тебя попросить: ты не мог бы дать мне сегодня машину?

— Зачем?

— У меня вчера случилась авария с «остин-купером» Валерии. Думаю, полетел распределитель зажигания. А сегодня воскресенье, гаражи закрыты. Такая глупость! Мы собирались прокатиться нашей компанией. Тогда, если бы ты смог…

— Подожди, — сказал Филипп, — поговорю с Кароль. — Он положил руку на микрофон и сказал, обратившись к жене: — Жан-Марк хотел бы взять машину.

— Ах, нет! — воскликнула она.

— Почему? Она тебе нужна?

— Да.

Филипп повернулся к аппарату:

— Невозможно, старик! Кароль она нужна. Сочувствую…

Положив трубку, он снова сел, закинул ногу на ногу и на какое-то время умолк. Кароль выпила кофе и поставила поднос на кровать, рядом с собой.

— Что ты сегодня собираешься делать? — спросил Филипп.

— Ничего.

— Тогда почему ты не захотела, чтобы я дал машину Жан-Марку?

— Ты не находишь, что уже хватит этих развлечений вверх ногами в Бромее? — спросила она.

В ее взгляде было столько злобы, что у Филиппа возникло чувство, будто ее подменили. Преображение происходило буквально на глазах, как в аттракционе фокусника. Ровно секунду спустя Кароль уже вернулась к своей первой роли. Улыбаясь, взяла с ночного столика журнал мод, открыла его и воскликнула:

— В этом году летняя мода будет ужасной!

Филипп пошел в ванную комнату. Пока он брился, слышал, как приходила Аньес, чтобы забрать поднос после завтрака. В зеркале его удивило собственное лицо. Он ли это, худой, потрепанный человек, взгляд которого молитвенно просил разъяснений? Он быстро завершил туалет, надел старый костюм из серой фланели, который любил надевать по воскресеньям, и вернулся в комнату, где Кароль все еще читала. Она даже не подняла на него глаза. Он вышел, пересек гостиную и направился в кухню.

Посуда была вымыта и расставлена. Все было в полном порядке. Аньес уже ушла. Он открыл дверь и стал подниматься по черной лестнице. Узкие ступеньки винтом поднимались между грязных стен. Дойдя до шестого этажа, Филипп остановился,

чтобы передохнуть, затем направился по коридору с низким потолком, освещенному слуховыми окнами, расположенными на большом расстоянии друг от друга. Чердачные помещения старого дома представляли собой лабиринт с резкими поворотами и неожиданными смещениями уровней. Плохо закрытый кран капал над ржавой раковиной. Из общей уборной несло капустой. За тонкими дверями кто-то спорил, пищали малыши, надрывалось радио. Много раз между совладельцами дома обсуждался вопрос о том, чтобы привести в порядок и отремонтировать этаж для прислуги. Но никогда не могли собрать кворум, чтобы проголосовать за проведение работ.

Филипп даже не знал точно, где живет Аньес.

Слева или справа находится комната 27? Он повернул налево и оказался на ступеньку выше. Внезапно Филипп представил себе всю странность своего появления перед этой дверью. Он подумал секунду, затем постучал.

— Кто там? — спросил голос Аньес.

— Это хозяин, — ответил Филипп.

— Ах, одну секунду…

Дверь открылась в маленькую комнату на мансарде, с розовыми обоями в полоску. Между железной кроватью и туалетным столиком стояла Аньес, вся в черном, в шляпке из фиолетовой соломки. За ней на стене висело распятие, самшитовая ветка и приколотые в шахматном порядке благочестивые картинки.

— Вы уходите? — пробормотал Филипп.

— Я иду к мессе, месье.

Он никогда не думал, что Аньес набожна, и вообще, что у прислуги может быть личная жизнь вне дома.

— Я вас не задержу надолго, — сказал он. — Вы два раза в неделю ходите убираться к моему сыну, на улицу д’Ассас…

— Да, месье, — промямлила она.

— Что вы там видели?

— Но… ничего…

Он наставил на нее указательный палец и испепелил инквизиторским взглядом:

— Нет, Аньес!.. Вы о чем-то сказали Мерседес!.. Я хочу, чтобы вы повторили это передо мной!.. Что вы там видели?..

Она не ответила. Ее верхняя губа затрепетала, словно кусок желатина. Все морщинки на лице пришли в движение. Филипп наклонился над ней и продолжал настаивать:

— Одежду мадам? Белье мадам?

Поток слез хлынул из-под ресниц Аньес. Она опустила голову и шмыгнула носом:

— Да, месье.

— Вы в этом уверены?

— Да, месье… Но это было давно… В прошлом году… О! Месье… Я не должна была!..

Она зарыдала.

— Спасибо, Аньес, — сказал он.

И стремительно удалился. Снова лабиринт. Стены, наполовину шоколадного, наполовину бежевого цвета, закоулки, повороты. Где же выход? Филипп долго бродил по этой плохо освещенной кишке, где номера дверей не следовали один за другим. Больше не доносилось ни голосов, ни музыки. Тут никто не жил. Здесь были склады мебели, шкафы для тряпья, чуланы с крысами, логова пауков. Конечно, он пошел не в ту сторону. Заблудиться на этаже прислуги! Он возвратился и снова прошел мимо комнаты Аньес. Лестница. Хорошо. Ступеньки прогибались под тяжестью его веса. Когда-то он испытал такое же чувство тошнотворной качки, пересекая Атлантику на теплоходе «Queen Mary» во время шторма.

Лестничная площадка третьего этажа. Филипп толкнул дверь, прошел как сомнамбула через всю квартиру и остановился перед кроватью, где Кароль листала иллюстрированные журналы. Впервые он видел в ней уже не женщину, которую надо любить, обманывать, а врага, которого надо уничтожить.

— Я подозревал, что ты путаешься с кем попало, — сказал он. — Но то, что я узнал теперь, превосходит мою фантазию. Как ты могла оказаться такой… такой омерзительной, что набросилась на Жан-Марка, на моего сына?

Это слово застряло у него в горле. Едкий вкус наполнил рот. Если горе примешается к его гневу, ему придет конец. Он с силой напряг мускулы, сжал челюсти. Кароль подняла свою замотанную в тюрбан красивую голову и выкрикнула презрительным голоском:

— С чего ты взял? Ты бредишь?

Такое лицемерие совсем сбило его с толку.

— Может быть, это неправда? — закричал он.

Она выдержала взгляд. Несколько мгновений они смотрели друг на друга в молчании. Затем он сообразил, что, переходя от одной лжи к другой, они легко дойдут до разрыва, что Кароль тоже на пределе, что она не сможет больше ничего отрицать. И тут она отбросила одеяла, встала, выпрямилась перед ним. Безумный блеск пронизал ее зрачки. С каким-то дурным облегчением, злобной мягкостью она произнесла, медленно шевеля губами:

— Нет, это правда, Филипп! И я об этом не жалею! Ты такой негодяй, что не имеешь права никого ни в чем упрекать! Особенно меня! Ты доставил мне слишком много боли, годами обманывая меня с разными потаскухами! Но я ничего не говорила! Я терпела! А теперь стерпишь ты! Я ненавижу тебя! И твой сын тебя ненавидит! Мы хорошо посмеялись над тобой!..

Высоко держа голову, в своем белом халате, она говорила, говорила, муссировала свои упреки, старалась разбередить рану. И он позволил ей говорить, убитый разоблачением. Теперь у него уже не было даже остатков сомнения. Раздавить ударом кулака это лицо маленькой зловредной самки? Для чего? Он слишком презирал ее, чтобы в самом деле на нее злиться. Но тот, другой, Жан-Марк? Сын, которым он так гордился! Как он мог?.. Филипп смутно сознавал, что стоит в комнате темно-розового цвета, где раздается чей-то голос, который злоба подчас делает пронзительным. Его сердце налилось свинцом и сильно билось. Острая боль застряла между ребрами. Скорее бежать отсюда. Не видеть больше Кароль, дышать не отравленным ее присутствием воздухом. Не говоря ни слова, он вышел.

Шум и дорожное движение на рю Бонапарт взбодрили, захватили его. Он шел без всякой цели и думал о Жан-Марке, занимающемся с Кароль любовью. Отчетливость образов леденила его. Его собственный двойник проникал в тело его жены. Это было ужасно, нестерпимо! Она была достаточно порочна, чтобы сравнивать двух мужчин. Несомненно, даже находила больше удовольствия в юношеских упражнениях своего пасынка, чем мужа. Она, конечно, говорила об

этом Жан-Марку, у которого от ее слов кружилась голова. Он считал себя героем греческой трагедии. А был лишь маленьким негодяем, трусливым и бесхарактерным. Карманным воришкой. Сколько кривлянья он разводил перед отцом на протяжении долгих месяцев! И это он, Филипп, платил за его комнату. Он раскошеливался, чтобы сыну было удобнее забавляться с его, Филиппа, женой. Его принимали за дурака! Именно это, пожалуй, и есть самое горькое! Отвращение усиливало страдания. Досада умножала гнев. Одураченный, обманутый, осмеянный, он вновь обретал всю душевную силу. Он остановил проезжающее такси, нырнул в него и рухнул на сиденье.

— Куда едем? — спросил таксист.

Жан-Марк натянул старый свитер горчичного цвета, завязал вокруг шеи темно-зеленый шарф, посмотрел на часы и убедился, что в очередной раз опаздывает. Он должен был в десять часов забрать из дома Валерию, а было уже двадцать минут одиннадцатого. Ну что же, она привыкла! Впрочем, для того, чем они сегодня будут заниматься без машины… Жан-Марк вышел из комнаты и закрыл дверь. Дойдя до конца коридора, он вздрогнул. Отец тяжело, ступенька за ступенькой, поднимался ему навстречу, держась за перила.

— Что случилось, папа? — обеспокоенно спросил Жан-Марк.

Филипп ступил на площадку и выпрямился. Он дышал порывисто. Лицо его было серьезным.

— Вернись-ка, — сказал он. — Мне нужно поговорить с тобой.

Жан-Марк возвратился в комнату вместе с отцом, который следовал за ним. Едва прикрыв дверь, он почувствовал нарастающую тревогу. Ледяной взгляд пронизал его насквозь. Со сведенным судорогой лицом Филипп неожиданно закричал:

— Ты хорошо посмеялся надо мной вместе с Кароль!

В тот же самый момент он поднял руку. От пощечины, влепленной со всей силой, в черепе у Жан-Марка зазвенело. Он зашатался. Вкус железа наполнил рот. Его левая щека горела. Он отпрянул к стене, ноги у него стали ватными. Отец тяжело дышал, черты его были искажены. Ударит ли он еще раз? Нет, овладел собой, мертвенно-бледный, обрюзгший, застывший. В его глазах уже была не смертоносная искра, а безмерное отвращение.

— Даже не думай появиться в доме, — сказал он задыхаясь. — Я не хочу тебя больше видеть… Даже слышать о тебе не хочу… Никогда, никогда!.. Ты и я вместе — с этим покончено, ты понял?.. Покончено!

Секунду спустя дверь хлопнула. Жан-Марк остался один, совершенно без сил, в ушах звенело, как после смерча. Стремительность и жестокость всей этой сцены оставила у него впечатление ирреальности. Одно было несомненно для него: вся его жизнь обрушилась в две секунды. Было что-то пагубное в этой запоздало грянувшей истине. Ну почему произошло так, что катастрофа, которой он опасался на протяжении всей своей связи с Кароль, случилась после того, как он порвал с ней? Теперь он платил за то, в чем уже не был виновен. И даже не мог привести в доказательство своей невиновности то, что все уже в прошлом. Не существовало никаких сроков давности для подобного преступления. Он навзничь упал на кровать и лицом зарылся в подушку. Слезы обжигали его глаза. Кто рассказал отцу? «Не имеет значения! Как он, наверно, страдает! Как презирает меня! Как ненавидит!» Сознание собственной низости отнимало всякое желание оправдываться, бороться, жить. Жан-Марк перевернулся на спину, закурил сигарету. У дыма был солоноватый привкус. Что с ним будет? Изгнанный из семьи, опозоренный, проклятый!.. Трещина на потолке. Спокойная неказистая мебель. Только дерево, железо, безликая ткань. «Я — негодяй». Он был негодяем, как другие были брюнетами или блондинами, подагриками или гомиками. Ему

захотелось потушить сигарету о собственную руку, чтобы испытать свое мужество! Он медленно приблизил ладонь к горящему концу. Осталось преодолеть два сантиметра. Его оттолкнул страх. Он затушил окурок в пепельнице. В то же время подумал, что на самом деле никогда не собирался обжечь себя этой сигаретой, просто играл, чтобы внушить себе страх, что как в малом, так и в крупном был трусом. Теперь он уже не плакал. Его страдание было слишком глубоким, чтобы истечь в слезах. Шли минуты, а он даже не думал посмотреть на часы. Слабое тиканье терзало вену на его запястье. Потому что его будущее пошло теперь прахом!.. Всякий раз, когда он пытался стряхнуть с себя этот омерзительный гнет, он снова видел перед собой бледную маску с налитыми кровью глазами, чувствовал жар на своей щеке. Ему никогда не избавиться от отцовской пощечины! Всю жизнь, день за днем… Поглощенный своими мыслями, Жан-Марк едва услышал стук в дверь. Голос позвал его:

— Жан-Марк! Ты здесь?

Он узнал Валерию, с досадой встал и пошел открывать.

— Я ждала тебя больше часа, — сказала она входя. — Что случилось? Что у тебя за вид?

— Мне ужасно противно, — сказал он.

— Почему?

— О, ничего…

— Ну нет, скажи мне!

Он заколебался, потом нехотя буркнул:

— Я поругался с отцом.

— Из-за чего?

— Да скверная история!

Валерия улыбнулась. Догадалась? На это она была способна! У девушек такая интуиция! Нет, она не знала. Просто делала вид. Чтобы его подразнить. Она все еще улыбалась. «А если бы я ей сказал, до чего я дошел?!» Это намерение ужаснуло, возмутило Жан-Марка. У него возникло грязное желание соскользнуть еще ниже, узнать, до чего он может опуститься.

— Какая скверная история? — спросила она. — Объясни…

Он услышал, как прошептал:

— Это из-за Кароль.

— Твоей мачехи?

— Да, я с ней спал. Отец узнал. Я настоящий негодяй, да?

Он наблюдал за реакцией Валерии. Она какое-то мгновение молчала. Затем улыбнулась, сощурила глаза и сказала:

— Представь себе, я в этом не сомневалась! Она скорчила такую рожу, когда увидела нас в Бромее! Она влюблена в тебя как корова, эта тетка!

Валерия смотрела на него, наклонив голову, с воодушевленным и лукавым видом. «Это как раз та реакция, которая у нее и должна была быть!» — подумал он с разочарованием.

— Конечно, — продолжала она, — твой отец и не мог оценить! В его возрасте это не

смешно!

— Что, как ты сказала, не смешно?

— Какая белиберда! Ладно, не думай больше об этом! Все уладится!..

Она прильнула к нему, плотно прижавшись грудью. Он обнял ее. Невозможно! Его отец как будто еще присутствовал в комнате, все видел… А, ладно! Тем более! Он ощутил своим ртом бархат ее губ, которые сами себя предлагали. Внезапно отяжелевшая, она потянула его к постели. Такого он не предполагал. Но не наилучший ли это был способ забыть обо всем? Падение, ночь, погружение… Он занимался любовью с ней так, словно утолял жажду мести. Потом, опустошенному и подавленному, ему стало еще омерзительней. Валерия мылась и причесывалась за ширмой.

— Я страшно хочу есть! — сказала она.

IV

Звонок, что ли, сломался? Даниэлю казалось, что урок алгебры у Меринасса тянется больше часа. Как назло, он забыл свои часы дома. А Лорана Совло, его соседа, который мог бы ему подсказать, не было уже два дня: заболела печень, сказала Даниэла. Этот-то когда начал обжираться? Даниэль повернулся вполоборота и прошептал через плечо:

— Сколько на твоих?

Сидевший за ним Дебюкер ответил:

— Еще десять минут!

Ужасный Меринасс прекратил писать на черной доске, уронил руку, длинный, сухой, одетый в серое, похожий на телеграфный столб, и произнес резким голосом:

— Что вы хотите сказать, Эглетьер?

— Я спросил время, месье.

— Вы спешите?

Даниэля пронзило внезапное желание фарса и бравады. Лицо его озарилось, и он ответил:

— Да, месье, у меня свидание.

Самое главное, что это была правда: в Люксембургском саду его ждала Даниэла. Класс лопнул от смеха. Даниэль выпятил грудь. Успех у товарищей утешил его после плохого балла за сочинение. Теперь, когда до экзаменов на бакалавра оставался всего месяц, у него сложилась спокойная уверенность в том, что провала ему не избежать.

— Вы остаетесь в четверг на вторую половину дня, — постановил Меринасс, — так же как ваш приятель Дебюкер, которому пришла в голову великодушная идея вам ответить.

Нисколько не огорченный, Даниэль, тем не менее, воздал должное традиции молящих жертв:

— О нет, месье!.. Это несправедливо, месье!.. В пятницу контрольная по географии, месье!..

И он подумал, что самое простое было бы со следующего дня «представиться больным», с тем чтобы об этом было сообщено в лицей! Дома он смог бы просмотреть все самые важные части программы под аккомпанемент каких-нибудь хороших джазовых дисков. Отец, у которого голова забита другим, подпишет ему любые извинительные записки, какие потребуются.

— Продолжим, — сказал Меринасс. — Мы видели, что для того, чтобы была асимптота, нужно, чтобы имелось асимптотическое направление. Если асимптотическое направление обозначим *O*, уравнение…

Даниэль склонился над своей тетрадью, но, вместо того чтобы выписывать цифры, его перо рисовало женские профили в нижнем поле страницы. Некоторые были похожи на негритянок. Он подумал, что в целом у него был какой-то грустный год. Ему не хватило времени, чтобы исправить доклад для фонда Зелиджа, и премию ему, скорей всего, не дадут. Он даже не сможет рассчитывать на стипендию для второй экспедиции! К тому же что ему остается делать в его ситуации? Даниэла упросила его устроить все так, чтобы присоединиться к ней этим летом на Лазурном берегу, где она проведет каникулы с родителями. Он не мог ни в чем ей отказать теперь, когда она стала его любовницей. Другой щекотливый вопрос: его

отношения с Лораном Совло. То, что он спит с сестрой приятеля, пробудило в нем угрызения совести. Если бы Лоран узнал правду, он бы рассвирепел, загорелся бы желанием набить Даниэлю морду, а поскольку Даниэль был самый сильный, то досталось бы — несправедливо — Лорану. Значит, лучше ничего ему не говорить. Но ничего не говорить значило обманывать его. А обманывать друга — это серьезнее, чем обманывать женщину! В такие моменты начинаешь понимать, что театр Корнеля — не такой уж ненатуральный!

Долгожданный звонок поднял Даниэля из-за парты.

Если поторопиться, он еще застанет брата на выходе из здания старого факультета, где проводились занятия третьего курса. Это было в трех шагах от лицея Сен-Луи. По средам у Жан-Марка с 15.15 до 16.15 бывал курс гражданского права. Даниэль ринулся по лестнице. Обгоняя приятелей, выбежал на бульвар Сен-Мишель, повернул на улицу Кюжа и остановился, застыв перед разноликим потоком студентов, который медленно выливался из Института права. У большинства из них вид был серьезный и усталый. Группы образовывались вокруг девушек. Даниэль заметил своего брата и Дидье Коплена, которые спускались по ступенькам. Он встретил их с широкой улыбкой. Но Жан-Марк был не очень любезен.

— Ты чего тут? — спросил он коротко.

Даниэль понял, что попал некстати. Неуверенно спросил:

— Ты не мог бы дать мне ключ от своей комнаты?

— Нет, — ответил Жан-Марк. — Мне она нужна сегодня во второй половине дня.

— А завтра?

— Завтра тоже.

— Ты знаешь, мы пробудем только час или два…

Жан-Марк с твердой решимостью покачал головой. Даниэль скорчил гримасу. Конечно, если брат ладит с девушкой, комната никогда не будет свободна. Эта Валерия, вот прилипала!

— Ладно, — сказал он, — тогда пока!..

Широким шагом он направился к Люксембургскому саду.

Даниэла ждала его, сидя на скамейке в условленном месте, около большого бассейна.

— Ничего не вышло! — сказал он, подходя.

— С чем?

— С комнатой. Она нужна брату.

Женщина молодая и застенчивая, Даниэла не могла слишком явно показывать свое разочарование. Все же облачко грусти затуманило ее взгляд. Она меланхолически улыбнулась:

— И здесь хорошо.

Даниэль кивнул на серое небо и предрек:

— Через десять минут польет.

— Пойдем куда-нибудь в кафе? — предложила она.

— У меня нет ни гроша.

— Тогда к тебе.

— О нет! Это невозможно!

— Почему?

— К Кароль сейчас не подступиться! Не могу понять, что произошло у них с отцом! Но уверяю тебя, это не на шутку. Спят в разных комнатах и физиономии постные! Если я приведу тебя при ней, будет неприятность.

Он сел рядом с Даниэлой и вздохнул, ощущая себя влюбленным клошаром. Какая ужасная судьба для человека, дожившего до восемнадцати лет, — встретить женщину, о которой мечтал, и быть не в состоянии предложить ей обстановку, достойную той страсти, которую она ему внушила! Внезапно все проблемы на свете свелись к одной: крыше над головой, чтобы остаться наедине! А ведь столько площади пропадает в Париже! Пятнадцатикомнатные квартиры, где прозябают по паре каких-нибудь трясущихся предков, пустые комнаты прислуги, свободные служебные конторы… Голова закружилась от мысли об этой жилищной несуразице. Желание Даниэля упиралось в городские камни, в эгоизм родителей, в правила приличия — во все то, что придумали старики, чтобы помешать молодым наслаждаться жизнью. Возвышавшиеся по аллеям белые статуи на фоне зеленеющей листвы прекрасно стояли себе обнаженными под открытом небом. Он позавидовал их мифологической бесцеремонности. Потом крепко обнял Даниэлу за плечи, притянул ее к себе, поцеловал в щеку, в губы. Она слабо защищалась, в смущении от попадающихся встречных прохожих. Но никому не было до них дела. Он прижал ее сильнее и прошептал:

— Дани, моя Дани!

Он называл ее так с тех пор, как они стали близки физически. Она возмущалась:

— Нет, не Дани! Я терпеть этого не могу!

— Ты не права! Это не менее роскошно, чем Даниэла! Дани! Тебе идет! Моя маленькая Дани!

Упали первые капли дождя. Он с досадой пробормотал:

— Ну вот, дождь!

— У меня идея, — сказала Даниэла. — Я пойду домой. А ты придешь минут через десять, как будто бы навестить Лорана. Он будет счастлив, мои родители увидят в этом только проявление внимания…

Даниэль нахмурил брови. Ему было неприятно думать, что Лоран, больной, припишет его визит дружескому порыву, тогда как он придет только лишь ради Даниэлы.

— Не очень-то честен по отношению к Лорану твой трюк, — сказал он.

— Почему?

— Он вообразит себе…

— Да ладно! Брось!.. Он будет счастлив!.. И я тоже, заодно!..

В ее взгляде искрилась радость, невинная и бесовская одновременно. Даниэль почувствовал, что сдается. Женщины так ловко умеют хитрить. Они подгибают мораль под свои желания, как корзинщик — срезанный ивовый прут.

— Согласен? — спросила Даниэла.

— Согласен, — сказал Даниэль с насупленным видом.

И он подумал о своем брате, который в этот момент, наверное, принимал Валерию у себя в комнате: ему-то вот ведь не надо было никому врать, чтобы быть счастливым!

— Лично у меня один шанс из пятидесяти, что меня примут! — пробурчал Даниэль.

— А у меня — один шанс из ста, — переплюнул его Лоран.

— Не очень-то вы веселы! — заметила Даниэла.

Брат строго посмотрел на нее:

— Ты считаешь, что нам есть от чего веселиться?

Он сидел посередине кровати, пижама распахнута на тощей груди, лицо желтоватого цвета, во взгляде присутствие катастрофы.

— Говорят, что на философском экзамены сдаешь одной левой! — вздохнул Даниэль. — Я растолковывал это своему отцу. Он и слышать не хочет. Для него существует только математический.

— Так же, как для моего! — сказал Лоран.

— Твоего я еще могу понять. Он инженер. Но мой-то! Он не способен отличить синус от косинуса, а меня хочет затолкнуть в науку. Это никуда не годится! Во всяком случае, если придется начинать все сначала, я буду заниматься на философском!

— Я тоже.

— Философский — это классно!

Они замолчали, с отсутствующим взглядом погрузившись в метафизическую мечту. Медленно крутился диск, каскадами высвобождая рыдания закупоренной сурдинкой трубы.

— И еще, — продолжил Даниэль, — на математическом очень много логики. Это самое мерзкое!

— Ну, в логике хоть есть интересные вещи. Разные формы рассуждений…

— Да… Но неразбериха в гипотетических, разделительных, соединительных умозаключениях… Для меня это слишком!

Сидящая на корточках около кровати Даниэла была покорена знаниями двух друзей. Даниэлю казалось странным видеть ее в комнате брата, окруженную семейными привычками и словно вернувшуюся к своему девственному состоянию. Неужели Лоран ничего не подозревает? Сколько времени может протянуться эта игра в прятки? Даниэль вдруг пожалел, что пришел. Он почувствовал, как в нем поднималось какое-то стародедовское недоверие парня, приглашенного к родителям подружки. Весь дом, где жила хорошенькая девушка, был похож на ловушку. Встречаться с Дани на нейтральной территории было надежнее.

— Ты по-прежнему рассчитываешь потом учиться журналистике?

— Да, — сказал Лоран.

— Ну, я бы тоже хотел заниматься журналистикой! Но журналистикой активной, понимаешь?

Даниэла бросила на него беспокойный взгляд. Несомненно, она уже вообразила, что он заброшен куда-то на задворки мира, а ее видит лишь между двумя репортажами.

— Журналистика — это не профессия, — заявила она.

Оба друга вскрикнули от возмущения.

— Ты городишь чепуху, старуха! — заявил ей Лоран.

Этот возглас шокировал Даниэля. Он отказывался допустить, что Дани была так же мало интересна для своего брата, как для него Франсуаза. В действительности же, если некоторые девушки бывали только сестрами, как Франсуаза, то другие, как Дани, были прежде всего женщинами. Своей улыбкой она буквально озаряла эту мальчишескую комнату. Не имея возможности сказать в эту минуту о своей любви, Даниэль адресовал ей пламенный взгляд. Лоран перехватил этот взгляд приятеля. Понял ли он что-нибудь? Если нет, то почему нахмурился? Даниэль почувствовал, как у него загорелись щеки.

— А если бы у тебя был способ купить темы экзамена, ты бы купил? — спросил Лоран.

Даниэль успокоился: «Он ничего не видел». Необходимость притворяться измучила его. Он чувствовал себя виноватым, неискренним и даже коварным.

— Нет, — сказал он, — это не годится!

— У тебя мораль отсталого стопоходящего! — сказал Лоран. — Надо быть прагматичным.

— Прагматизм — это не то!

— Ну, прости!..

Они яростно столкнулись, бросаясь философскими терминами как шпагами. В разгар дискуссии Даниэла встала, извинилась и выскользнула из комнаты. Стоило ей выйти, как спор затих. Лишившись публики, оба противника утратили боевой пыл.

— Не знаю, что я съел на днях, — сказал Лоран, — но меня подташнивает!

— До сих пор? — спросил Даниэль.

— Да, или потому что я голоден.

Он зевнул и почесал ногтями свою голую ногу с торчащими вверх пальцами. Даниэль закурил. В комнате Лорана было душновато.

— Да, это, наверно, оттого, что ты голоден, — сказал Даниэль. — Когда ты думаешь вернуться в лицей?

— Послезавтра. Что там нового?

— А, ничего!.. Дебюкер был первым по физике, первым по естест…

— Это как дважды два!

Воцарилось молчание. Даниэль подумал, что до знакомства с Дани ему никогда не бывало скучно с Лораном. Значит ли это, что любовь неизбежно портит дружбу? Оставшись наедине с приятелем, он поражался, до чего долго тянется время, подобно гостю за обедом, который с нетерпением ждет, когда принесут следующее блюдо. К тому же его не покидало чувство двуличия, предательства. Он мечтал о хорошем поступке, который поднял бы его в собственных глазах. Перевести слепого через улицу, уступить в метро место старушке… Воспоминания о

бойскаутском движении теснились у него в голове. Глупости! Он уже вырос из таких подвигов. «Если бы противопоказывалось спать с девушками, у которых есть братья, сколько их осталось бы в девственницах!» — подумал он лицемерно.

Дани вернулась вся улыбающаяся.

— Мама спрашивает, не хочешь ли ты остаться у нас сегодня вечером на ужин! — сказала она Даниэлю, останавливаясь на пороге.

Несколько сбитый с толку, он пробормотал:

— Это очень любезно с ее стороны… Не знаю… Да, пожалуй… Только мне нужно позвонить.

Она протянула ему руку:

— Пойдем!

— Постарайся выкрутиться, старик! — сказал Лоран. — Это будет отлично!

Даниэль позволил увести себя к телефону, который помещался в прихожей на маленьком столике. Стоя рядом, Дани щекотала ему согнутым пальчиком впадину уха.

— Перестань, — сказал он, — иначе я уже не сдержусь!

По телефону ему ответила Кароль. Даниэль ожидал некоторых сложностей с ее стороны. Но она сухо сказала: «Ладно» и повесила трубку.

Едва он закончил разговор, как Даниэла быстро поцеловала его в губы. Он испугался и обернулся. Обе двери, ведущие в прихожую, были закрыты. Несомненно, девушки гораздо смелее в родном доме, где им знаком малейший шум.

— Я страшно рада, что ты смог все уладить! — сказала она.

Даниэль сделал вид, что тоже рад, но его сомнения возрастали: теперь, когда брат обманут, предстояло обманывать родителей! Он вернулся с Дани в комнату к Лорану и до обеда мучился оттого, что не мог увязать удовольствие провести вечер в семействе Совло с внутренней потребностью в честности.

Госпожа Совло, которую дети называли просто Марианна, пришла узнать, как дела у сына. Он уверил, что чувствует себя лучше и хочет есть. Но мать не поддалась уговорам — для него будет только овощной бульон с сухариками. Она была высокой, крупной брюнеткой со светлыми, слегка раскосыми, как и у дочери, глазами. Даниэль, совершенно не обративший на нее внимания в прошлом году, когда был представлен ей, теперь таращил на нее глаза — как-никак мать любовницы! Она поинтересовалась его успехами в учебе, Лорану посоветовала надеть халат и причесаться, если он не хочет вызвать недовольство отца, ласково провела рукой по щеке Дани и увела всех в гостиную.

Господин Совло сидел в кресле сбоку у камина и читал детектив. Это был любитель курить трубку и размышлять. Инженер по профессии, он слыл рассеянным человеком. По словам Дани, все серьезные решения в доме принимались Марианной. «Мама — это локомотив!» — говорила она. И действительно, облаченная в черное платье, с пышным бюстом и быстрыми жестами, эта женщина вызывала представление о паре, силе и тяге. В противоположность ей господин Совло, худой, бледный блондин, улыбающийся, изысканный, казалось, всегда пребывал в состоянии насмешливой беззаботности. Даниэль нашел его симпатичным, но вызывающим робость.

Виски, как это было принято у Эглетьеров, здесь не подавали. Гостиная, меньшего размера и не такая богатая, как на рю Бонапарт, была обставлена удобной простой

мебелью в английском стиле, из полированного красного дерева с подушками из старой кожи. На стене чисто-зеленого цвета располагалась в ряд серия охотничьих гравюр, изображавшая всадников в красных куртках верхом на скачущих лошадях. Через открытую дверь в столовую Даниэль увидел круглый стол, над ним кожаную люстру с шариками и цепочками. В этот момент служанка, необычайно молодая и суетливая, позвала хозяйку, чтобы обсудить с ней кулинарные затруднения.

Нежданно-негаданно для себя Даниэль очутился посреди семейства Совло перед тарелкой супа. У Эглетьеров никогда не подавали суп, у Совло от него исходил превосходный запах щавеля и сметаны. А какое оживление за столом! Родители были здесь только для того, чтобы задавать вопросы, удивляться и развлекаться. Говорили о занятиях в лицее. Лоран снова пустился в атаку против точных наук. Отец смеялся в ответ:

— Ну и досталось же мне! Если тебе это не нравится, не отбивай охоту у других! Уверяю тебя, что поэзия и даже тайна могут скрываться за самыми сложными расчетами!..

— А вы, Даниэль, тоже гуманитарий, как Лоран? — спросила госпожа Совло.

Под взглядом ее небесно-голубых глаз, устремленных на него, Даниэль смутился.

— Гуманитарий — это громко сказано! — ответил он.

— Доклад, который он написал о своем путешествии в Кот-д’Ивуар, просто за-мечательный! — сообщила Дани.

Даниэль скромно отпирался: он лишь подробно, день за днем записывал все свои приключения. Госпожа Совло попросила его что-нибудь рассказать. Он не решался, но ободренный неравнодушными глазами матери и дочери важно пустился в воспоминания о своем африканском опыте. Став центром внимания, Даниэль уже толком и не знал, что ел. Служанка поменяла тарелки. Господин Совло подливал в стаканы вино, а он все говорил без умолку. Никогда еще он так явно не ощущал себя не просто мужчиной, но и сильной личностью. В этой простой и дружной семье он чувствовал себя свободно. Несомненно, Дани стала ему ближе, дороже после того, как он узнал ее родителей.

— Расскажи еще историю о хирургической операции в джунглях! — напомнила Даниэла.

— Это, может быть, не подходящий момент, — сказал он. — Я испорчу вам аппетит!

Супруги Совло заверили, что у них крепкие нервы. «Вот люди, которым как минимум сорок, и, несмотря на это, с ними не чувствуешь дистанции», — заключил Даниэль в порыве воодушевления. И, предоставив овощному рагу остывать в тарелке, начал:

— Это было в окрестностях Бондуку. Наш джип увяз в болоте…

В процессе рассказа он наблюдал за своим окружением. У него возникало смутное предположение, что отец Лорана видел в нем друга сына, а мать — друга дочери. У женщин на самом деле больше интуиции, чем у мужчин. Взгляд госпожи Совло не отпускал его. И в этом взгляде ощущалось тепло и умное расположение. Как если бы она мысленно заняла место дочери и одобрила ее выбор. Одновременно и льстило, и немного смущало то, что тебя так тщательно изучает, оценивает, одобряет особа с приятной внешностью и зрелым умом. Не раз и не два он заметил, как женщины обменивались нежными взглядами. Они понимали друг друга без слов. Ему приходилось сбиваться в своем рассказе. Дани как-то призналась ему, что мать любит ее больше, чем Лорана. В этом не было ничего удивительного: Лоран прямолинеен, грубоват, необаятелен, тогда как Дани!.. «Я обедаю с ней в кругу семьи», — мысленно повторял он в восхищении. И ему представлялось, что он уже свой человек в этом доме, где суп благоухал запахами лета и где мебель предназначалась для того, чтобы ею пользоваться, а не любоваться. На десерт

подали охлажденные фрукты. Как раз то, что было ему по душе!

— А вы планируете совершить еще одно путешествие? — спросила его госпожа Совло с интересом, который Даниэль счел очень лестным.

Он сразу догадался о всей тревоге Дани, передававшейся ему через стол. Слабая женщина, она восставала против зова натуры. Это была вечная борьба строительниц гнезд с покорителями горизонтов.

— Не исключено! — сказал Даниэль. — Все будет зависеть от моих занятий, от профессии, которую я выберу…

— Да, — заметила госпожа Совло, — в вашем возрасте планы меняются каждый год…

Было ясно, что она успокаивает своего ребенка. Этот союз матери и дочери растрогал Даниэля: любимый одной женщиной, он покорил обеих!

Кофе в гостиную принесла Дани, маленькая божественная подавальщица с невинным профилем. Один кусочек сахара для мамы, два кусочка для папы… Невозможно было и подумать, что она уже не девственница. И что виноват в этом был он, Даниэль, которого несведущие родители дочери осыпали знаками внимания! Даниэль крутил ложкой в напитке, черном, как его душа. Рассеять его угрызения совести могла только улыбка Дани. Она свернулась калачиком на кожаном канапе, прямо напротив матери, Лоран положил ноги на подлокотник своего кресла и так отдыхал, подняв высоко колени и опустив на сиденье спину, господин Совло, утопая в большом кожаном кресле, курил свою трубку, которая время от времени, засорившись, посвистывала. Даниэль закурил сигарету и принял непринужденную позу.

— Знаешь, папа, — сказал Лоран, — мы с Даниэлем разговаривали целый час: для нас обоих экзамен на бакалавра — это катастрофа!

— Ну и что! Пересдадите в октябре! — успокоил господин Совло.

— В октябре нет сессии! Эти мерзавцы ее отменили! Они уже не соображают, что делают! Каждый год все меняется.

— Тогда пойдете на второй год.

— В математический? О нет! Я не чокнутый! Меня интересует только философия!

Господин Совло не сказал ни слова. Он был добр и покладист. «Образцовый отец», — подумал Даниэль, гася окурок в хрустальной пепельнице.

— А ты, Даниэла? — пробормотал господин Совло, повернувшись к дочери. — Как твой экзамен?

— Но папа, после первого подготовительного года уже нет экзамена!

— В самом деле, я забыл. И что же… ты считаешь, что перейдешь в… в выпускной класс…

— Нет, — сказала она. — У меня не будет среднего балла.

— Для девушки это не имеет такого уж значения! — бойко заявила госпожа Совло.

Она вмешалась, готовая защитить Дани от возможной критики. Даниэль заметил у нее на лице выражение резковатой воинственности, горделивого восхищения своим чадом. Господин Совло глухо рассмеялся:

— Мне и в голову не приходит нападать на Даниэлу! — сказал он.

Из его трубки поднялось легкое облачко дыма. Он щурил глаза и смотрел вдаль.

Даниэль предавался блаженству, нагонявшему оцепенение. Вокруг него преодолевали препятствия английские лошади. В сложившейся атмосфере его соблазняло не то, что его окружало, а нечто неопределимое — летучая гармония между людьми и вещами, непринужденность, где у каждого было свое место, нежная и братская анархия… Разговор возобновился, временами чрезвычайно близкий ему, а порой далекий, неясный. Даниэль изо всех сил старался в нем участвовать, охватываемый горячим волнением, когда его взгляд встречался с Дани. Если бы это зависело только от него, он бы остался здесь до рассвета. Однако господином Совло овладела усталость и в конце концов он сказал:

— С вами очень мило, но завтра мне непременно надо быть к половине девятого на работе!

Даниэль нехотя расстался с этой образцовой семьей. На пороге Лоран пожал ему руку, а Дани обожгла взглядом нежной приязни.

Вернувшись домой в половине первого ночи, он был удивлен тишиной, царившей в квартире, и холодной строгостью тщательно расставленной мебели.

V

Больше всего неприятностей доставляла фуражка. Она сжимала виски Жан-Марка и напоминала ему, что он на службе. Некоторые клиенты были безразличны к специальной форме, но попадались и такие, кто считал постыдным для себя, что их везет человек с непокрытой головой. После того как он устроился на работу в «Универсальный транспорт» в качестве «шофера без машины», он сделал еще только пять выездов. Платили ему пятнадцать франков за полдня. Это было мало, но отец прекратил оказывать ему материальную помощь, и он был счастлив найти эту повременную работу, которая все же позволяла ему не умереть с голоду. Каждый день Жан-Марк звонил в бюро в шесть часов вечера, чтобы узнать, не будет ли он нужен на следующий день. Накануне он вел грузовичок одного книжного магазина, до отказа нагруженный книгами и бумагами, из Парижа в Витри-ле-Франсуа.

Сегодня вечером за рулем «пежо» он вез французского промышленника, г-на Эртье, который принимал в Париже мексиканскую пару — г-на и г-жу Альварес. Все три пассажира сидели в тесноте на заднем сиденье. Жан-Марк слышал, как они разговаривали на ломаном французско-испанском языке, нашпигованном английскими словечками. Женщина — пятидесятилетняя, увешанная драгоценностями и сильно надушенная — время от времени вскрикивала: «А это что такое?» Ей разъясняли. Лувр, статуя Жанны д’Арк, сад Тюильри, обелиск на площади Согласия были поданы г-ном Эртье его гостям с пылу с жару. Первую остановку предполагалось сделать у большого ресторана на Елисейских полях. К нему подъехали, не прибавляя скорости, в двадцать минут девятого. Жан-Марк вышел, чтобы открыть дверь клиентам, как ему настоятельно рекомендовали в «Универсальном транспорте». Но какой-то великан, выбритый, краснолицый, весь в галунах, быстро опередил его и, держа фуражку в руке, принял вновь прибывших посетителей.

— Будьте здесь через полтора часа, — сказал Жан-Марку г-н Эртье.

Жан-Марк поклонился. Его вечерний патрон и мексиканская пара ринулись в ярко освещенную дверь.

— Если хочешь припарковаться, найдешь место на рю дю Сирк, — посоветовал ему портье.

Жан-Марк поблагодарил его и снова сел за руль. Улица дю Сирк была приспособлена для стоянки машин. Группа шоферов болтала перед чьим-то «роллс-ройсом». Он включил свет в своем «пежо» и достал из кармана несколько размноженных листков с лекциями по гражданскому праву. Экзамен через две недели. Подготовлен к нему он был плохо. Целые куски программы, особенно по коммерческому праву и по международному общественному, оставались для него белым пятном. Впрочем, он уже не мог учиться как раньше. Ссора с отцом выбила его из колеи: вся конструкция, которая поддерживала его равновесие, развалилась единым махом. Привыкший жить самостоятельно, зная, что у него всегда есть возможность вернуться в лоно семьи, теперь, когда перспективы на возвращение исчезли, не мог больше без нее обходиться.

Жан-Марк снял фуражку и положил ее рядом с собой на сиденье. Внутри золотыми буквами была вытиснена марка крупного магазина. Кожаная лента залоснилась от длительного пользования. Сколько человек переносило до него эту синюю фуражку? Теперь она лежала здесь перевернутая подкладкой вверх. Как шапка нищего. Если бы Валерия видела его!.. Он, разумеется, признался ей, что устроился работать шофером. Сначала она нашла это забавным. Затем эта идея растрогала и взволновала ее. По обоюдной договоренности они ездили во втором классе метро, прогуливались пешком, вместо того чтобы пойти в кино, старались не покупать газеты и, когда хотели что-нибудь выпить, выбирали бистро подешевле. Для Валерии это была игра. Для него в некоторой мере тоже. Необходимость ограничивать себя очищала его совесть. Это была эйфория мелких

лишений. Он мечтал о скате, приготовленном с каперсами, о кроличьем рагу, о бифштексе с жареной картошкой. Сколько еще времени предстоит ему переносить полубедность, полуголод, полувиновность, которые стали теперь его участью? Как ни прикинь, положение тупиковое!..

«При отсутствии рекламы контракты купли-продажи не могут являться предметом ссылки в момент частичной уплаты налога. За исключением следующих случаев…» На прошлой неделе он просмотрел с Дидье целую главу Земельной рекламы и уже не вспоминал о ней. К тому же Дидье в этом году был в еще худшей форме, чем он. Жаклин, «обожаемая Жаклин», на которой тот хотел жениться, недавно бросила его ради какого-то студента из Института мостов и дорог. Все — шлюхи! Это уж точно. Дидье совершенно не подходил для этой разбитной и амбициозной девицы. Теперь он в отчаянии. Каким ничтожным казалось Жан-Марку романтическое несчастье Дидье по сравнению с тем мрачным ужасом, от которого отбивался он сам. И эти три свиньи, которые обжираются в ресторане! Огни, поклоны персонала, соусы с ароматическими травами. Сам он решил побаловать себя одним крутым яйцом и кружкой пива.

Бистро, куда он вошел было оформлено в виде пещеры с волнообразными разводами по штукатурке стен, розовыми зеркалами и трубчатым никелем. Жан-Марк перекусил у стойки, глядя на собственное отражение. Желток у яйца был зеленоватый и сухой, белок отливал серым. Или это была игра света? Он раздавил на блюдце остатки скорлупы. Зернышки соли поблескивали на коже пальцев. В завершение очень горячий, приторный кофе. Голова у него была тяжелой. Как душно в этом зале, где «juke box» наяривал грохочущую музыку для четверых посетителей, которые тряслись каждый сам по себе! Крутое яйцо камнем лежало у него в желудке — он съел его слишком быстро. На губах застыла отрыжка. И еще эти клиенты!..

Он заплатил, выбежал из бистро, сел в машину и подъехал к ресторану как раз в тот самый момент, когда г-н Эртье и чета Альваресов выходили через дверь на улицу. Сытые, довольные, сияющие, они шли не торопясь, словно преисполненные почтения к сокровищам, которые несли у себя в животах. Следующий этап — «Лидо». Там почти не задерживались. Ровно настолько, чтобы выпить бутылку шампанского да с восхищением поглазеть на тридцать шесть белых ляжек, ножницами расходящихся перед раскрасневшейся публикой — и сразу отправились на Монмартр. На этот раз задушевный союз между г-ном Эртье и Альваресами был скреплен блюдами и картинами, после чего они скатились к самой большой вольности. Уже совершенно развеселившихся, их поглотило заведение со стриптизом.

Жан-Марк поставил машину в двойном ряду на соседней улице и заснул на сиденье. Иногда к дверце с опущенным стеклом наклонялось девичье лицо. Сквозь дремоту он смутно различал подведенные черным глаза, пухлые блестящие губы, которые шептали какое-нибудь предложение. Тогда, отворачиваясь, он старался погрузиться как можно дальше в забытье. Проснулся он оттого, что г-н Эртье тряс его за плечо. Ненасытные Альваресы хотели увидеть еще более пикантное зрелище. Снова поехали. Еще два заведения со стриптизом, одно из которых «на этаже», запрещенное к показу. После чего, пресыщенная этим разгулом напудренной плоти и облачения в страусовых перьях, вся компания очутилась в ресторане Центрального рынка и заправилась луковым супом.

Жан-Марк вернулся домой в четыре часа утра. Сон валил его с ног. Правда, Эртье сунул ему десять франков чаевых. Он постирал в раковине свою нейлоновую рубашку и повесил ее сушиться на дугу от душа. Вообще-то надо было бы еще постирать и носки с трусами: у него не было чистых на завтра. Тем хуже: эта дополнительная работа была уже ему не по силам. В целом день получился хорошим. Ночью шел двойной тариф. Тридцать плюс десять — сорок. Можно будет дня три обходить стороной университетскую столовую. Избегать этой толкотни, дешевого столовского запаха, создать себе иллюзию благополучия.

Жан-Марк приоткрыл окно, скользнул в постель, погасил лампу у изголовья. Вкус

крутого яйца все еще ощущался у него во рту. Он закрыл глаза, и в памяти замерцали световые вывески. Проститутки с наштукатуренными щеками и кроваво-красными губами наклонялись к нему. Одна из них была похожа на Кароль. Он внезапно очнулся весь в поту. От тошнотворного голода тянуло желудок. Через оконный проем доносился глухой городской шум. В самой глубине комнаты покачивался обвисший силуэт какого-то повешенного. Он узнал в нем свою нейлоновую рубашку, которую покачивало легким ветерком в полумраке. Зачем он упорно продолжал жить, когда его ничего уже не интересовало? Все, что он смог сделать в этом году, — это поменять Кароль на Валерию и родной дом на комнату прислуги. Великолепное фиаско! Он сжал зубы, постарался об этом больше не думать, и ему захотелось стать мумией, тенью из костей и пергамента, предоставленной потоку времени.

Кто-то стучал кулаком в дверцу автомобиля. Яростный голос кричал:

— Жан-Марк! Жан-Марк!

Он с трудом разомкнул глаза. Вокруг него день уже был в разгаре.

Машина стояла посреди комнаты. Одеяло связывало ему ноги. Руль растворился у него в руках. Его рубашка висела в кабинке для душа.

— Жан-Марк! Ты здесь?

Он спрыгнул с кровати, поправил пижаму, открыл Даниэлю дверь и буркнул:

— Ты чего явился?

Затем сел на край матраса, зевнул, почесал затылок. Если бы не этот кретин, он мог бы еще спать два часа: как раз сегодня утром занятий не было!

Даниэль стоял перед ним с мертвенно-бледным лицом.

— Так что? — переспросил Жан-Марк.

— Ну вот, — сказал Даниэль, — со мной случилась скверная история: Даниэла беременна!

— Э, черт! — пробормотал Жан-Марк.

— Вот именно! — вздохнул Даниэль.

И словно лишившись после этого признания сил, рухнул на стул. У Жан-Марка было слишком много своих забот, чтобы чужие беды растрогали его. Первым порывом было у него не сочувствие брату, а раздражение из-за его неосмотрительности:

— Не мог быть поосторожней!

— Но я был осторожен! Думаешь, я знаю способ? Только Дани. Она, наверно, ошиблась в подсчетах…

— Это точно?

— Точно. Мы сначала подождали… Потом сделали тест, ты знаешь… Она беременна, говорю тебе…

— Тогда что? Тебе нужен адрес?

— Адрес мне дал Дебюкер… Дани уже виделась с акушеркой…

— Это надежный человек? Не хватало еще, чтобы тебя поймали!

— Нет, нет, тут все в порядке. Сестра Дебюкера осталась очень довольна.

— А! Хорошо, а то я бы мог…

— Спасибо, старик.

Они замолчали. Даниэль закашлялся. Наконец проговорил:

— Я хотел тебя спросить о главном… эта мерзавка акушерка напрямик заявила… Семьсот пятьдесят франков! Сам понимаешь, у меня их нет под рукой!..

— У меня тоже, — сказал Жан-Марк.

— Я и не сомневался! Но, может быть, ты все же смог бы мне немного помочь.

Жан-Марк показал ему свой открытый бумажник, лежавший на ночном столике.

— Шестьдесят франков до конца месяца, — сказал он. — Если ты хочешь, поделим!

— Я и не думал, что ты так разорен, — сказал Даниэль. — Тогда, может быть, Франсуаза?..

— Она тоже вряд ли при капиталах сейчас!

— А Кароль, если я поговорю с ней?

— Я тебе не советую, — сказал Жан-Марк. — Она будет счастлива сообщить обо всем отцу!

— Ты прав. Она сейчас не в духе. Всякий раз, когда она открывает рот, то начинает меня ругать! Между нами говоря, тебе повезло, что ты не живешь дома. Если бы я мог удрать, я бы тоже…

— А Маду? Ты не думал?

— Конечно!.. Но и там я не уверен… У нее принципы… Она нажалуется… В общем, я посмотрю… Ты сказал, что можешь одолжить мне тридцать франков?

— Да.

— Это лучше, чем ничего! Тридцать франков здесь, тридцать франков там…

Жан-Марк взял бумажник, вынул тридцать франков и протянул их брату. Ради этого он работал всю ночь?! Какой идиотизм!

Даниэль положил деньги в карман, поблагодарил и неопределенно спросил:

— А как ты, у тебя все в порядке?

— Все в порядке, — ответил Жан-Марк.

Потом они посидели немного друг перед другом. Даниэлю из вежливости надо было ненадолго остаться, но он не знал, о чем говорить. Поскольку денег он не нашел, права на передышку у него не было. Он ушел от брата, крепко пожав ему руку, с чувством вынужденной неблагодарности. Между тем ему пришла в голову идея продать свои книги, безделушки, амулеты, гитару… Неужели и после этого он не наберет семисот пятидесяти франков?

Дома он наткнулся на Кароль, которая уходила куда-то, затем на Аньес, как раз убиравшую его комнату. Он выставил ее за дверь, ласково подталкивая плечами, стал искать чемодан и заполнил его сначала старыми школьными учебниками, загромождавшими комнату, затем книгами о путешествиях. При взгляде на каждую книгу, которую он брал в руки, на него накатывала волна грусти, связанная с воспоминаниями о детстве. Но чем сильнее он страдал от этой

самоотверженности, тем больше восхищался страстью, вдохновлявшей его на этот поступок. Любовь к Дани росла от всего, чем он жертвовал ради нее. Когда он увидел рыбу-луну, его охватили сомнения. Даже это? Ну да! Дани этого заслуживает! Вскоре морской монстр, круглый, просвечивающий и колючий, был снят со своего крючка, а на его месте осталась только голая лампочка. Амулеты, наконечник копья, вырезанные из дерева статуэтки присоединились к рыбе-луне, уже лежавшей в плетеной хозяйственной сумке. Лишившись своих украшений, хижина путешественника преобразилась в келью монаха. Даниэль повесил за спину гитару, взял в одну руку сумку, в другую чемодан и поспешил поскорее уйти, чтобы избежать приступов сожалений. Если будет нужно, он загонит еще и проигрыватель. Это был его последний резерв, неприкосновенный запас.

Даниэль, конечно, предвидел, что за школьные и другие книги дадут сущие пустяки, но его удивило, что старьевщики квартала не проявили особого интереса к предметам африканского искусства и даже к рыбе-луне. Торговец музыкальными инструментами, к которому он потом завернул, скривился при виде его гитары и предложил ему «от силы» сто франков. Даниэль, возмутившись, воскликнул, что она стоила вчетверо больше. Тогда тот, повернувшись, показал ему в глубине магазина шесть старых гитар, более красивых, чем у него, и заверил, что вот уже два года на них не находится покупателя. Даниэль, глубоко огорченный, опустил голову и протянул руку. Он никогда не думал, что предметы, столь дорогие для него, так мало значили для других. Вероятно, и в любви так же! Может, и Дани, которая казалась ему незаменимой, всем остальным безразлична? И только он находит ее красивой?

Итого: сто сорок семь франков пятьдесят. Даже если он продаст проигрыватель, семисот пятидесяти франков, затребованных акушеркой, ему не набрать. Вариант с Маду был намного предпочтительнее. Даниэль решил отправиться в Тук в следующее воскресенье. Но по железной дороге ехать ему не хотелось, а его легенький мопед никуда не годился. Он едва подходил для поездок по городу и мог совсем отказать в дороге. У Дебюкера мопед был покрепче, почти настоящий. У него он его и возьмет. Даниэль уже мысленно представлял, как мчится на бешеной скорости по пустым и зеленым пространствам, как ветер обдувает ему лицо, свистит в ушах, натягивает парусом рубашку, — целая лавина ветра и шума разрывается навстречу движению. От скорости дрожь проникает ему в запястья и челюсти. Он пригибает корпус, и окрестный ландшафт смещается вместе ним. Довольствие так велико, что временами Даниэль забывает о грустных мотивах этой поездки. Он вернулся домой в оптимистическом расположении духа, хотя ничем еще не помог Дани, а предметы, которыми очень дорожил, продал за бесценок.

За завтраком, протекавшим в мрачной атмосфере между напряженным и безмолвным Филиппом и занятой едой Кароль, Даниэль продолжал думать о своем деле. Он, конечно, не сомневался, что Маду, немного побушевав, даст ему денег. А потом? Сможет ли Дани втайне от родителей отправиться к акушерке? Хватит ли у нее смелости быть твердой до конца?.. Если дело раскроется, скандал будет грандиозный! Кровь леденела у него загодя. Ну нет, все пройдет хорошо. «Два месяца, это еще ничего. Лишь бы только это не отразилось на ней морально!» Потом он сразу закрутит ее в таком круговороте веселья, что она обо всем быстро забудет. А почему бы и ее не отвезти в Тук, на мотоцикле? «Абсурд! Мне нужно быть одному, чтобы поговорить с Маду! К тому же, если Дани поедет со мной, я не смогу двигаться быстро! Можно легко выжать восемьдесят на такой ракете! Эврика! Растрясти беременную женщину на мотоцикле — это же лучшее средство устроить ей выкидыш! Вот оно, долгожданное решение! Ну нет, дорога слишком хорошая! Ровная, как бильярдный стол! Поеду один. На полном газу!» Его снова охватило опьянение мотоциклиста. Обед приближался к концу. Филипп посмотрел на часы:

— Три часа! Ты не опоздаешь в лицей?

— Да нет, папа. Сегодня же четверг!

Филипп нахмурился и вышел из комнаты. Минуту спустя Кароль тоже

ретировалась. Может, они боялись остаться наедине друг с другом? Даниэль позвонил Дани. Они договорились встретиться в Люксембургском саду.

— Я уверен, что Маду поможет! — сказал Даниэль. — В воскресенье вечером я привезу семьсот пятьдесят франков. А в понедельник… в понедельник… что же, приступим к решению насущного.

Он надеялся на горячее одобрение и удивился, увидев, что лицо Дани трепетало, черты исказились, а зеленые, раскосые глаза наполнились слезами.

— Что с тобой? — прошептал он.

— Ничего!

Он взял ее за руку, подержал, неловко поднес к губам. Она зашмыгала носом и отвернулась.

— Что с тобой? — переспросил он. — Давай телись! — И сразу же спохватился, осознав, что сказал грубость: — Что-то не так, моя маленькая Дани?

— Я хочу… я хочу сохранить этого ребенка, — пролепетала она.

Он ждал всего, только не этого! Сохранить ребенка! Зачем? Разумеется, не было и речи о том, чтобы выказать удивление. Поразившись в душе, Даниэль изо всех сил старался изобразить умный и учтивый вид.

— Это нелегко в нашей ситуации, — сказал он.

Глаза Дани округлились:

— Нет, это легко!.. Это самое легкое!..

— Я не улавливаю!.. Вчера ты была согласна. Ты мне сама сказала…

— Я ничего тебе не сказала! Я дала возможность сказать тебе!.. И мне было довольно горько слушать тебя!.. А потом, сегодня ночью я поняла, что это невозможно… Не-воз-мож-но, Даниэль! Ты не можешь требовать этого от меня!.. Я люблю тебя!.. Я ношу твоего ребенка!.. Нужно, чтобы он родился!..

Перед этим женским упорством таяли все доводы Даниэля. Время остановилось. Воцарилось молчание, такое тяжелое, такое пустое, похожее на смерть. А в двух шагах от них Венера подставляла солнцу свои каменные груди. С криками гонялись друг за другом дети. В залитом солнечными лучами саду витал смешанный запах сухой травы, пыли и вафель. Защитный рефлекс принудил его пробурчать:

— Я понимаю, что ты хотела бы его сохранить. А мы вдвоем, как тогда?

— Что значит «мы вдвоем»?! С нами все в порядке! Мы поженимся, Даниэль!

Еще до этих ее слов он и сам догадался о решении, которое созрело у нее. И тем не менее, когда она все сформулировала ровным тоненьким голоском, он был оглушен. Даниэля охватил панический страх. Словно его захватило приводным ремнем. Что скажет отец? Он мгновенно представил, как тот ему выговаривает. Стальной взгляд, резкий голос. «Достанется мне на орехи!» — подумал он с почтительным трепетом. И тихо произнес:

— Твои родители никогда не разрешат!

— Мои родители ничего не скажут против! Раз Бог нам посылает ребенка, их долг — его принять!

Эта последняя фраза подействовала на Даниэля: «Подкину этот аргумент отцу в процессе бурного объяснения!»

— Ты уже сказала матери? — спросил он.

— Нет. Но в глубине души я уверена, что она будет счастлива!

— Счастлива, счастлива… меня бы это удивило! Мне восемнадцать лет, у меня нет положения…

— Как это нет положения? Ты студент! Это почти положение! Потом ты будешь зарабатывать на жизнь, как все!

Он подумал о будущем, о котором она говорила. Остаться на всю жизнь с ней — это не вызывало у него протеста. Но его независимость, его журналистская карьера, его путешествия?.. Подумаешь! Нужно просто иметь способ совмещать супружеские обязанности и авантюрный дух. Иначе никогда не женишься. Что касается возраста, то это не самое главное. И чтобы себя успокоить, он мысленно перебрал всех знакомых, которые обзавелись женами до того, как пройти экзамены. Счастливых студенческих семей было полно. Конечно, сам он пока еще не студент. Но приблизительно через год!..

— А что мы будем делать с жильем?

— С жильем все в порядке. Мы будем сначала жить с моими родителями. У меня очень хорошая комната, ты знаешь…

Даниэль кивнул головой, с виду уже наполовину согласившись.

Одновременно он размышлял, не лучше ли действовать через Кароль, чтобы ослабить гнев отца. Нет, слишком очевидно, что она чересчур странно ведет себя сейчас, чтобы можно было рассчитывать на ее поддержку. «Она ничего не сделает для меня». Франсуаза? «Она не имеет никакого влияния в доме». Маду? Он подпрыгнул от этой мысли. Позвонить ей. Лучше поехать к ней!.. В очередной раз Даниэль мысленно вскочил на мотоцикл Дебюкера. И тут же одернул себя. Неверный ход: достаточно Маду сказать: «белое», чтобы его отец сказал: «черное». С какой бы стороны Даниэль ни искал союзников, он оставался один. Только он и никто другой должен был столкнуться с высшей властью. И его не предвещающая ничего хорошего тревога росла с каждым ударом сердца. Одно было несомненно: он не может отказаться жениться на Даниэле теперь, когда она ждет от него ребенка. Это дело чести. Он смотрел на нее с каким-то новым почтением. Как представить, что в этом плоском и нежном животе зародилась новая жизнь? Жизнь, которая отчасти была и его жизнью в ней. «Я продолжаю себя. Я повторяю себя. Появляюсь на свет в другом облике!» Его охватила гордость творца. И внезапно Даниэль почувствовал себя на равных с виновником появления на свете его самого. Надо ли ему бояться своего отца, который сам — отец? «Сегодня вечером, после обеда, я попрошу у него десять минут, чтобы поговорить. Как мужчина с мужчиной. Лучше всего в кабинете. И там с ходу скажу ему: так мол и так, нечего обсуждать…» Даниэль распалялся впрок. Все становилось легко, увлекательно, почти весело. Он снова взял руку Дани и сильно пожал, как бы скрепляя договор.

— Справимся! — сказал он.

Дани обратила на него полный безграничной благодарности взгляд. Молча она назначила его главой их семьи. Он с серьезностью воспринял эту честь. Как они будут счастливы вместе! Уже не нужно будет скрываться. Господин и госпожа Эглетьер. И сын, который должен родиться! Сын или дочь! Нет, сын, сын!

Даниэль вскочил на ноги. От счастья ему не сиделось на месте.

— Я угощу тебя вином, — сказал он. — У меня сейчас денег куры не клюют! Смешно, что я продал свои книжки, гитару, чтобы оплатить паскудство, а теперь

потрачу эти деньги, чтобы отпраздновать наш союз! Когда, ты думаешь, он родится?

Она без колебаний ответила:

— В конце января.

— Так поздно?

— Посчитай сам! Май, июнь, июль…

От месяца к месяцу картина становилась более выразительной. Даниэль рос в собственном уважении одновременно с ребенком в животе его матери. В декабре он почувствовал себя невероятно солидным, мужественным, благородным и опытным.

— Да, — сказал он. — Все так!.. Как мы его назовем?

— Я еще об этом не думала!

— Действительно, у нас есть время!

Он удивился своей непоследовательности: четверть часа назад он думал уничтожить этого ребенка, а сейчас выбирал ему имя. От чего зависит судьба человеческого существа!

Дани тоже встала. Они направились к ограде. Даниэль держал ее за плечи.

— А как ты будешь говорить с отцом? — спросила она вдруг.

Призванный к порядку, он весь напрягся. Дрожь пробежала у него по позвоночнику.

— Не беспокойся, — сказал он. — Сегодня вечером все будет улажено! Я знаю, как надо действовать.

Кароль предупредила, что не будет ужинать дома. Не из-за ее ли отсутствия Филипп такой мрачный? Никогда Даниэль не видел у отца такого сурового лица. Сидя друг против друга за семейным столом, они приступили к поданному на десерт бланманже. Аньес обслуживала их в церковном молчании. Иногда слышалось, как хлопала дверь автомобиля во дворе дома. Чтобы перейти к атаке, Даниэль решил подождать, когда будут поданы фрукты. Филипп положил на тарелку грушу, разрезал ее на четыре части и медленно очищал каждую дольку от кожуры. Жесты его были точны, а взгляд неопределенен.

— Что ты делал сегодня днем? — спросил он, не поднимая глаз на сына.

— Ничего, — пролепетал Даниэль.

— Как ничего? Надеюсь, ты повторял программу!

— Конечно!

— У меня такое впечатление, что ты готовишься к экзамену кое-как!

— Ну нет, папа!

— Во всяком случае, организуй все так, чтобы обходиться без своего проигрывателя, пока зубришь лекции! Как ты хочешь хоть что-нибудь запомнить при этом грохоте в ушах?

— Это то, что мне нужно, папа. Я аудиовизуал!

Филипп пожал плечами. Сын раздражал его своими разумными ответами. Внезапно Даниэль почувствовал, что трусит. Хотя первые фразы были готовы у него в голове: «Папа, я должен поставить тебя в известность о серьезной ситуации. Я люблю одну девушку: Даниэлу Совло. Она ждет от меня ребенка. В этих обстоятельствах, думаю, ты будешь согласен…» На этом месте слова путались. Даже в мыслях он не мог продвинуться дальше. Нож отца скользил по четвертинке груши и с элегантностью оголял ее. Невозможно было прервать эту художественную работу. «Попозже, когда будем в гостиной…»

Они перешли в гостиную, и Филипп закурил сигарету. Даниэль сосчитал: один, два, три, глубоко вздохнул и сказал:

— Забавно, ты больше совсем не куришь трубку, папа!

— Нет, — сказал Филипп.

— Отец Даниэлы Совло курит трубку.

— А?!

— Даниэла Совло — сестра моего приятеля Лорана. Они оба очень хорошие. Ты должен был видеть их у нас…

— Возможно, не припоминаю.

Беседа шла плохо. Даниэль, обессиленный, дал задний ход. Сердце сильно билось. Затем, набравшись храбрости, он сделал вторую попытку:

— Я как раз обедал на днях у Совло, когда звонил вам по телефону… ты помнишь?..

— Да.

— Господин Совло инженер… Ты знаешь ФИСАК?

— Нет.

— Кажется, это очень большая фирма…

Молчание. С этой стороны тоже не удалось подступиться! Аньес принесла кофе. Они пили его маленькими глотками. У Даниэля упала на ковер ложка. «Сейчас подниму ее, и все скажу!» — решил он внезапно. Он наклонился, взял ложку большим и указательным пальцами, медленно выпрямился, встретился глазами с отцом и замолчал, ощутив комок в горле.

— Пойдешь работать? — спросил Филипп.

— Да, сейчас же.

— Тогда всего хорошего. Мне нужно идти.

Филипп встал, оставив сына в замешательстве. Что? Ужин закончился? Запутавшись в своих боевых планах, Даниэль подумал было задержать его, но не нашел предлога. Или, скорее, не искал его, слишком обрадовавшись, что испытание откладывается.

С облегчением, смешанным с досадой, он посмотрел, как отец ушел. Собственное малодушие тяжело давило ему на сердце. Все-таки нужно признаться, что момент был выбран неудачно. Лучше уж подождать более благоприятных обстоятельств, чем бросаться в атаку неизвестно когда и неизвестно как, — таковы основы стратегии. Завтра вечером он снова возьмет на себя это бремя. И тогда уже без уверток. Прямиком к цели. Должен же быть этому конец!.. Днем позже или днем раньше! Он захрустел сахаром. Гостиная утопала в мягком свете лампы. Между двумя подушками валялся платок Кароль из набивной вуали. Упавшая ложка оставила на ковре небольшое пятно. Разумеется, Дани будет разочарована. Он

скажет ей, что отец не обедал дома. Первая супружеская ложь. За ней последуют и другие. Нет, он хочет создать с ней идеальную семью! Сделать счастье главным условием. Самое легкое — доверять друг другу. «Как я люблю ее! Как мне повезло, что я ее встретил!» — повторял он, чтобы продлить состояние счастья.

Даниэль выпил еще две чашки кофе и вернулся к себе в комнату. Голые стены, полупустые полки — она была неузнаваема. Вещи покинули комнату еще до того, как он сам оставил ее. Все здесь говорило ему о будущем уходе. Он включил проигрыватель, сел за стол и раскрыл тетрадь по физике. «Фактор мощности альтернативной цепи — это отношение между реальной мощностью, измеряемой в ваттах, даваемой ваттметром, и видимой мощностью, измерямой в вольт-амперах». Он ничего не понимал в электричестве. Свет голой лампочки резал глаза. Экзамен на бакалавра, потом свадьба. Провалиться в одном, преуспеть во втором. Неожиданно для себя он почувствовал, что боится и того и другого. «В какую я попал передрягу! Но нет, это очень хорошо! Нужно, чтобы все было очень хорошо! Как она сказала? „Раз Бог посылает нам ребенка…“» Он вздохнул. Тревога росла. Проигрыватель играл старый мотив «Stormy Weather». Он схватил красный карандаш и наугад подчеркнул несколько фраз в своей тетрадке, чтобы создать себе иллюзию понимания.

VI

Филипп нажал на одну кнопку, перемотал магнитофонную ленту, потом на другую, чтобы прослушать. На магнитофоне его собственный голос, измененный, хриплый, почти неузнаваемый, повторял слово в слово письмо, которое он только что надиктовал. Завтра его секретарша перепечатает текст на машинке и даст ему на подпись. Последнее время он отправлялся после ужина к себе в контору, чтобы на свежую голову поработать там в отсутствие сотрудников. Это был лучший момент дня, когда — без визитов, говорильни и телефонных звонков — он обретал свое равновесие. Следующим делом сейчас было предложение о выкупе компанией «Максвелл и Хадсон» патентов, принадлежащих «Французской компании вареных кож». Он подумал минуту, снова включил магнитофон на запись и, шагая взад и вперед, начал излагать текст.

Обычно работа такого типа не требовала у него больших усилий. Но в этот вечер он был уставшим, рассеянным и никак не мог увязать фразы одну с другой. Разумеется, из-за этого магнитофона! На самом деле он все еще предпочитал диктовать темноволосой мадемуазель Бигарро, которая обычно у них все стенографировала — с согнутой спиной, быстрыми руками и блестящими капельками пота на крыльях носа. Он слушал свою речь. Голос глухо отпечатывался в механической памяти. Техническое совершенство аппарата усиливало у него впечатление одиночества. Филипп обводил взглядом бежевые обои, красновато-коричневое покрытие пола, телефон с множеством кнопок, магнитофон, обе бобины-двойняшки которого медленно вращались, и отмечал в сознании, что он единственное живое существо в этом вещественном окружении. В очередной раз он ужинал наедине с Даниэлем. Кароль проводила все вечера вне дома. У нее была своя жизнь, у него своя. Это было результатом договоренности. Когда он завел речь о разводе, Кароль сразу же поставила свои условия. Она не только требовала непомерных алиментов, но к тому же, ссылаясь на то, что они заключили брак на основе общности имущества, претендовала на половину его дела. Если бы Филипп захотел остаться во главе «Кабинета Эглетьера», ему пришлось бы возместить ей убытки. Оценочная стоимость фондов была бы установлена по среднему итогу за три последних финансовых года. Кароль, несомненно, проконсультировалась с юристами. Согласись Филипп на ее условия, он разорился бы. Она держала его крепко, перекрывая кислород. Самой большой глупостью в его жизни было то, что он женился на ней, не заключив брачного контракта. Но в то время она казалась ему такой молодой, беззаботной, уязвимой, что он не мог заподозрить у нее задней мысли.

Теперь он был вынужден согласиться на нынешний modus vivendi, как она и предполагала. Не испытывая неудобств, Кароль наслаждалась всеми правами замужней женщины. Филиппу вообще следовало быть тише воды, ниже травы, если он не хотел, чтобы, поменявшись с ним ролями, развода потребовала она. Поскольку доказательства его неверности у нее были, на этот счет он не сомневался! Она была слишком хитра, чтобы в нужный момент не составить на него свое маленькое досье! Он поймал себя на том, что уже продолжительное время, как умолк. Все еще вращаясь, магнитофонная лента записывала лишь его шаги, вздохи, паузы между ними. На скорую руку он закончил диктовать свой доклад. Завтра надо будет еще раз просмотреть его.

Уже десять минут за полночь Филипп сложил бумаги, миновал комнату машинисток, где дремали под своими чехлами пишущие машинки, пересек пустой холл, выключил везде свет и вышел на темную улицу. Он не спешил вернуться домой. Что он найдет там, на рю Бонапарт? Холодный, пустой дом, где нет души. Уволив Мерседес, Кароль наняла приходящую домработницу, весьма беспомощную, которая усложняла работу Аньес, вместо того чтобы ей помогать. Хозяйство было организовано плохо, часы приема пищи больше не соблюдались, все пошло прахом. Эта дисгармония удручала Филиппа, но ему не хватало решительности бороться с нею. Происходящее казалось ему закономерной победой силы инерции и распада, фатального запустения, в чем виделось неизбежное дополнение к тому внутреннему отвращению, которое он испытывал.

Как только он вошел в квартиру, знакомое чувство беспокойства сжало сердце, как если бы он пробрался в чужой дом. Все здесь, стены и мебель, несло на себе печать присутствия Кароль. Он прошел на цыпочках по коридору, направился в гостиную и всмотрелся в темноту. Ни малейшего лучика света под дверью спальни. Одно из двух: или Кароль спит, или еще не вернулась. Второе предположение казалось более правдоподобным. После той ссоры они встречались только во время еды за столом и обращались друг к другу лишь в случае крайней необходимости. Стоя посреди комнаты, он еще немного послушал. Затем, гонимый безмолвием, вышел из гостиной.

Теперь Филипп спал у себя в кабинете на диване, стоящем у стены с книгами. Постель для молодого человека, узкая и жесткая. На столике под рукой лампа на обтянутой кожей ножке, пепельница, газеты, разрезной нож — все атрибуты холостяцкого комфорта. Он тяжело опустился на край дивана. Внезапно почувствовал тяжесть прожитых лет. Вспомнил своего сотрудника, Зюрелли, у которого был в начале года инфаркт и который с тех пор был уже другой человек, бледный, осторожный, задумчивый, живущий так, словно под ним тлеет медленный огонь… Теперь вот и он тоже болен. Удар, нанесенный Кароль, ошеломил его, привел в угнетенное состояние духа. Энергия через невидимую рану уходила из него.

Он выпрямился, прошел по коридору и вошел в крошечную ванную, примыкающую к бывшей комнате Жан-Марка. Его отражение запечатлелось в зеркале умывальника. Нижняя часть лица заметно расплылась. Снова у него появился второй подбородок!.. И больше не было упорства продолжать диету. «На что мне это к черту?»

Он разделся и пошел под душ. Вода, теплая и живительная, брызгала на плечи, заливала глаза, мочила губы. Кто сейчас любовник Кароль? Есть ли он у нее? Безусловно! Она еще молода, красива, свободна! Ей нужно только появиться, чтобы соблазнить. А он, Филипп? Все его успехи были связаны с деньгами. Ни одна из бабенок не любила его самого по себе. Он всегда так или иначе раскошеливался. Филипп вытерся махровым полотенцем, натянул на себя голубую пижаму и стал чистить зубы. Вкус мяты заполнил рот. Щетка резкими рывками скребла по деснам. Может быть, он слишком стар для Кароль? Женившись на ней, он ринулся в гонку, которая была ему не по силам. Не хватило дыхания. Нет! Она укатала бы даже тридцатипяти- и тридцатилетнего парня. В этой стерве сидит инстинкт разрушения. Радость для нее заключается не столько в том, чтобы нравиться, сколько в том, чтобы губить все, к чему она приближается. Филипп прополоскал рот и с силой плюнул. Розоватая вода потекла в раковину. Не потому, что Кароль любила Жан-Марка, она спала с ним, а потому, что нашла в этом особый случай напакостить, разрушить, довести до отчаяния… Теперь, когда она сделала из этого парня ничтожество, разумеется, он не интересовал ее больше. Филипп закрыл тюбик с зубной пастой. Слова Аньес всплыли у него в памяти: «Но, месье, это было в прошлом году…»

Филипп вернулся в кабинет, скользнул в постель, взял газету, попытался читать. Строчки путались. Нехотя он надел очки. Он стремился как можно дольше ими не пользоваться. Но что можно было поделать против медленного износа организма? Он пробежал несколько заголовков. «А Жан-Марк, где он?» Всякий раз, думая о своем старшем сыне, он натыкался на белую стену. Ни гнева, ни грусти, ни злобы, ни жалости. Ничего. Пустота. Он отложил газету. Книжные стеллажи утопали в желтом свете лампы, словно в каком-то сиропе. Все эти книги, из которых он не прочел и половины! Он сел на подушку, наугад снял с полки книгу: «Ясновидцы» Жерара де Нерваля. Что ему делать с этой изысканной литературой? Глаза перебегали от одной фразы к другой, но мысли не следовали за ними. Показалось, что жарко. Он расстегнул пижаму. Во рту — горечь. Он встал, прошел на кухню и достал из холодильника бутылку минеральной воды.

Пока он наливал воду в стакан, раздался глухой стук входной двери. Кароль! Откуда она возвращалась? Ему было наплевать! Ему было наплевать на все! Он выпил целый стакан, поставил его и вышел из кухни. В коридоре столкнулся с

Даниэлем, который шел навстречу, стараясь не шуметь, с тетрадями под мышкой. На какой-то момент придя в замешательство, Филипп проворчал:

— Ты возвращаешься в такой час!

— Еще не поздно! — пролепетал Даниэль.

— Ты откуда идешь?

— От Совло.

— Что ты там делал?

— Повторял математику с Лораном.

— С каким Лораном?

— С Лораном Совло, моим приятелем… Ты же знаешь, папа…

— Ах, да! — сказал Филипп. — Иди ложись спать!

Но Даниэль не шелохнулся. Он наблюдал за отцом со смесью отваги и страха. Кадык у него на шее поднялся и опустился — он проглотил слюну и пробормотал:

— Папа, у тебя есть минута?

— Когда?

— Сейчас. Я хотел бы поговорить с тобой. Это важно!

Филипп заколебался, потом сказал:

— Ну что же, говори!

Взгляд Даниэля пробежал по мрачному ряду дверей стенного шкафа. Похожие одна на другую, серые, квадратные, лакированные, они блестели при ярком свете электрической лампочки.

— Здесь? — прошептал он.

— Идем, — сказал Филипп.

Они вошли в кабинет. Филипп присел на край своего письменного стола. Уголком глаза он с недовольством посмотрел на белеющую напротив книжных стеллажей постель. Смятые простыни, одинокая подушка, какое красноречивое свидетельство! Но Даниэль, казалось, ничего не заметил. Он стоял перед ним прямой, сосредоточенный, словно на кончике трамплина. Внезапно он ринулся в бой:

— Папа, произошла очень серьезная вещь. Даниэла Совло… сестра моего приятеля Лорана… она… она ждет от меня ребенка… Я обязан на ней жениться…

На последнем слове он сделал выдох, его грудь впала, плечи опустились. Филипп дал себе время осознать новость, не принять ее и подавить в себе первый рефлекс гнева. Глядя прямо в лицо испуганному Даниэлю, он спокойно сказал:

— Ты совершеннейший идиот, мой бедный старик!

— Но, папа… ничего другого не остается…

— Всегда есть что-то другое!

— Она хочет сохранить ребенка!

— А! — сказал Филипп, улыбаясь. — Я в этом почти не сомневался, представь себе!

Она тебя шантажирует! Ребенок, ребенок! Только от тебя ли он?

У Даниэля округлились глаза. Это было удивление верующего, который столкнулся с богохульником.

— О, папа! — застонал он. — Как ты можешь?.. Даниэла очень хорошая девочка…

— Очень хорошая девочка, которая прилипла к парню и пытается его заарканить!

— Я тебя уверяю!

— В чем ты меня уверяешь? — воскликнул Филипп, повышая тон. — Ты ничего не знаешь! Ты попал в дерьмовое положение! И теперь мне нужно лезть из кожи, чтобы тебя из него вытащить! Ее нужно взять за шиворот, твою девчонку…

— Почему?

— Чтобы научить ее жить! Сначала ты откажешься признать, что ребенок от тебя! Она пойдет искать ему отца в другом месте! Или поступит так, как ее подружки!

— То есть, папа?

— Сделает аборт!

— Никогда!

— Что?

— Я сказал: никогда! — пробормотал Даниэль. — Этого не хочет не только она, но и я! У нас будет этот ребенок! Мы поженимся, папа!..

У Филипппа больше не было сил возмущаться. Глупость, наивность, упрямство сына лишили его всяких попыток убеждения. «Он слишком глуп!» — подумал Филипп в изнеможении. Он провел рукой по лицу, надавив на лоб, на нос, который при этом сморщился.

— Полагаю, она уже говорила с родителями, — сказал он.

— Нет… Она хотела, чтобы сначала поговорил я… Но с ее родителями не будет проблем… Они меня видели, они меня очень любят… Если бы ты знал ее мать!.. Она такая мягкая!.. И отец такой симпатичный!..

Сидя на столе, Филипп тихонько качал ногой и думал с озлобленным наслаждением: «Едва может написать без ошибки пару фраз, ни черта не делает на уроках, о себе высокого мнения, потому что отрастил длинные волосы, курит, гуляет с девчонками, теперь вот, сам того не желая, сделал ребенка, собирается жениться, не имея ни гроша, рассчитывает, что другие будут его кормить; ни ума, ни энергии, ни желания работать — и с этими самонадеянными дурнями, с этими бесцветными тряпками надеются построить Францию завтрашнего дня!» Он распалялся, нервы у него были напряжены, голова шумела. Крошечная мышца дергалась в уголке правого века.

— Сколько ей лет? — спросил он сухо.

— На два месяца меньше, чем мне, — ответил Даниэль.

— Браво! И что ты будешь делать, женившись?

— Продолжать учиться.

— Разумеется! И где же вы будете жить?

— Как раз мы об этом говорили с Даниэлой. Будем жить у ее родителей.

— На их иждивении?

Даниэль поднял голову, словно оскорбленный:

— Почему? Она сейчас хорошо живет со своими родителями! Еще один человек не слишком изменит положение дел. Ну и мы будем отдавать им наши пособия.

— Какие еще пособия?

— Их куча! — сказал Даниэль. — Мы выяснили, можешь себе представить!.. — С проникновенным видом он стал перечислять, загибая пальцы: — Пособие по беременности, пособие по материнству, надбавки за кормление грудью, пособие молодой семье… Знаешь, это составит немалую сумму!

— Ты говоришь о своих пособиях как о будущем материальном положении! — возмутился Филипп. — А тебе не противно начинать жизнь с государственных подаяний, какие дают многодетным матерям? На твоем месте я бы не стал заводить жену, не имея на что добыть ей жратву! Мужчина — тот, кто научился зарабатывать на жизнь! А пока не стал мужчиной — не женись!

— Ну да, — пробормотал Даниэль, — ты прав… Я тоже хотел бы сначала выучиться… Но поскольку все так получилось!.. Что же, теперь становиться несчастным из-за каких-то принципов?..

Глядя на это лицо, отягощенное нежеланием что-либо понять, Филипп капитулировал. У него не было ничего общего с сыном. Всякий раз, когда он оказывался с ним наедине за столом, у него возникало впечатление, что эта физиономия услужливого бойскаута была материализацией его невезения. Он не мог больше видеть его перед собой жующим днем и вечером! Какое будет облегчение, если Даниэль уйдет из дома! Филипп встал и сказал:

— Во всяком случае, не рассчитывай, что я тоже буду выплачивать тебе пособие.

— Я и не рассчитываю на это, — ответил Даниэль.

Филипп застегнул воротник пижамы. «Да, да, пусть он устраивает свое счастье или несчастье в другом месте! Пусть выметается отсюда! Он мне надоел!» Филипп нервно вынул сигарету из пачки, которая валялась на круглом столике. Даниэль зажег спичку и протянул ему.

— Поскольку ты был идиотом, сделав беременной эту девчонку, и намерен идти до конца в своей глупости и жениться на ней, я умолкаю, — сказал Филипп, выпуская дым через ноздри.

— Это означает, что ты согласен?

— Именно так!

— Ох, папа, спасибо!

Он широко заулыбался, обнажив все зубы. Это уж слишком! Филипп, раздраженный, открыл дверь. Но Даниэль медлил с уходом. Его улыбка исчезла. Снова у него были эти поджатые губы, этот тупой взгляд, означавший признаки напряженной внутренней борьбы. Он сказал:

— Теперь нужно было бы познакомиться с ее родителями…

— Что?! — воскликнул Филипп.

— Чтобы они знали, как им быть, понимаешь!..

Негодование Филиппа исчезло так же быстро, как поднялось. Отказаться невозможно. Дело могло быть улажено за несколько месяцев. Он кивнул головой:

— Хорошо! Я навещу их!

Лицо Даниэля вновь озарилось улыбкой.

Казалось, он был бесконечно счастлив. Торопясь выпроводить его, Филипп положил руку ему на плечо и буркнул:

— Ну отправляйся! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, — прошептал Даниэль. И вдруг добавил: — Папа, я хотел тебя спросить… У тебя странный вид в последнее время… У тебя какие-то неприятности, я чувствую!.. Ты не хочешь сказать мне?..

— Мне нечего тебе сказать, — ответил Филипп жестким тоном. — У всякого человека бывают тяжелые периоды в жизни. Ты это поймешь потом, несмотря на все твои семейные и прочие пособия!

Он выпроводил его в коридор, снова лег и взял книгу. Гармоничные фразы Жерара де Нерваля раздражали его, он пропускал абзацы и целые страницы. Филипп посмотрел на часы у изголовья — два часа ночи! Потушил лампу. Несколько минут спустя он снова услышал в тишине квартиры, как открылась входная дверь. Теперь это была Кароль. Он остался лежать с открытыми глазами в темноте. Им овладело странное спокойствие: она вернулась.

VII

В дверь постучали. Кароль приподнялась на локтях. Ей понадобилось напрячь память, чтобы вспомнить, что она звонила Аньес и просила ее принести чай. Разумеется, она тем временем снова заснула. Тяжелый утренний сон. Возможно, это только и был настоящий сон с той минуты, как вчера вечером она, изможденная, очутилась в постели. Какая ужасная ночь! Давит виски, во рту жуткий вкус, желудок горит! Напрасно она съела курицу с лимоном в африканском ресторане. Соус был очень острый. Но Ксавье настаивал. Да и все остальные тоже. Выпила инжирной водки. Оркестр чернокожих играл очень громко. Она до сих пор ощущала в своих венах эти удары тамтама. Вся кожа была раздражена. Комната утопала в полумраке.

— Войдите, — сказала Кароль.

Аньес внесла поднос с завтраком.

— Который час?

— Десять часов, мадам.

Как обычно, Аньес поставила поднос на кровать, широко открыла окно и подняла шторы. Кароль сощурила глаза от яркого света. Солнце и свежий воздух вдруг одурманили ее.

— Шторы, Аньес!

Аньес опустила шторы и удалилась. Кароль налила чай и поднесла чашку к губам. Теплый чай разлился по пищеводу, все промывая, обжигая, очищая на своем пути. Запах тостов щекотал ноздри. Она с трудом удерживалась от желания погрызть один. После излишеств накануне было бы разумным дать организму отдых. В течение дня она, пожалуй, съест лишь несколько фруктов и выпьет три стакана минеральной воды. Она, наверно, бледна как смерть. С некоторым опасением Кароль взяла зеркало на столике у изголовья. Ну, не так уж плохо! Светлые белки глаз, уголки губ и век едва затенены мелкими морщинками… Определенно, этот ночной крем подействовал на ее кожу благотворно. Она могла бы почти обойтись без косметики. Олимпия часто говорила ей, что находит ее красивее, когда она встает с постели, чем когда готовится куда-то выходить. Нельзя доверять Олимпии. Существует ли вообще женская дружба, лишенная коварства? Она провела рукой по шее: кожа под подбородком становилась дрябловатой. «Казалось, что каждое утро, по двадцать раз выдвигая вперед нижнюю челюсть… Глупо!» Потом ее пальцы залезли в волосы, подняли их, распределяя пряди согласно долго изучавшемуся рисунку. Она смотрела на себя в зеркало, любовалась своим отражением и сожалела, что договорилась о посещении парикмахера сегодня днем. Совершенно спокойно она бы могла подождать еще неделю, прежде чем делать укладку. Тем более что Гарольда не было и причесывать ее будет, вероятно, Рауль. Последний раз Рауль изуродовал ее! Она бы не пошла. Но без визита к парикмахеру у нее рушился день. Один за другим пустые, безликие часы.

Никогда она не испытывала такого безразличия к жизни. Этот вчерашний вечер, слишком тяжелая еда, шум… И к тому же Ксавье не был изобретателен! Что за идея была привести ее туда вместе с двумя семейными парами, едва ей знакомыми! Мужчины говорили о делах (все они занимались торговлей зерном), женщинам было нечего друг другу сказать, оркестр неистовствовал под красным лакированным потолком, освещение было таким затененным, что курица на тарелках казалась сиреневой, обслуживание обеспечивали два громадных невозмутимых негра. После ужина танцевали. Ксавье крепко прижимал к себе Кароль. Он владел чувством ритма. Малейшие его движения сочетались с музыкой. До секса у нее с ним еще не дошло. Это будет завтра или послезавтра. Когда ей захочется. Совершенно животная простота их сближения удручала. Провожая ее домой, он предложил поехать с ним на Антильские острова. Роскошное путешествие на итальянском теплоходе. Посадка в Канне через восемь дней. Все

путешествие продлится семь недель со стоянками на самых живописных островах. Кароль не сказала ни да ни нет. Конечно, Ксавье ее совершенно не возбуждал со своим лицом будто из хлебного мякиша, с неизменной любезностью и полным отсутствием юмора, но зато архипелаг притягивал, словно какой-то громадный географический десерт. Оставить Париж. Уехать неведомо куда, к солнцу. С нее довольно этого шумного города, людей, все время одних и тех же, которые все знакомы друг с другом, скученности, интриг, обедов, запаха бензина… Она мечтала о шуме моря на пустынном пляже. Ветер в кокосовых пальмах. Обнаженный молодой человек, стоящий на гребне волны, на доске, удерживая равновесие. И океан несет его от гребня к гребню посреди бурлящей пены к берегу. В каком фильме она это видела? Этот молодой человек был похож на Жан-Марка. Она остановила себя. Впрочем, наверное, на Антильских островах не занимаются серфингом. У Ксавье нет ничего от спортсмена. У Жан-Марка тоже!

Кароль медленно вздохнула и принялась красить глаза. Щеточка с краской скользила по ресницам, утолщала их, удлиняла. В зеркале ее взгляд выигрывал глубиной и загадочностью. Она ничего не решила, ни с парикмахером, ни с Антильскими островами.

Такая нерешительность была ей так же приятна, как прохлада простыней, гибкость матраса, мягкое углубление на подушке под изгибом спины. «Потом посмотрим. У меня еще есть время. Я устала. Такой уж день — ни рыба ни мясо, бывает!» С глазами было закончено. Она не стала бы красить ничего другого. Вид немного мертвецкий, но интересный. Эксперимент. Ради кого? Сознание собственного одиночества привело ее в оцепенение. Вокруг нее распространялась вибрация, расходились концентрические волны, как от гонга, по которому ударили молотком. Голова у нее болела все сильнее и сильнее. Если бы было не так светло, она бы с удовольствием заснула. В дверь опять три раза постучали. Аньес пришла за подносом. Надо попросить ее задернуть шторы. Положить на веки легкие компрессы. Отключить телефон. Сделать вид, что больна, очень больна… Вошла не Аньес, а Жанна, приходящая домработница, тщедушная, узловатая, с носом луковицей, покрытым фиолетовыми прожилками. Она несла в руках пылесос. Шланг от него висел у нее на шее, как громадная застывшая рептилия.

— Я могу убрать комнату, мадам?

— Вы прекрасно видите, что нет! — сказала с раздражением Кароль.

Жанна заморгала глазами, словно оглушенная этой репликой, и маленькими шажками попятилась назад. Но перед тем как выйти за дверь, она остановилась и отодвинулась в сторону, поклонившись. Появился Филипп. Кароль не смогла сдержать порыва удивления. «Хорошо еще, что я успела накрасить глаза!» — мгновенно подумала она. Жанна выскользнула, стукнув пылесосом о дверной наличник.

— Ну же, осторожней! — сказала Кароль. А потом, обратившись к Филиппу, спросила: — Ты не пошел на работу?

— Нет. У меня встреча в городе в одиннадцать часов, — ответил он.

Впервые он оказался в комнате жены после их ссоры. Что он хочет от нее? Она насторожилась и не предложила ему сесть.

— Как ты? — спросил он через некоторое время.

— Не очень хорошо. Я поздно вернулась. Всю ночь плохо себя чувствовала.

— Нужно было позвать меня!

Она высекла его ироническим взглядом:

— Зачем?

Филипп не ответил.

Он опять потолстел. На его оплывшем и розовом лице глазам не хватало выразительности. Глядя на него, стоящего перед ней с опущенными руками, Кароль не решалась поверить, что он может внушить уважение своим клиентам, сотрудникам. Чем объяснить, что в обыденной жизни ему так ужасно не хватало той точности суждения, ловкости маневра, элегантности стиля, которые каждый признавал у него в ведении дел? Уже несколько дней, как она стала замечать в нем меньше цинизма, жестокости, чем раньше. Глубоко задетый, он впал в сентиментальную мягкость и безмолвную укоризну. Он глупо вел себя с ней, с детьми. Она презирала его, но у нее даже не было желания причинить ему боль. Он повернулся спиной к окну. Она видела его как в китайском театре теней. Несмотря на полуопущенные шторы, весь дневной свет был направлен на нее. При таком освещении проявлялись даже малейшие недостатки лица. Зная свои слабые стороны, она пересела, чтобы избежать разоблачения солнцем.

— Я тоже плохо спал, — сказал он. — В моем кабинете слышен любой шум с улицы…

Хотел ли он, чтобы она его пожалела, предложила вернуться спать в комнату, окна которой выходят в тихий сад? Это единственное пришедшее на ум предположение доставило ей какую-то злобную радость. Она была сильнее, она не пощадит его, заставит заплатить за девиц, за Жан-Марка и за все остальное… Но после этой вспышки злорадства к ней вновь вернулось то безразличие, которое было страшней, чем ненависть. Поскольку она хранила молчание, он смиренно спросил:

— С кем ты была вчера вечером?

— С друзьями.

— В театре, на концерте?

— Нет, в африканском ресторане.

— Было хорошо?

— Неплохо.

На самом деле ресторан был неинтересный. Но Антильские острова… Фосфоресцирующее море, танцы туземцев, Ксавье… Она посчитала, что, если отправится в этот круиз, ей понадобятся деньги. Не для того, чтобы платить за поездку (это Ксавье возьмет на себя), а на платья, на мелочи, непредвиденные расходы… Между ней и Филиппом вследствие их разрыва был заключен финансовый договор. Он открыл для нее в банке счет и регулярно переводил деньги, никогда не требуя никаких объяснений. Со своей стороны она воздерживалась от чрезмерных расходов. Так было достойно и корректно. Она вела fair play, как говорила Олимпия. Бесспорно. Даже перебирала в этом. Ограничивая себя в течение нескольких недель, Кароль сочла, что пришло время отнестись к жизни шире. Мысленно она уже составила список: «Два костюма, четыре или пять очень шикарных блузок, послеобеденное платье…» Цифры росли. Она бросила на Филиппа оценивающий взгляд. Он был в ее власти, он все проглотит.

— Кстати, — сказала она, — я не знаю, как там мой банковский счет, но мне предстоят большие расходы на этой неделе…

— Я сделаю все необходимое, — ответил он.

Галантный, героический, великолепный, с чистым взглядом и с портфелем в руках. Жалкий тип!

— Ты можешь мне приблизительно назвать сумму? — спросил он.

— Нет еще. Я собираюсь отправиться с друзьями на Антильские острова. Так что,

ты видишь, мне нужно прикинуть…

— На Антильские острова? — пробормотал он.

— Хорошая идея, да?

— Очень хорошая… Ты не засиживаешься подолгу в Париже в этом году… В январе Капри, теперь Антильские острова…

У него был разочарованный вид, на лбу пролегла морщина, нос опустился. Кароль удивилась быстроте, с которой решилась проблема поездки. То, что еще минуту назад было всего лишь мечтой, колебаниями, неторопливым взвешиванием за и против, стало внезапной реальностью почти без ее участия. Она вдруг сделалась очень занятой, у нее срочно появилось сто дел в разных местах Парижа, ей не хватало времени. Который теперь час?

— Когда ты рассчитываешь ехать? — грустно спросил Филипп.

— Через восемь дней.

— А!..

Между ними воцарилось молчание. Филипп почувствовал себя так, будто находится на перроне вокзала. Он прощался с ней. Вздохнув, он сказал:

— Да вот! У меня для тебя безумная новость: Даниэль женится.

— На малышке Совло?

— Да. Ты подозревала?

— Немного…

— Он сделал ее беременной!

— Она очень хорошенькая, эта малышка!

— Все-таки…

Кароль слушала его, думая о примерном списке вещей. Филипп был совершенно прав насчет Даниэля. Что ее и радовало. Она ненавидела это семейство. Чем сильнее Эглетьеры увязнут в грязи, тем более счастлива она будет. Что это сегодня в воздухе, от чего ее так бодрит? После ночи дурноты и кошмаров она возродилась, свежая, оживленная, эгоистичная, с чистой кожей, беспощадная перед этим побежденным. Она поедет к парикмахеру — разумеется! — потом к своей портнихе, а потом в бутик на улице дю Фобург-Сен-Оноре, о котором ей столько говорила Олимпия! Даниэль, женатый и отец семейства, — вот уж верх глупости!

— Я рада за Даниэля, — сказала она улыбаясь.

Филипп с беспокойством посмотрел на нее. Она вытянула перед собой руки. Ее ночная рубашка просвечивала. Наверное, сквозь ткань он видел ее грудь.

— Теперь оставь меня, — сказала Кароль. — Я спешу!

Он ушел.

VIII

— Мадам дома? — спросила Мадлен, снимая плащ и протягивая его Аньес.

— О нет! — сказала Аньес. — Она позавчера уехала.

— Уехала?

— Да, в путешествие. В круиз, как она сказала. Вернется не раньше чем через два месяца.

Мадлен удивилась, что Филипп ничего не сказал ей по телефону об отъезде Кароль. Они говорили только о будущей свадьбе Даниэля. Мадлен узнала об этом событии из письма Франсуазы. Сразу же позвонила брату. Он лишь подтвердил факты и пожаловался, что ничего не может остановить. У Мадлен возникло впечатление, что, против обыкновения, он не был недоволен ее приездом в Париж. Она посмотрела на часы: десять минут восьмого.

— Месье не задержится, — сказала Аньес.

— А месье Даниэль?

— Он сдает сегодня экзамены.

— Да, в самом деле! — сказала Мадлен. — Наверное, он страшно волнуется!

— Подумайте: третий день!.. Самое трудное было вчера, как он сказал!..

Мадлен вошла в гостиную, неся на руках своего фенека, и опустилась на подушки дивана. Какая жара! Она отвратительно поела днем. Во рту у нее все слиплось. Пока она ехала под палящим солнцем, мечтала о стакане прохладного белого сухого вина.

— Аньес, — сказала она, — я умираю от жажды! Сжальтесь надо мной!..

— Виски со льдом, мадам?

— У вас нет белого вина?

— Нет.

— Ну ладно, пусть будет виски, — сказала Мадлен с сожалением.

Аньес удалилась. Мадлен закурила сигарету: через две недели эта свадьба, какая глупость! Разумеется, если малышка беременна…

После Франсуазы — Даниэль! Какой-то ветер безумия подул над семьей. Филипп и Кароль не в силах утвердить в доме свою волю. «Верно, что молодежь в наше время уже никого не слушает. Она идет напролом, бросается в воду…» Закатное солнце наполнило гостиную сиянием медной пыли. Старинные кресла, богатая обивка, дорогие ковры, изношенные дальше некуда… Мадлен подумала про себя, что некоторые люди, типа ее брата и Кароль, накапливают мебель, безделушки, серебро, отношения, будто готовясь в перспективе к приятной жизни, но этой жизнью так никогда и не живут. Можно подумать, что самое главное в жизни не жизнь сама по себе, а ее декорации. Не было ли этого отчасти и в их случае? Она погладила своего фенека. Вернулась Аньес, толкая перед собой столик на колесиках, уставленный бутылками и стаканами. Мадлен налила себе виски, сильно разбавив его газированной водой, выпила половину и спросила:

— Дети ужинают сегодня вместе с нами?

Аньес посмотрела на нее взглядом испуганной птицы:

— О нет, мадам! Только месье Даниэль!

— Ах! Очень жаль! — сказала Мадлен. — Мне бы хотелось их всех увидеть!

— И мне тоже, мадам! — промолвила Аньес со страданием в голосе.

Она поднесла кулак ко рту, и глаза у нее наполнились слезами. Лицо ее исказила гримаса.

— Что случилось, Аньес? — спросила Мадлен. — У вас неприятности?

Плечи Аньес содрогнулись от безудержных всхлипываний.

— О, мадам! — пробормотала она. — Если бы вы знали! Проклятие обрушилось на этот дом! И все это по моей вине! Бог никогда меня не простит!

— Что такого страшного вы сделали?

— Бедный хозяин!.. Мерседес сказала ему, что я знаю… он только спросил меня!.. Он задал мне столько вопросов! Как судья! Я никогда не умела лгать! Я все ему рассказала! Наверно, я не должна была, а я все сказала! Ах, какое несчастье!..

— Так что вы ему сказали?

— Про мадам и месье Жан-Марка!

Холодная тревога охватила Мадлен словно туман.

Все в ней заледенело, застыло.

— И что? — спросила она коротко.

— По-моему, месье проклял месье Жан-Марка! Во всяком случае, месье Жан-Марк здесь не бывает, о нем больше не говорят за столом. Вдобавок месье спит в своем кабинете. Да! А мадам… я спрашиваю себя, вернется ли она из своего путешествия, не уехала ли она всерьез! У месье тяжелые дни. Если бы он не был так огорчен, он бы не позволил, чтобы месье Даниэль женился! Вы не считаете, что это ведь тоже несчастье? Все идет прахом. Недалек день, когда месье отправит меня куда подальше! И я, конечно, получу по заслугам, уверяю вас!

Она до изнеможения высморкалась в большой носовой платок. Мадлен, удивленная было тем, что узнала, вдруг почувствовала, что помимо смятения испытывает какое-то странное облегчение. Не была ли эта понятная и страшная ситуация лучше удобной лжи? Сейчас ее задевало то, что Жан-Марк, когда разразился скандал, не обратился к ней за помощью. Франсуаза, которая, очевидно, была в курсе дела, тоже не сочла нужным ее предупредить. Что касается Даниэля, то как объяснить, что и он не написал ей ни слова о своих намерениях? Неужели племянники перестали с ней считаться? Эта мысль печалила ее, хотя и не вызывала возмущения. Подобное равнодушие было в порядке вещей.

Аньес все еще хныкала. У Мадлен пропало желание расспрашивать ее. Сказав в утешение несколько слов, она отправила ее на кухню. Затем плеснула в стакан еще виски. Разом выпила. Крепкий алкоголь взбодрил ее. Фенек спал у нее на руках. Внезапно он навострил уши. Громко хлопнула входная дверь. Филипп? Даниэль? Оказалось, что Филипп.

Он вошел в гостиную быстрым шагом. Боже, как он сдал!

— Ты давно здесь? — спросил он.

— Только что пришла.

— Как ты?

Он сел, налил в стакан виски и с удовольствием вытянул перед собой ноги.

— Очень хорошо, — сказала Мадлен. — А ты?

— Превосходно! Я хочу сказать, настолько хорошо, насколько может себя чувствовать человек, сын которого вот-вот совершит величайшую глупость. Ты знаешь, я все испробовал, чтобы заставить его изменить решение. Но поскольку у месье хватило ума сделать беременной девчонку и он хочет вести себя до конца по-рыцарски…

— Ты видел ее родителей?

— Пришлось! Люди, пожалуй, даже симпатичные. Отец — инженер. Что касается дочери, то она миленькая, белобрысая, пухленькая, бледненькая и недалекая… Впрочем, если ему нравятся такие!..

Он помешал в стакане кусочки льда и отпил глоток.

— Кароль уехала? — спросила Мадлен.

— Да. В круиз по Антильским островам.

— А что у тебя?

— Я надрываюсь. Никогда не было столько работы. Послезавтра вылетаю в Нью-Йорк. Пробуду там недели три, месяц…

— Значит, тебя не будет на свадьбе?

— Нет! Впрочем, мне бы и не хотелось там быть! Совпадение. Но в нашей ситуации так лучше, ты не находишь?

Он ухмыльнулся. Она посмотрела на него с жалостью:

— Нет, я не нахожу, Филипп. Это печально! Очень печально!

— Почему? Ты будешь там. Дети тебя обожают!

— Я им всего лишь тетя!

— Ну и что? Ты считаешь, что отец нужен им? Разве только чтобы раскошеливаться, вот и все! Нечего разводить сантименты с молодыми, они все равно не с нами! Это львята, жестокие, упрямые, безжалостные, эгоистичные!.. Они голодны, у них жажда, им не терпится жить… Ничто другое для них не имеет значения!..

— Даниэль несовершеннолетний… Ему нужно твое согласие…

— Я его дам ему в письменном виде перед отъездом.

— Когда будет свадьба?

— В начале июля. Все будет очень просто!

— Как у Франсуазы, я полагаю.

— Еще проще: венчания не будет!.. Да уж, можно умереть со смеху!..

С оживленным лицом он наклонился к Мадлен, будто хотел рассказать ей какой-то непристойный анекдот, и сказал вполголоса:

— Представь себе, госпожа Совло настолько не верит в прочность будущей молодой семьи, что она предложила не освящать этот союз в церкви. Таким образом, в случае развода ее дочь снова может выйти замуж, — что я говорю, просто выйти замуж! — обвенчавшись. Я чуть не рассмеялся, пока она

растолковывала мне свой трюк! Уважение к религии, ведущее к отказу от венчания в церкви!..

Он разразился сухим смехом и одним глотком опустошил свой стакан. Мадлен обошла его слова молчанием. Чем больше она наблюдала за братом, тем больше находила его сникшим и жалким. Умышленно взвешивая каждое слово, рассчитывая степень риска, она мягко спросила:

— А чем занимается Жан-Марк?

Лицо Филиппа даже не дрогнуло.

— Этого я давно не видел! — сказал он.

— Почему?

— Не знаю… Он очень занят… Экзамены…

— Он сейчас сдает их…

— Безусловно…

— Он, конечно, сдаст!

— Я тоже так думаю.

— Мне бы хотелось увидеть его сегодня дома!

— Ну, ты его не увидишь…

Мадлен посмотрела брату прямо в глаза, погружаясь всем своим весом в эту мрачную, поблескивающую воду, и тихо сказала:

— Филипп, я знаю, почему Жан-Марк сюда больше не приходит!

Лицо Филиппа напряглось, посуровело. Он буркнул, почти не разжимая челюстей:

— Маленький негодяй! Нужно было всей семье рассказать о своих альковных подвигах! Теперь это у него повод для гордости! И с каких пор ты знаешь о том, что мой сын спал с моей женой? Полагаю, что ты была в курсе дела гораздо раньше меня!

— Да, Филипп.

— И ты мне ничего не сказала!

— Я не могла! Не имела права! Мне заткнули рот!.. Но, Филипп, может быть, ты знаешь не все… Жан-Марку простительно, а Кароль нет!.. Он очень молод, он дал себя увлечь, он страдает сильнее, чем ты можешь представить… И потом, в конце концов, это он порвал отношения, нашел в себе мужество! Много времени прошло с тех пор! Между ними все кончено, уверяю тебя! Ты не сможешь до бесконечности отказываться видеть своего сына!..

Впервые в жизни она почувствовала, что нужна своему брату. Убежденность в этом подогрела ее, придала ей сил. Она уже верила, что выиграла партию. Но он тяжело покачал головой:

— Есть вещи, которые выше моих сил, Мадлен. Ты не знаешь, что такое для мужчины сама мысль о том, что он одурачен собственным сыном! Это подло! Это бесповоротно! Как ампутация! — Обеими руками он изобразил жест, словно отрубил себе часть тела на уровне груди. А потом глухо, голосом глубоко уязвленного человека, произнес: — Больше никогда не говори мне о нем, хорошо?

Сумерки заполнили комнату. Мадлен протянула руку. Свет вспыхнул в лампе с

большим шелковым абажуром бананового цвета.

— А он смешной, твой фенек, — сказал Филипп, кончиками пальцев прикоснувшись к мордочке животного.

Фенек весь сжался, глаза его расширились от страха, уши поднялись.

— Ну, моя маленькая Жюли! — сказала Мадлен. — Успокойся! Это друг! Она растерялась, потому что увидела незнакомое лицо! А со мной она такая доверчивая, такая нежная! С тех пор как она у меня появилась, я чувствую себя не такой одинокой!

— Понятно. Тук, наверное, — не очень веселое место зимой!

— Нет, дело не в веселье… Это другое… Другое, очень интересное…

Пришла Аньес и спросила, хочет ли месье садиться за стол прямо сейчас или нужно подождать месье Даниэля.

— Уже восемь часов! — заявил Филипп. — Ему на нас наплевать! Я ведь сказал ему, что ты будешь ужинать у нас дома! Разумеется, ему загорелось помчаться к своей «Дани», едва выскочил с экзамена. Вчера и позавчера результаты были плачевные. Сегодня, несомненно, будут такие же. Иначе он бы нам позвонил. Можете подавать, Аньес.

Сидя в столовой напротив брата, Мадлен испытала легкое головокружение, как если бы время повернулось назад. Она вспомнила себя на этом же месте, когда временно исполняла обязанности хозяйки дома после развода Филиппа. Но стулья детей теперь пусты. Ее охватила какая-то усталость, меланхолическое чувство ностальгии по прошлому. Она уже не знала, о чем говорить с Филиппом. При той откровенности, которой они достигли, каждое слово могло разбередить рану. Неожиданно Филипп спросил:

— Ты остановилась в отеле «Моне»?

— Нет. Но я сейчас туда собираюсь.

— Ты не находишь, что это несколько смешно?

— Что?

— Спать в отеле, тогда как у тебя здесь есть комната.

— Я всегда так делала!

— Нет, Мадлен, не всегда. А если сегодня ты останешься?

Мадлен посмотрела на него удивленно-растроганным взглядом. Он не приучил ее к такой предупредительности. Она прошептала:

— Хорошо! Договорились!

— Приготовьте комнату моей сестры, — сказал Филипп, обращаясь к Аньес, которая убирала со стола.

Хлопнула входная дверь. Словно порыв ветра в комнату влетел Даниэль. Он покраснел, вид у него был виноватый:

— Я очень сожалею, Маду! Пять автобусов прошли перед носом и все битком! В конце концов я поехал на метро! Но две пересадки…

Он поцеловал тетушку, отца, повторил: «В самом деле мне очень жаль» и плюхнулся на стул.

— Ну и как? — сухо спросил Филипп.

— Ну, не так чтобы очень, — сказал Даниэль.

Аньес подала ему два куска ростбифа и горку поджаренного картофеля. Филипп и Мадлен уже приступили к фруктам.

— Что ты подразумеваешь под «не так чтобы очень»?

— На английском, истории, естественных науках я плавал.

— Да, но у всех этих предметов нет большого коэффициента! Ты мне сказал вчера, что математика прошла благополучно!

— Благополучно, если хочешь! Я ответил только на один вопрос…

— Что?!

— Ну да… Я просто не хотел тебя беспокоить в тот момент… И математика, и физика были на уровне второго года… Жуть… Впрочем, я считаю, что была какая-то ошибка в формулировке математической задачи… Меня бы не удивило, если бы об этом рассказали в газетах… Ты бы видел отличников у выхода… Орали вовсю… Веселая обстановка! — Он говорил, продолжая есть, глотая куски целиком, не жуя. — Они еще аннулируют экзамен… — добавил он.

Мадлен восхитилась этой способностью молодых прикрываться оправданиями до такой степени, что они и сами рады обманываться собственными выдумками.

— Одним словом, — сказал Филипп, — ты с треском провалил экзамен!

— Ну, в этом году меня, конечно, не допустят к устному для отстающих!.. Но я тебя предупреждал, папа… Программы слишком трудные… Не такие, как раньше…

— Конечно, — ворчал Филипп, — ведь раньше выпускной класс с математическим уклоном был равносилен курсам домохозяек.

— Я так не говорю, но с развитием научного прогресса всегда приходится больше учиться. А что касается меня, то в физике, химии, алгебре, тригонометрии я блуждаю как в лесу!

— Тогда тебе придется повторить курс? — сказала Мадлен.

— Чтобы еще раз засыпаться? Нет уж! Я пойду в философский класс! Папа согласен!

Он проглотил мясо, жареный картофель, салат и взялся за сыр.

— Лоран тоже поплыл, как и я, — добавил он. — Я уверен, что в этом году процент засыпавшихся будет рекордным!

Мадлен украдкой посмотрела на брата. Он ел вишни, выплевывал косточки в ладонь, сложенную кулечком, и время от времени бросал на сына грустный и отчужденный взгляд. У него уже явно не было желания даже сердиться. Он посмотрел на часы и сказал:

— Ты извинишь меня, Мадлен? Мне крайне необходимо позвонить в Нью-Йорк.

Филипп вышел из столовой. Даниэль проводил его взглядом и прошептал:

— Последнее время с ним нелегко!

— Есть от чего, разве не так? — спросила Мадлен.

— Ох, нечего завираться! Это оттого, что я провалил экзамен…

— Я говорю не о твоем экзамене, а о твоей свадьбе. Быть вынужденным жениться в восемнадцать лет!..

— Я не вынужден!

— Не вынужден? Разве ты женился бы на Даниэле, если бы она не ждала от тебя ребенка?

— Может, и да! Только, наверное, не смог бы из-за родителей. Ты понимаешь, ребенок их вынудил! Они не успели прийти в себя, когда все это закрутилось. Видимо, ты, как и папа, считаешь, что я сделал глупость. Но когда ты узнаешь Дани!.. Тогда уже ничего не скажешь!.. — Он выпрямился на стуле. Его лицо сияло. Он сделал рукой в воздухе сладостный арабеск: — Она по-тря-са-ющая! Всегда милая, всегда нежная, что угодно! Мы понимаем друг друга без слов! Когда я с ней, не возникает никаких проблем. Все тяжелые удары я переношу с улыбкой. Вот, пожалуйста, я провалил экзамен. Мне должно было быть тошно. Так нет! Поскольку мы любим друг друга, с меня все как с гуся вода…

В какой-то момент у Мадлен возникло впечатление, что она под руку гуляет с племянником по цветущему саду. Для него все было просто, красиво, очевидно, сглажено, светло. Ей хотелось бы разделить его восторженность, но она была калекой. Почему так получается, что мечты вроде этих, воспрещены взрослым? Растрогавшись, она спросила:

— Какая она внешне?

— Ты знаешь Дорис Брукс?

— Нет.

— Ну! Американская актриса!.. Ты должна была сто раз видеть ее в кино, на фотографиях. Дорис Брукс… Вспомни…

— Да, да, может быть…

— Ну, так вот! Дани похожа — в лучшую сторону! — на Дорис Брукс. Глаза, нос, улыбка. У нее меньше грудь, но после рождения ребенка ты увидишь! Она настоящая женщина! Женщина из женщин! Я не могу тебе лучше объяснить!.. Папа сам считает, что она классная, я это чувствую! А он разборчивый, наш папа! — Он запихнул в рот целую горсть вишен, от чего одна щека у него раздулась как теннисный мяч, прожевал с мечтательным видом, выплюнул косточки и сказал: — Они по-тря-са-ющие! Вишни! Это глупо, что папа не сможет присутствовать на свадьбе! И Кароль, которая потащилась на Антильские острова! Что ты на это скажешь!.. Она не могла выбрать какой-нибудь другой момент? Хорошо, что ты будешь там с Франсуазой и Жан-Марком. Ты их видела?

— Нет еще.

— Похоже, что у них все идет как по маслу. Франсуаза прядет возвышенную любовь по-русски со своим преподавателем. Жан-Марк в разгаре работы! У него даже нет времени зайти домой! Он зубрит к экзаменам и подрабатывает, чтобы наскрести карманных денег! Того, что дает папа, ему уже не хватает. Ему нужно кутить со своей Валерией!

Раздался телефонный звонок.

— А! Это Нью-Йорк! — сказал Даниэль. Потом, стукнув себя по лбу, спросил: — Боже мой! А твой фенек! Что ты с ним сделала?

— Он в гостиной: я его привязала к радиатору!

— Ты его не накормила?

— Да нет, — сказала Мадлен, улыбаясь. — Успокойся, все в порядке. Он получил

свою порцию мяса в машине!

Они встали из-за стола. Увидев хозяйку, фенек стал издавать гортанные крики. Она отвязала его. Даниэль взял животное на руки. Но зверек, испугавшись, вырвался, спрыгнул на пол и спрятался у Мадлен под ногами.

— Ты не узнаешь меня, Жюли? — спросил Даниэль с упреком. — Как все же неблагодарны эти маленькие зверьки! Когда я думаю, что это я привез тебя во Францию…

— Действительно, — сказала Мадлен. — А твой доклад для фонда Зелиджа?

— Полный провал, — сообщил Даниэль. — Ни малейшего отклика! Между нами говоря, это справедливо! Я сделал работу кое-как! Но ни о чем не жалею! В жизни никогда ни о чем не надо жалеть! Не правда ли, моя Жюли?

Он засмеялся. Мадлен прижала фенека к груди. В комнату вошел Филипп. Он поговорил с Нью-Йорком. Все было в порядке. Аньес подала кофе. Даниэль вертелся в кресле. Он посмотрел направо, налево и сказал:

— Вам не очень скучно?.. Я снова должен уйти…

— Зачем? — спросил Филипп.

— Я обещал Дани…

— Ты там только что был!

— Я там был мимоходом, у меня почти не было времени поговорить… Во всяком случае, раз с экзаменами покончено, мне больше нечего делать… И потом, я вернусь не поздно…

— Что ж, иди! — вздохнул Филипп.

— Только, перед тем как уйти, ты принесешь мой чемодан. Он в машине.

— Ты будешь спать у нас? — спросил Даниэль.

— Да.

— Вот здорово!

Она протянула ему ключи от своей малолитражки. Он убежал и через десять минут снова появился с раскрасневшимся лицом.

— Я принес чемодан в комнату, — сказал он. — Но твоя машина была плохо поставлена… Я ее слегка переставил. Ты увидишь…

Мадлен улыбнулась: Даниэль не мог увидеть руль и не потрогать его. Он пожелал доброй ночи отцу, тетушке и снова исчез. Это было похоже на то, как если бы погасла только что светившая лампа. Оставшись наедине с братом, Мадлен снова погрузилась в мечтания. Он курил, устремив глаза вдаль. Мадлен вдруг увидела, как за этой усталой маской проглядывает лицо ребенка, замкнутого, болезненного, задиристого. Она была его старшей сестрой. Он ее не слушал. Смутный крик, прилетевший из прошлого, донесся до ее слуха: «Фил, если ты не бросишь эту ящерицу, я все расскажу маме!..» Потом залитый солнцем сад провалился в глубины ее памяти. Сидящий перед ней Филипп, наморщив лоб, тихо сказал:

— Если бы ты знала, как мне тошно отправляться послезавтра в Нью-Йорк!

IX

Стоя совершенно нагой перед зеркалом над раковиной, Александр брился.

— Если бы ты немного поторопился, мы могли бы пойти туда вместе! — сказала Франсуаза.

Он повернулся к ней всем корпусом. Она была поражена его невозмутимой неблагопристойностью. Выставив неприкрытую плоть и намыленный подбородок, он бросил на нее раздраженный взгляд. У него была матовая кожа, четко обозначенные продольные мышцы, плоский живот, волосатая грудь.

— Какая ты прилипала, когда тебе что-то надо! — сказал он.

Франсуаза почувствовала себя смешной в бежевом платье и в перчатках в белую сеточку перед этим волосатым животным. Шрам после операции аппендицита, бледный и отчетливый, виднелся у него на теле, над пахом. На затылке и на висках волосы были слишком длинны. Она просила его подстричься короче. Он отказался. Бреясь, он слегка покачивался с одного бедра на другое. У него были красивые ступни.

— Все же, Александр, ты мог бы сделать усилие! Мой брат женится! Что они подумают, если я приду одна?

— Они подумают, что им заблагорассудится! Ты сочинишь какую-нибудь историю! Разве твой отец идет туда? Нет, не так ли? Он в Нью-Йорке. Он прогуливается! Я тоже хочу прогуляться! Не уезжая так далеко, не беспокойся!

— Ты мог бы, по крайней мере, присоединиться ко мне потом. У Совло…

— Это для меня будет еще противней, чем в мэрии!

— Тогда где ты будешь обедать?

— Если проголодаюсь, пойду к Поло.

— Без меня?

— Ну это же будет не в первый раз!

Он повернулся к раковине, чтобы закончить бритье. Она видела его спину, бедра.

— У тебя сегодня днем нет занятий?

— Нет.

— Ты будешь работать над переводом?

— Может быть… Но такая жара! Я больше люблю работать ночью…

Франсуаза пришла в уныние. Определенно, нет никакой возможности совладать с этим человеком. «Я сбил тебя с пути истинного», — сказал он ей однажды с гордостью. И с тех пор не уставал ее поражать. Половина одиннадцатого. Пора идти.

— Ну ладно, я ухожу, — сказала она с грустью.

Он заключил ее в свои объятия. Она сопротивлялась, прижатая в своем легком платье к выпуклостям мужской наготы. Он смеялся, он играл…

— Ну же, отпусти меня!

Александр горячо поцеловал ее в губы. Она была в ярости, оттого что он отказался с ней идти. Большим усилием Франсуаза вырвалась и направилась к двери.

Улица была залита солнцем. Франсуаза перешла на теневую сторону и пошла быстрым шагом, поскольку опаздывала.

Придя в мэрию Седьмого округа, она с удивлением увидела, что внутренний двор полон народа. Стоявшие около стены в глубине полдюжины автомобилей были украшены кусочками белого тюля, прикрепленными на верхушках радиоантенн. Шесть девушек в свадебных платьях составляли центры шести семейных кружков, нарядных и радостных. Все были молодые, но ни одной хорошенькой. С маленькими букетиками в руках они жеманничали под своими вуалями, в то время как матери пытливым взглядом следили за мельчайшими складочками их туалета. Фотографы-профессионалы с фотоаппаратами на плече рыскали словно акулы среди этой мелюзги. Тут и там толкались разгоряченные и нерасторопные подружки невест, участвующие в обряде неугомонные дети, которых приходилось призывать к порядку. Все это, подумала про себя Франсуаза, выглядит в центре Парижа странным образом торжественно и провинциально. Александр был прав, когда утверждал, что, несмотря на свою горластость, французы всегда были мещанскими поборниками безопасности, бережливости и традиционных устоев. Даниэла и Даниэль — единственные ли в этой компании, кто не венчается в церкви? Франсуаза поискала их глазами, поднялась по ступенькам крыльца и вошла в холл мэрии.

Они были там. Позолота, монументальная лестница, пол из черной и белой плитки — казалось, вся эта республиканская роскошь нисколько их не трогала. Отсутствие Филиппа и Кароль облегчило соединение двух семей. С каким-то щемящим чувством Франсуаза отметила, что на матери было бирюзовое платье и шапочка из полевых цветов, которая ее вовсе не молодила. Ив Мерсье в жемчужно-сером костюме обливался крупными каплями пота и обмахивался шляпой. Эта явная элегантность по контрасту делала еще проще туалеты господина и госпожи Совло, выбравших для себя темные тона. Они стояли рядом с улыбающейся дочерью, одетой в шляпку из белой соломки и платье цвета розовой промокательной бумаги. Рядом с ней Даниэль — нескладный и серьезный, в темно-синем костюме, будто пришел к первому причастию, припозднившись по возрасту. Там были еще Жан-Марк, Мадлен, Аньес и несколько родственников Совло, которых Франсуаза не знала. После восклицаний и поцелуев Мадлен спросила:

— А Александр?

— Его задержал издатель, — пробормотала Франсуаза. — Он просит его извинить…

Еще пять минут все потоптались, затем появился представитель мэрии, одетый во все черное, с цепью на животе и с папками под мышкой. Тотчас все семьи, которые ждали снаружи, заторопились и вестибюль заполнился наплывом нетерпеливых посетителей. Теснимые со всех сторон невесты в белом защищали свои хрупкие уборы. Невозмутимый представитель мэрии произвел перекличку имен. Поскольку была суббота, бракосочетания шли одно за другим, как по конвейеру. Даниэла и Даниэль были в первой партии. Когда их пригласили, они прошли в двустворчатую дверь. Все гости последовали за ними. Переступив порог, Франсуаза увидела зал, украшенный пышной позолотой, с кессонным потолком и скамьями, обитыми голубым бархатом. Жених и невеста расположились в креслах, стоящих напротив высокого письменного стола. Их близкие заняли места рядом с ними и у них за спиной. Свидетелями были Мадлен и дядя Даниэлы.

— Усаживайтесь поплотнее, дамы и господа, — сказал распорядитель. — Мне нужно разместить еще две свадьбы.

Действительно, следом за свадьбой Эглетьер — Совло появилась другая и еще одна. Вновь прибывшие рассаживались, разговаривая шепотом. Что общего между этими тремя парами? Повернувшись, Франсуаза увидела краснолицего и веселого парня с крупной девушкой в очках. Она вообразила его помощником мясника, который привык орудовать мясорубкой, а ее продавщицей, с улыбкой приветствующей клиентов и протягивающей им сдачу. А там, в конце, эта анемичная особа, украшенная флердоранжем, и этот худой и усатый молодой

человек, может быть, они почтовые служащие? Когда сама она выходила замуж, народу было меньше. А ведь тоже была суббота… Она перевела взгляд на своего брата и будущую невестку. Сидя прямо за ними, Франсуаза видела только их головы, выступающие из-за спинок кресел. Соломенная шляпка Дани слегка покачивалась. Она болтала с матерью. «Что за идея отказаться от венчания!» — подумала Франсуаза. И вспомнила слова Даниэля: «Понимаешь, сначала посмотрим, как у нас будет складываться. Когда будем уверены, все урегулируем в церкви…» Разумеется, не он занимался этим низким расчетом. Мода на пробные браки как раз начинала распространяться. Франсуаза даже читала статьи в газетах на эту тему. Сколько католических семей вот так жили во грехе из-за избытка благоразумия! Мэр все еще не появлялся. Со своего цоколя бюст Марианны, символ Республики, строго взирал пустыми глазницами на беззаботные пары. Франсуаза чувствовала себя старой, разочарованной и словно очерствевшей от приобретенного опыта.

Внезапно все встали. Высокая решительная женщина, на груди которой лежал диагональю трехцветный шарф, заняла место на возвышении, позади стола. Мэр отсутствовал, она была его заместителем. Франсуаза подумала про себя, что не хотела бы предстать перед таким муниципальным чиновником в юбке. Впрочем, какой прок от того, что она сочеталась браком перед настоящим мэром и настоящим священником? Все снова сели. Заместитель мэра взяла слово. Примета времени — оказалось, что все три пары, собравшиеся перед ней, были слишком молоды, чтобы вступать в брак без разрешения родителей. Нежным и чистым голосом она описала им пропасть, отделявшую юношеские мечты от жестокой реальности супружеской жизни:

— Жизнь вдвоем возможна только в атмосфере взаимного снисхождения. Только желая счастья другому, вы построите свое собственное счастье…

Франсуаза вспомнила Александра, голого, бреющегося перед умывальником. Счастье другого! Об этом он совсем не заботился! Даже не изменил свою жизнь, женившись на ней. Просто обеспечил себе новую публику в доме. И речи не было о том, чтобы считаться с женой. Правда, со своей стороны, он и ее не просил об этом. Каждый сам по себе, встречались за столом, в постели… Она подумала, что он уже должен был закончить свой туалет. Конечно же, бродит сейчас по берегам Сены, задрав голову вверх, руки в брюки. Уединение — его страсть. Как могло случиться, что, несмотря на свое отвращение к расписаниям и правилам, он пошел на место преподавателя в Институте восточных языков? Желание донести свою любовь к русскому языку до учеников, неосознанное удовольствие от единения с молодыми? Она, так или иначе, бросила занятия и все свое время посвятила машинописному труду на дому для фирмы «Топ-Копи». Бог с ним, с дипломом! Надо же было жить. Сейчас она зарабатывала столько же, сколько и Александр.

Помощник мэра, в обычной манере восхвалив жар молодости, вспомнила о нуждах стариков и призвала присутствующих участвовать в благотворительной деятельности округа. Представитель мэрии прошел между диванами. Зазвенели монеты, падающие в корзинку. Закончив сбор пожертвований, он обратился к трем парам, попросив встать только их. Можно было подумать, что все находятся в классе во время опроса. Но на этот раз урок пересказывает учитель. Заместитель мэра читала отрывки из Гражданского кодекса: «…Необходима взаимная верность, помощь и поддержка… глава семьи… он выполняет эту функцию в общих интересах супругов и детей…». Позавчера Александр пришел домой в два часа ночи. Она печатала на машинке, ожидая его. Он был очень весел, слегка под хмельком. Сказал, что его «утащили» приятели. Не «утащила» ли его, скорее, какая-нибудь женщина? Франсуаза даже не задала ему этот вопрос, опасаясь, как бы он не ответил: «Да! Ну и что?» Голубой бархат, золоченые панели! В окно просматривался сад. «Жена наравне с мужем обеспечивает моральное и материальное руководство семьей, заботится о ее содержании, о воспитании детей и их дальнейшем устройстве…» Торжественность этих устаревших рекомендаций. Мирское счастье в формулировках. И за ним Александр, потягивающий сухое вино, уходящий, приходящий, свободный, циничный, насмешливый, неуловимый…

Любила ли она его еще? Да, но с отчаянием, с беспокойством, как-то болезненно, неполнокровно, вымученно. С тех пор как она увидела его враждебное отношение к идее завести ребенка, у нее уже не было никаких иллюзий о будущем их семьи. Он потушил в ней всякую мечту о глубокой близости. Он ее подчинил, развратил до такой степени, что она искала в его объятиях уже только физическое наслаждение, необузданное и преходящее. Сначала ее шокировали некоторые из его требований. Теперь она на все соглашалась, все испытала и в погоне за наслаждением была подчас даже более страстной, чем он. Но, когда разъединялись тела, возвращалось дыхание, какое глубокое уныние охватывало ее, какой стыд!..

Даниэль сказал «да» твердым голосом. Соломенная шляпка наклонилась с шепотом согласия. Заместитель мэра объявила от имени закона, что они соединены брачными узами. Все было закончено. Отсутствие Бога оставляло ужасное ощущение. Ни молитвы, ни пения, ни слова, обещающего вечную жизнь. Одна вспышка, две вспышки — работал фотограф.

— Пожалуйста, подойдите и распишитесь, — сказал служащий. — Сначала месье, потом мадам, потом свидетели.

Даниэла и Даниэль наклонились как школьники над большой книгой записей актов гражданского состояния.

— Вторая пара, вставайте и проходите, — пригласил распорядитель.

«Помощник мясника» и его невеста в очках переступили через бархатные скамейки и со всей своей свитой заняли места, еще теплые от предшествовавших молодоженов. Чета «почтовых служащих» тоже продвинулась на два ряда. Снова зазвучал голос помощника мэра, задавая традиционные вопросы. Это серийное производство супружеских пар не удручало Франсуазу, когда то же самое происходило с ней самой и Александром. Почему же теперь для нее это было так мучительно? У Даниэля и Дани был такой счастливый вид! Они шли к выходу, в то время как у них за спиной уже началась следующая церемония. В холле их сразу же окружили обе семьи. Как и предполагала Франсуаза, ее мать пустила слезу. Лоран и Даниэль смеялись:

— Были друзьями, а теперь родственники! — сказал Лоран. — Забавно, да?

Неожиданно в объятиях у Франсуазы оказалась ее невестка, мягкая, розовая и сияющая. Они поцеловались в обе щеки. Соломка от шляпы Дани поцарапала Франсуазе лоб. «Дани беременна», — подумала она, и в груди у нее что-то екнуло, оборвалось.

Во дворе Жан-Марк взял сестру за руку.

— Она милая, эта малышка Дани, — сказала Франсуаза.

Жан-Марк только пробормотал: «Да, да…» Он явно считал эту свадьбу вызовом здравому смыслу. Или, скорее, ему все это было не интересно. Он жил вдали от других, над ними, в каком-то облаке дыма. Даже то, что он успешно сдал свой экзамен по праву, его не радовало! Хоть он и не рассчитывал на этот успех. Странный парень, все время мрачный, держится в стороне, нерешительный, беспокойный…

Последние снимки фотографов на крыльце. Молодожены одни, затем с родителями, с друзьями:

— Ты идешь, Франсуаза?..

Она не смогла отказаться. Солнце светило ей прямо в глаза, она стояла рядом с братом. Искусственная улыбка. Свадьба «помощника мясника» подходила следом. Им уступили ступеньки для снимков на память. Мужчины суетились вокруг машин.

— Кто садится со мной? У меня два места!

— Лоран! Где Лоран?

Жан-Марк ехал в машине господина Совло. Мадлен утащила Франсуазу на улицу и остановила такси.

— Вот и хорошо! — вздохнула она, усаживаясь на заднем сиденье рядом с племянницей. — И этого тоже женили! Вот уж история! Но скажи-ка, почему ты мне редко писала?

— У меня было очень много дел, — оправдалась Франсуаза.

— Но, по крайней мере, ты счастлива?

Франсуаза подняла голову, словно ее призвали к порядку:

— Безумно счастлива, Маду! Александр — человек необыкновенной деликатности, предупредительности, ума. Мы прекрасно понимаем друг друга…

Франсуаза говорила быстро, следя за своим лицом. Но под проницательным взглядом Мадлен у нее пропало желание приукрашивать. Если уж она хочет быть прямой, то не должна привирать. В конце концов она пробормотала:

— А бывает, и ссоримся!..

— Это потому, что вы поссорились, он не пришел в мэрию?

— Ничего подобного! — воскликнула Франсуаза. — Он действительно занят. Необычайно занят!

— И для обеда тоже?

— Ну да.

В ней поднялось раздражение против тетки, слишком уж прозорливой и слишком хорошо к ней расположенной. Что за страсть у Маду вмешиваться в жизнь других! Стекла такси были опущены. Город задувал свой горячий и тяжелый воздух в машину. Франсуаза сжалась в комок и со злостью повернула голову, глядя на мелькавшие мимо здания.

В столовой у Совло в тесноте собралось шестнадцать человек. Прибор Александра убрали. Миниатюрная домработница, постоянно наталкиваясь на двух профессиональных официанток, нанятых дополнительно, носилась туда-сюда, ошибалась, меняя тарелки. Четыре или пять диалогов шли за столом одновременно и накладывались один на другой. Чтобы лучше услышать друг друга, женщины старались говорить громче. Оглушенная этой болтовней, Франсуаза напрасно пыталась казаться оживленной. Напротив нее поглощал еду Даниэль, радостный, простой, круглолицый и счастливый рядом со своей совершенно бледной молодой женой. Неожиданно Дани вышла из-за стола. Мать проводила ее грустным взглядом. Через некоторое время она вернулась, смущенная, но с чувством облегчения. Даниэль прошептал ей на ухо несколько слов. Они быстро поцеловались. Ив Мерсье и господин Совло критиковали государственную финансовую политику. Жан-Марк курил, устремив глаза вдаль. Франсуаза спросила его, что он рассчитывает делать на каникулах.

— Разумеется, поеду к Шарнере в Солонь, — сказал он. — А ты?

— Я еще не говорила об этом с Александром. Возможно, мы останемся в Париже…

Все замерли в торжественном молчании, когда появился десерт: гигантский меренговый торт. Даже не успев еще его попробовать, Франсуаза ощутила на

языке отвратительный привкус. Куски падали в тарелки — треугольные, мягкие и неровные. Чья-то рука с бутылкой протянулась через весь стол. Непременное шампанское. Ив Мерсье постучал ножом по краю бокала и встал. «О, нет! Не надо!..» — подумала Франсуаза. Но он уже взял слово. К счастью, он был не в ударе. Сказав три банальные фразы, снова сел под аплодисменты на свое место. Люси, пристроившись на краешке его стула, не сводила с мужа влюбленного взгляда. Франсуаза даже слегка позавидовала: как смешно обожает мать этого человека. У всех замужних женщин, которые здесь присутствовали, мужья были под рукой — необходимые, удобные, легкие на подъем, как их сумочки. Каждая в душе собственница, все они выставляли напоказ свою мещанскую гордость. Лишь Франсуаза выглядела брошенной. Да, но ведь и Александр выпадал из общего правила. Шампанское пенилось в фужерах. Выпили за здоровье молодых. Потом Дани захотелось показать Франсуазе, как она переделала свою девичью комнату в супружескую спальню. Она увлекла ее в дальний конец квартиры. Франсуаза увидела большой диван-кровать в этакой пещере с розовыми обоями, книжные стеллажи, выдерживающие целое семейство кукол, металлическую пепельницу на длинной ножке, туалетный столик, задрапированный белой вышивкой.

— Неплохо, правда? — спросил Даниэль Франсуазу. — Дани все сама устроила!

Они вернулись в гостиную, окна которой выходили на рю де Бурдоннэ. Пока пили кофе под гравюрами со сценами псовой охоты, служанка принесла телеграмму для господина и госпожи Эглетьер. Они с нетерпением распечатали ее и прочитали, склоняя головы друг подле друга: «Думаю о вас. Желаю счастья. С нежностью, Филипп». Телеграмма была из Нью-Йорка.

— Я страшно рад! — сказал Даниэль.

Его восклицание осталось без отклика. Люси подошла к Мадлен и прошептала:

— Все же он мог бы отложить свою поездку, вы не находите?

— Да, — сказала Мадлен, — это нелепо!

Она давно не виделась со своей бывшей невесткой. Новая встреча с человеком, принадлежавшим далекому прошлому, неожиданно привела Мадлен в замешательство. Стоя перед этой женщиной и глядя на нее вблизи, она нашла ее увядшей, заурядной и чрезмерно беспокойной.

— Вы не изменились! — сказала Люси с любезной улыбкой.

Мелкие морщинки перемещались у нее на лице под слоем жидкой пудры. На веках были положены серебристо-голубые тени. Лично против нее Мадлен ничего не имела, однако все больше упреков всплывало из глубин ее памяти: брошенные дети, распад семьи брата…

— О, нет! — сказала она. — Я изменилась! Возраст, килограммы…

— Вам очень идет быть немного поплотнее! — ответила Люси. И, на минуту задумавшись, добавила: — Я так жалею, что мы больше не видимся!

Что тут скажешь? Мадлен, смущенная, хранила молчание.

— Жизнь глупа! — заключила Люси.

И с гримасой расстроенной девочки отошла в сторону. Мадлен увидела, как она общалась со своими детьми. Переходила от одного к другому, брала под руку Жан-Марка, подбегала что-то пошептать на ухо Франсуазе, цеплялась за Даниэля и приглаживала ему волосы. Можно было подумать, что она устраивает представление у Совло. Отсутствие Филиппа позволяло ей без затруднений играть роль матери. Так почему же она жаловалась, что его нет? Обойдя весь свой выводок, не забыв Даниэлу («Теперь у меня вторая дочь! Вы действительно хотите, чтобы я вас тоже звала Дани?»), она присела на канапе рядом с госпожой Совло.

Расположившись по соседству, обе женщины, вероятно, обменивались приятными и горькими рассуждениями о детях, которые вырастают, открывают для себя мир и оставляют семейный круг, чтобы создать свой собственный очаг. Даниэль сделал знак Даниэле, и они исчезли. Конечно, пошли собирать чемоданы. Они договорились провести первую брачную ночь в гостинице в окрестностях Парижа — это небольшое путешествие предложили им родители Даниэлы.

— В самом деле, они очаровательны! — высоким голосом частила Люси.

Эти всклики резанули слух Мадлен как слишком явный диссонанс. Определенно, она предпочитала Кароль со всеми ее недостатками. Миниатюрная служанка снова принесла кофе. Неожиданно все зашевелились. Чашка Ива Мерсье соскользнула с блюдца, но он поймал ее на лету. К счастью, она была пустой. Кто-то заметил:

— Браво! Ну и ловкость у вас!..

Он просиял — скромный человек! «Вот что значит заниматься спортом, не правда ли?» Люси нежно облокотилась на плечо мужа. Мадлен почувствовала, что она все больше и больше принимает сторону Филиппа. Она была сестрой своего брата до мозга костей и отошла от Люси тогда же, когда брат с ней развелся. Это было смешно!

Даниэль и Даниэла появились снова. Розовые и блаженные, они пришли попрощаться. У Люси глаза наполнились материнской любовью, а верхняя губа задрожала — сиюминутная искренность, свойственная некоторым женщинам, для которых огорчаться, вздыхать, плакать — все равно что сходить в «одно место» и потом об этом больше не вспоминать.

— Помните, что обещали? После возвращения придете к нам! — сказал Ив Мерсье.

В этот момент дверь гостиной открылась и Мадлен с удивлением увидела Александра. На нем был пиджак из толстой серой фланели, рубашка в мелкую клеточку и пыльные ботинки.

— Мне очень жаль, что не смог раньше освободиться, — сказал он, склонившись в поцелуе над рукой госпожи Совло.

«Все-таки пришел, — подумала Франсуаза. — Из-за меня!» И сразу же исчезли все мысленно адресованные ему упреки. Она даже рассердилась на себя за то, что так быстро его приговорила. Но что за удовольствие он испытывал от того, что делал не так, как говорил, появлялся тогда, когда его уже не ждали, всегда и во всем занимал противоположную общепринятой точку зрения? Она просияла в своем обретенном супружеском счастье.

Александр поздравил молодоженов, согласился выпить чашку кофе, рюмку водки. У Мадлен возникло вдруг ощущение пустоты: Даниэль и Дани уже не было. Она и не видела, как они ушли. Ее окружили Александр и Франсуаза.

— Как ваша нога? — спросил он.

— Я даже не думаю о ней больше!

— Ты приехала на машине? — поинтересовалась Франсуаза.

— Нет, на этот раз на поезде, была немного уставшей. Так же быстро и более комфортабельно.

Они сидели у окна. Беседа шла вяло, и Мадлен наблюдала за ними таким взглядом, каким обычно изучала какую-нибудь ценную вещь, чтобы разглядеть изъян, осколок, неумелую реставрацию. Но нет, все выглядело прочным, спаянным, объединенным любовью, привычкой и уступкой более слабого более сильному. Александр подчинил и покорил Франсуазу. Он переделал ее, превратил в свою вещь. Она уже жила не как самостоятельное существо, а как приложение к своему

мужчине. Если она могла этим довольствоваться…

— Ты приехала на несколько дней? — спросила Франсуаза.

— Нет. Мне бы хотелось уехать сегодня вечером, — ответила Мадлен. — Я не могу дольше оставлять магазин в разгар сезона. По воскресеньям у меня самые удачные продажи!

На самом деле ничто не заставляло ее возвращаться так скоро. Но чем ей было заниматься в Париже? Останься она, и Франсуаза сочла бы необходимым пригласить ее на ужин, как в прошлый раз, а это ни для кого не было бы приятным.

— Жаль! — сказала Франсуаза. — Могли бы поужинать вместе… Не сегодня, мы должны пойти к друзьям Александра… Но завтра…

— Я скоро вернусь…

— На свадьбу Жан-Марка? — спросил Александр.

Он улыбался со слегка искривленным ртом, с блестящими, словно бусины черного янтаря, глазами между сощуренными веками. Насмешка не понравилась Мадлен. Она опасалась, как бы Жан-Марк их не услышал. Он стоял в двух шагах и разговаривал с Лораном.

— Зачем ты так говоришь, Александр? — пробормотала Франсуаза с упреком.

— А почему бы мне этого не сказать? Это же возможно. Я уверен, что если бы сказал ему об этом… — Он позвал: — Жан-Марк!

Франсуаза схватила его за руку:

— Александр, молчи, прошу тебя! Ты знаешь, какой он ранимый…

Жан-Марк подошел к ним с вопросом во взгляде. Воцарилось молчание. Мадлен посмотрела на Александра и мстительно и умоляюще одновременно. А у него было лицо мальчишки, затевающего комедию.

— Ваша тетя сообщила нам, что она сегодня вечером уезжает, — сказал он. — Не смогли бы вы повлиять на нее, чтобы она осталась еще на один день?

Мадлен, вздохнув с облегчением, включилась в игру:

— Нет, это невозможно. Кстати, мне уже нужно бежать. Иначе я опоздаю на поезд. Надо еще собрать чемодан…

— Я провожу тебя, — сказал Жан-Марк.

Растаяв от признательности, она запротестовала:

— Это смешно!

— Но мне это доставит удовольствие!

Внезапно Мадлен почувствовала себя удовлетворенной, избалованной и словно тоже вышедшей замуж. Жан-Марк подошел вместе с ней к Совло. «До свидания!..» — «Вы уже уходите?..» — «Все было прелестно!..» — «Спасибо!..» Он уводил ее, он ее похищал!

На улице Жан-Марк взял Мадлен под руку. Она шла рядом с ним, приноровляясь к широкому мужскому шагу, гордая и счастливая.

— Ты очень спешишь? — спросил он.

Она засмеялась:

— Подумай! Мой поезд только в восемь с чем-то!

— Тогда у нас есть время пройтись пешком! Погода такая хорошая!

Мадлен не решилась сказать ему, что после травмы стала быстро уставать, и кивнула головой.

До эспланады Дворца инвалидов все было хорошо, затем она начала приволакивать ногу. Но Жан-Марк не замечал этого: он описывал перипетии своего экзамена с обилием подробностей, которые со стороны парня, обычно такого замкнутого, были для нее удивительны. Ей казалось, что она слышит Даниэля, пустившегося в один из своих рассказов, в которых он неизменно бывал героем. Внезапно Мадлен поняла: Жан-Марк рассказывал об экзаменах по различным правовым дисциплинам, чтобы избежать с ее стороны вопросов о чем-либо другом. То, что она приняла за юношескую готовность с удовольствием рассказывать о себе, на самом деле было оборонительным маневром. Она не решалась его прервать, в то время как он разоблачался за этой дымовой завесой. Впрочем, она слишком устала, чтобы задавать вопросы. Каждый шаг больно отзывался у нее в колене, в бедре. Она начала прихрамывать. Солнце, стоявшее высоко в небе, пекло лицо и руки. Бульвар Сен-Жермен, толпа на тротуарах, машины бампер к бамперу, шумные бистро, книжные лавки, полные новых книг; витрина натуралиста и в ней застывшие животные с остекленелым взглядом и мертвой шерстью; старинная мебель по соседству с галереей скульптуры из железной проволоки; церковь, массивная и древняя, и напротив нее магазин, мрачный, торжественный, торгующий серебряными кубками и крестами ордена Почетного легиона…

На рю Бонапарт Жан-Марк остановился перед отелем «Моне» и посторонился, чтобы пропустить Мадлен вперед. Она покачала головой:

— Жан-Марк, я остановилась не здесь.

— А где?

— У твоего отца.

Он открыл рот, а глаза его округлились.

— А? — пробормотал он. — Тогда я тебя оставлю…

— Ты со мной не поднимешься?

— Нет.

— Почему?

— Я предпочитаю…

— И Филипп, и Кароль уехали: я одна в квартире.

Он еще колебался.

— Ну пойдем! — повторила Мадлен. — Не валяй дурака!

Он смотрел на нее долго, испытующе, потом произнес низким голосом:

— Ты знаешь, да?

— Да.

— Кто тебе сказал?

— Не имеет значения.

— Папа?

— Да. Пойдем, Жан-Марк.

— Если он узнает, что ты привела меня в дом…

— Ну и что? Нужно же, чтобы ты когда-то туда вернулся! Пойдем, прошу тебя!

Мадлен пошла. Он — следом за ней. Ей казалось, что она на веревке тащит теленка, неповоротливого и вялого. Консьерж прогуливался перед своей комнатой. Он поздоровался с ними. Жан-Марк был мертвенно-бледен. Когда она позвонила в дверь квартиры, он нервно заморгал глазами. Дверь открылась:

— Месье Жан-Марк! — воскликнула Аньес.

Она казалась счастливой и испуганной одновременно. Они быстро прошли перед ней. Гостиная была залита солнцем. Мадлен опустилась в кресло. Жан-Марк остался стоять и смотрел вокруг себя с внимательным, болезненным и беспокойным видом. Хотя ей никто ничего не заказывал, Аньес принесла белого вина для Мадлен и виски с минеральной водой для Жан-Марка. Мадлен выпила глоток вина и пошла искать фенека, которого оставила у себя в комнате. Когда она вернулась, держа Жюли на руках, Жан-Марк не шелохнулся. Стоя с туманным взглядом, он, казалось, целиком отдался нахлынувшему на него потоку воспоминаний. Рука его гладила спинку кресла. Потом он дотронулся до статуэтки из саксонского фарфора, стоящей на круглом столике. На губах у него появилась улыбка.

— Я ненавижу эту вещицу, — сказал он. — Однако мне было бы жалко, если бы кто-то разбил ее!

— Тебе ничего не нужно? — спросила Мадлен.

— В каком смысле?

— Полагаю, что твой отец тебе больше не помогает…

— Нет, но все же я неплохо выкручиваюсь… Ты славная… Спасибо…

— А Валерия?

— Что?

— Ты все еще с ней?

— Да.

— Ты ее любишь?

— Нет.

— Тогда почему ты с ней, если не любишь ее?..

Он удивленно взглянул на нее и ничего не ответил.

Про себя она согласилась, что ее замечание было смешным. Когда же она наконец расстанется с розовыми и голубыми романами своей юности? Жан-Марк опустил голову. На лбу у него пролегла морщина. Вдруг он выпрямился, и она увидела, как у него в глазах засветились растерянность, мольба. Губы скривились, он прошептал:

— Маду, есть одна ужасная вещь: я не могу забыть Кароль. Не хочу ее снова видеть, ненавижу ее, и всякий раз, когда пытаюсь исцелиться от нее с другой, — терплю неудачу!..

— Потому что ты еще не встретил женщину, которая…

Он не дал ей закончить:

— «Женщину, которая», «женщину, которая»! Нет, правда заключается в том, что мне крышка!

— Что ты говоришь?

— Ты в такое не веришь, не веришь в печать, которую один человек накладывает на всю жизнь другого?

— Верила, когда была в твоем возрасте. У меня это прошло. И у тебя пройдет…

Он посмотрел на нее таким же злым взглядом, как в детстве, когда она отнимала у него какой-нибудь приключенческий роман, чтобы заставить делать уроки.

— Я люблю ее, — сказал он глухо. — Никто не сможет ничего сделать с этим. Даже ты!

Жан-Марк налил себе виски, выпил, повернул голову. Его взгляд блуждал по комнате, останавливаясь на каждом предмете. Он словно следил за перемещением какой-то тени. Он видел, он вдыхал Кароль.

— Пойдем ко мне, — сказала Мадлен. — Мне нужно собрать чемодан.

Она увела его, скучного и рассеянного. Он уже был далеко от нее. Даже когда Мадлен говорила с ним, он отвечал ей с задержкой на секунду. И все же он настоял на том, что непременно проводит ее на вокзал.

— Это испортит тебе весь вечер. Ты ничего не намечал?

— Я должен зайти к Валерии в половине девятого. Она подождет!

— Это не очень любезно…

— Почему? Девушки обожают ждать! Чем небрежнее к ним относишься, тем они счастливее!..

Мадлен поняла, что, вот так посмеиваясь над своими сверстницами, он косвенно воздавал должное Кароль.

На вокзале Сен-Лазар мрачная, густая и безмолвная толпа растекалась по вагонам. Мадлен нашла себе сидячее место в первом классе. Жан-Марк поставил ее небольшой чемодан в сетку для багажа и стоял на платформе до отхода поезда.

Когда состав тронулся, он поднял руку. При виде его натянуто улыбающегося лица, мелькнувшего между лицами двух незнакомцев, у Мадлен защемило сердце. Угроза, которую она считала миновавшей, в ее отсутствие возникла снова. В глубине страдающей души Жан-Марка, размышляла она, таилась смутная надежда на то, что его отношения с Кароль возобновятся. Он не мог расстаться с мыслью, что все кончено и Кароль не вернется к нему после какого-нибудь катаклизма. Это двойственное состояние — негодующее сопротивление и стыдливый отказ — не давало ему покоя даже тогда, когда он запрещал себе желать невозможного. Несмотря на свои протесты, он только и жил в скрытом ожидании возобновления их связи. Для него, наверно, никогда не наступила бы развязка. Вероятно, и с возрастом Кароль не потеряла бы над ним своей власти. Да, он даже не замечал бы ее морщин! Он любил бы ее красоту и грацию, которых другие уже не находили бы в ней. Он был из числа тех безумцев, что отказываются признать власть времени.

Мерное покачивание убаюкивало Мадлен. Вокруг сидели незнакомые люди, серьезные и молчаливые, вынашивающие свои заботы, как курицы высиживают яйца. За стеклом вечер ложился на засыпающую равнину. И все это: однообразный стук колес, сиреневые тени неба, сливающиеся с черной землей, далекие огни, уносимые ветром вспять по мере движения поезда, — усиливало тревогу Мадлен. Держа на коленях фенека, она все дальше и дальше удалялась в глубокую ночь. Ей

вспомнились слова брата: «Ты не знаешь, что значит для мужчины мысль о том, что он одурачен собственным сыном…» Если бы Кароль захотела, если бы Жан-Марк уступил, если бы Филипп… Мадлен остановилась, удрученная, посмотрела на своих соседей, уж не вслух ли она заговорила?.. Но никто не выражал недоумения. Сидящая напротив пожилая женщина улыбнулась ей, наклонилась вперед и спросила:

— Это маленький фенек, да?

— Да, мадам.

— Его легко воспитывать?

— Очень легко!

— Я бы не смогла его держать. У меня уже две собаки и две кошки…

Мадлен вдруг охватило ощущение покоя: значит, есть все-таки на свете бесхитростные лица, жизнь без сложностей.

Вагон дернулся, проходя стрелку.

X

Опять опечатка! Франсуаза замазала испорченное слово на пяти экземплярах, исправила ошибку легким ударом сухого пальца и стала печатать медленнее. Всегда к концу дня у нее рассеивается внимание, уставшим пальцам не хватает уверенности. Текст, который она сегодня печатала, был особенно скучным: «Отчет о семинаре, состоявшемся в Экс-ле-Бен, по вопросам промышленной собственности, в частности прав на чертежи, модели и фабричные марки». Двести страниц. Она напечатала еще только сто десять. А ей нужно сдать все послезавтра вечером. Дойдя до двадцать шестой строки, она вынула из машинки пять страниц, отделила их от копировальной бумаги и разложила по порядку. Звонок в дверь поднял ее из-за стола. Франсуаза посмотрела на часы: двадцать минут восьмого. Это мог быть только Александр — он часто забывал дома ключ. Она прошла в прихожую, открыла дверь и с удивлением увидела перед собой молодого человека в тенниске гранатового цвета и в облегающих светло-коричневых вельветовых брюках.

— Это квартира господина Козлова? — спросил он.

— Да.

— Мне хотелось бы его видеть.

— Господина Козлова нет.

— Он в отъезде?

— Нет.

— Значит, он скоро вернется?

— Вероятно…

Молодой человек колебался. Он был высокий, худой, смуглый, с большим ртом и карими глазами, блестящими, как каштаны, только что выпавшие из своей расщепившейся коробочки. На вид ему было лет шестнадцать — семнадцать…

— А если я вернусь через час-полтора? — спросил он.

— Думаю, вы его увидите, — сказала Франсуаза. — Но кто вы, месье?

— Николя Верне. — Назвав свое имя, он с некоторым вызовом посмотрел Франсуазе в глаза. Поскольку с ее стороны реакции не последовало, он повторил: — Николя Козлов, если вам угодно.

Франсуаза вздрогнула. На самом деле она сразу же неосознанно поняла, что это именно он. Он не был похож на отца как две капли воды. Но именно взгляд Александра, горящий, требовательный, дерзкий, выделялся в этом юном лице. Она машинально повторила:

— Николя Козлов…

— Да, — ответил он. — А вы кто?

— Госпожа Козлова.

Его губы скривились в улыбку, которая перешла в гримасу.

— Хорошо, — сказал он, — тогда сейчас…

Какой-то внутренний порыв тотчас же подтолкнул Франсуазу; она не имела права отпускать этого мальчика. Она прошептала:

— Вы не хотели бы подождать здесь?

— С удовольствием.

Он наклонился и поднял маленький фибровый чемоданчик, помятый, ободранный, стоявший рядом с ним на полу. Франсуаза сначала не заметила его. Она посторонилась, пропуская гостя, и предложила ему стул. Он сел. Франсуаза вернулась за свою машинку и, чтобы попробовать прийти в себя, напечатала несколько строк. Руки работали плохо, мысли путались. Она делала ошибки одну за другой, но останавливаться не хотела. Всякий раз, когда она отрывалась от клавиатуры, видела Николя, сидящего напротив со скрещенными руками. Он рассматривал комнату острым взглядом, сверкающим из-под надбровных дуг. Через минуту-другую он проглотил слюну и вздохнул.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросила Франсуаза.

— У вас есть кока-кола?

— Нет.

— Тогда дайте мне воды…

Она пошла в кухню, налила стакан воды из-под крана и принесла ему. Он выпил воду и сказал:

— Спасибо. Она была прохладная…

— Вы живете в Париже? — спросила Франсуаза.

— Нет, я приехал из Тулузы.

— Что вы делали в Тулузе?

— Ну, я там жил.

— Много времени?

— Всегда.

— Вы хотите сказать, что никогда не уезжали из этого города?

— Нет, никогда…

Франсуаза покрыла пишущую машинку чехлом, сложила в ящик бумаги. Значит, Александр солгал ей, сказав, что мать Николя вышла замуж и уехала вместе с сыном из Франции в Чили! «Зачем он это сделал? — задумалась она. — Чтобы у меня не было дальнейших вопросов? Чтобы усыпить подозрения? Мне нужно будет спросить у него, когда мы будем одни. Но я заранее знаю: он не доставит себе труда давать мне объяснения. И я буду смешна со своими подозрениями, злопамятностью. Тогда чего ради? С ним я никогда не узнаю правды».

— Это ваша первая поездка в Париж? — спросила она.

— Да.

— А ваша мать осталась в Тулузе?

— Моя мать умерла в больнице восемь дней назад, — сказал Николя.

Тревога Франсуазы усилилась и овладела ею целиком. Лицо Николя ничего не выражало. Как будто он думал о чем-то своем.

— Простите меня! — пролепетала она. — Это очень печально!

— Да, это печально, — добавил он. — Тем более что она очень страдала. Рак. У нее

были боли в животе. Ее отвезли, и она умерла. — Он с минуту подумал, потом спросил хриплым голосом: — Мой отец говорил вам обо мне?

— Очень мало, — ответила Франсуаза.

— Меня это не удивляет. Он даже не захотел увидеть меня. А чем он занимается?

— Ваша мать вам этого не говорила?

— Нет. Вы знаете, он бросил ее довольно давно!

— Он преподает в Институте восточных языков.

— Преподаватель? Это забавно!

Он покачивал головой. Затем заговорил снова:

— У вас хорошо! О, а это что такое?

Он показал пальцем на большую черную голову из железного дерева.

— Негритянская скульптура, — ответила Франсуаза. — Из Кот-д’Ивуар.

— Вы ее купили?

— Мой брат привез ее оттуда.

— Он путешественник?

— Нет.

Она находила его менее тонким, менее загадочным, чем отец, однако с такой же волнующей привлекательностью во взгляде. Слегка неотесанный, но симпатичный. И такой жалкий в своем одиночестве! Этот видавший виды чемоданчик около стула…

— Сколько вам лет, Николя? — спросила она.

— Через девять месяцев будет семнадцать. А вам?

Дерзость вопроса вызвала у нее улыбку:

— Двадцать лет.

— Кроме шуток? Я думал, вы старше!

— Ну! Вот видите…

— Но тогда, мой отец… Между вами чертовская разница…

Он оживился. Живой взгляд, сморщенная мордашка — он был похож на фенека тети Маду. Странная веселость охватила вдруг Франсуазу.

Хлопнула дверь. В комнату вошел Александр. Он был весь мокрый.

— Ой! Идет дождь? — спросила она.

— И какой! — воскликнул Александр.

Он снял промокший пиджак, бросил его на стул и посмотрел на парня, который встал при его приближении. Николя сунул руки в задние карманы брюк и так и стоял с ввалившимся животом, расставленными ногами, в позе ковбоя из кинофильмов.

— Кто вы? — спросил Александр.

— Николя Верне.

У Александра сомкнулись брови. Вся его фигура казалась натянутой на стальной остов.

— А! — сказал он.

— Его мать умерла восемь дней назад, — сказала Франсуаза. — Он приехал сюда, потому что больше не знал, куда податься…

Она отчаянно бросилась вперед, чтобы не допустить столкновения между мужчинами. Но Александр, похоже, держал себя в руках. Он холодно и тщательно изучал сына с головы до ног. После долгого молчания он сказал:

— Кто посоветовал тебе приехать ко мне?

— Никто. Моя мать оставила мне ваш адрес…

— Она не оставила тебе ничего другого?

— Да, долги.

— Вижу, — пробормотал Александр, закатывая рукава рубашки.

Он взял из шкафа стакан, налил в него воды, выпил залпом. Франсуаза отметила, что у отца и сына была одинаковая, грубая и жадная манера пить, обхватив рукой весь стакан, двигая кадыком, напрягая подбородок. Александр сел на край дивана, под русский пейзаж, на котором синело небо Лазурного берега.

— Так что ты рассчитываешь делать? — спросил он, перебрасывая пустой стакан из одной руки в другую, как фокусник.

— Ну, честно говоря, — сказал Николя, — это немножко зависит от вас…

— От меня?

— Да… Поскольку у меня все как в тумане, я подумал, что вы, может быть, могли бы мне помочь первое время…

— Ты попал некстати, старик. Если у твоей матери были долги, у меня они тоже есть. И больше, чем у нее, разумеется!

— Это не обязательно деньги…

— Что же, если не они? Конечно, они!

— Вы все же не собираетесь меня бросить? — спросил Николя. Панический страх исказил его лицо.

Франсуаза подошла к мужу. Он размышлял. Стакан прыгнул из правой руки в левую.

— Мы должны что-то сделать для него, Александр, — прошептала она. — Это твой сын!

— Мой сын! Мой сын! Легко говорить! В один прекрасный день он сваливается на мою голову со своими бедами и требованиями! Что ты хочешь, чтобы я для него сделал?

— Хорошо, — сказал Николя, — я понял! Я сматываюсь!

Он взял чемодан и направился к двери, шаркая подошвами, покачивая плечами.

— Нет! — возразила Франсуаза. — Я прошу вас остаться!

Александр поставил стакан и посмотрел на нее с удивлением:

— Не хочешь же ты, чтобы он жил с нами?

— Да, хочу.

Парень остановился, в последнюю минуту окрыленный надеждой.

— Его место теперь здесь, — сказала Франсуаза.

Враждебное лицо Александра вдруг засветилось, он фыркнул, разразился невероятным смехом:

— Ну да! Ты права! Его место здесь! Между нами! И если я забыл о своих отцовских обязанностях, то, к счастью, у тебя-то развито материнское чувство!

Этот переход от неудовольствия к радости произошел столь стремительно, что Франсуаза наблюдала за ним с недоверием. Но нет, он был искренен. Александр всегда любил внезапные повороты, перепады настроения, рискованные ходы на пустом месте — все, что нарушало монотонность существования. Серьезное решение, которое она только что приняла, представляло для него всего лишь увлекательную партию. Он хлопнул Николя по плечу и заявил:

— Ты слышал? Доставай свои манатки! Тебя оставляют!

Николя поставил чемодан и прошептал:

— Спасибо.

Какое-то детское выражение смягчило его лицо. Глаза бегали, влажные и робкие.

— Сколько тебе сейчас? — спросил Александр.

— Семнадцать… Ну, почти…

— Уже? А где ты учился?

— У меня есть свидетельство!

— А дальше?

— Я не мог дальше учиться — очень быстро понадобилось, чтобы я работал. Моя мать была старшей продавщицей в магазине «Французские ткани». Она устроила меня на работу рассыльным, потом я перешел в грузчики. Она хорошо ладила с заведующим, по-моему… Мерзавец… Когда она заболела, он меня вышвырнул… Ему надо было пристроить сына какого-то приятеля…

Рассказывая все это, он вышел на середину комнаты. Франсуаза подумала, где она его уложит. В прихожей, разумеется! Там как раз хватит места. Странным образом она вдруг почувствовала в себе такой прилив сил, будто новизна ситуации ее тоже обрадовала. Однако за удовлетворением, что она поступила по совести, скрывался и страх, серый, загадочный, необъяснимый.

— Скоро будем ужинать? — спросил Александр. И, взяв Николя под руку, добавил: — Пойдем, ты поможешь мне накрыть на стол!

Хлопоча в крошечной кухне, Франсуаза наблюдала за обоими мужчинами, которые суетились вокруг стола. Внезапно у нее возникла иллюзия нормальной семьи: отец и сын, много лет живущие вместе, мужская дружба, традиции, тепло семейного очага… Сегодня на вечер она купила только ветчину. Четыре куска. Для троих этого маловато. Но у нее оставались яйца. Она приготовит омлет.

Сидя за столом между Александром и Николя, Франсуаза смотрела, как они ели и разговаривали, — взволнованные, такие похожие, несмотря на разницу в возрасте,

такие близкие, хотя едва знали друг друга! Как всегда, Александр даже не видел, что у него на тарелке. Он ловко и с безразличием орудовал вилкой, быстро и много ел, наливал полные до краев стаканы вина, как для себя, так и для своего сына. После кофе они закурили. Франсуаза отправила их за матрасом, в чулан, на шестой этаж. Они принесли его со смехом: чуть было не сломали себе шею на узкой и крутой лестнице.

— Мне будет здесь хорошо! — сказал Николя, внимательно осматривая прихожую.

Франсуаза заставила их положить матрас прямо на пол и достала из стенного шкафа две чистых простыни и плед, который мог заменить одеяло. Теперь временная постель загораживала проход. Приходилось ее обходить, чтобы дойти до двери. Вместо ночного столика — ящик, покрытый красной салфеткой. Провод от лампы у изголовья включался в розетку в комнате.

— Ложись, посмотри, — сказал Александр.

Николя вытянулся на матрасе прямо в одежде и сказал:

— Классно! — Он смотрел снизу вверх с удивленным видом: родители наклонились над ним. — Классно! — повторил он.

ОБ АВТОРЕ

Анри Труайя — псевдоним Льва Тарасова. Он родился в Москве в армянской семье в 1911 году, с 1917-го живет во Франции.

А. Труайя очень популярен, его творчество отмечено рядом почетных литературных премий, а роман «Паук» (1938) высшей во Франции наградой — Гонкуровской премией. В 1959 году писатель был избран в члены Французской академии и вошел в число «сорока бессмертных».

Творчество А. Труайя разнообразно и многопланово. Писателя интересуют и его родина (он пишет исторические романы о России, беллетризованные биографии классиков русской литературы), и жизнь современной Франции (романы «Обманчивый свет», 1935; «Сети», 1935; «Снег в трауре», 1950; «Голова на плечах», 1951; пятитомный цикл «Сев и жатва», 1953–1958; трилогия «Семья Эглетьер», 1965–1967; роман «Анна Предайль», 1973; сборники рассказов).

О книге

Книга подготовлена пользователями библиотеки . Читайте или скачивайте эту и другие книги на сайте библиотеки бесплатно и без регистрации.

Адрес публикации:

Примечания

1

Коктейль из рома с лимонным соком и сахаром.

2

г. Кан, административный центр департамента Кальвадос.

3

Телефонограмма, подлежащая оплате за счет получателя.

4

Фенек — млекопитающее семейства псовых, «сахарская лисица».

5

Музыкальный автомат *(англ.).*

6

«Штормовая погода» *(англ.).*

7

Образ жизни *(лат.).*

8

Честная игра *(англ.).*

9

Потолок с квадратными или многоугольными углублениями, играющими конструктивную или декоративную роль.